

ОГБУК «Костромской государственный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник»

КОО ВОО «Русское географическое общество»

ОГБУ «Наследие»

**КОСТРОМСКОЙ КРАЙ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ,
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова

Кострома
2019

ББК 63.3(2...)
УДК 94"+/18":908

Печатается по решению Ученого совета Костромского музея-заповедника

Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова: сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. – Кострома: Костромской музей-заповедник, 2019. – 151 с.

Редакционная коллегия: Лазарев А. С., Наградов И. С., Румянцева О.Н.,
Рябинцев Р. В., Щербаков В. Л.

На обложке: фрагмент хороса с раскопа на ул. Симановского, д. 27А в г. Костроме
(автор рисунка В.В. Фомичева). Увеличено в 2 раза.

В сборник вошли научные труды участников межрегиональной научной конференции «Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время» (Кострома, 4 декабря 2019 г.), приуроченной к 110-летию со дня рождения известного уроженца г. Костромы, археолога Петра Николаевича Третьякова (1909-1976). Статьи посвящены новейшим археографическим, археологическим и краеведческим исследованиям.

Широкие временные границы исследований делают сборник интересным для специалистов в области истории, археографии, археологии, этнографии и краеведения.

ISBN 978-5-6042548-2-0



ББК 63.3(2...)
УДК 94"+/18":908

ISBN 978-5-6042548-2-0

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», фотографии, 2019
© ОГБУ «Наследие», фотографии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....6

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....7

**Фотографии и документы П. Н. Третьякова из собрания
Костромского музея-заповедника**

Подготовка к публ. А. В. Семёнова, И. С. Наградов.....7

Гусаков М.Г., Генинг В. В., Патрик Г. К. (г. Москва)

Об историческом наследии П.Н. Третьякова. Реконструктивная археология.....13

СЕКЦИЯ 1.

**История Костромского края и сопредельных территорий
в древности, Средневековье и в Новое время в свете
вещественных источников.....21**

Анциферов А. Л., Митрофанов Р. В. (г. Кострома)

Морские нижнемеловые отложения в составе техногенных обнажений на территории юго-западной части Костромской области.....21

Горохова А. В., Лазарев А. С., Фомичева В. В. (г. Кострома)

Археологические исследования 2019 г. в г. Костроме на ул. Симановского: предварительная публикация.....29

Кузнецова В. Н. (г. Санкт-Петербург)

Дисковидные подвески в археологических материалах Северной Руси и Волго-Камья XII-XIII вв.....44

Лазарев А. С. (г. Кострома)

Археологические разведки и наблюдения на территории Торговых рядов в 2014-2018 гг....51

Несмиян В. Г., Несмиян О. А., Воробьева Е.Е. (г. Шуя) Раскопки на территории Соборной горы в Плесе в 2018 году.....	65	
Сатурин А. А. (г. Кострома) Вал городища Унжа 2: предварительные итоги исследования.....	75	
Четвертаков Е. В. (п. Дальнее Константиново) Сакральные комплексы из камней на реке Лапшанга (Варнавинский район Нижегородской области).....	86	
Щербаков В. Л. (г. Кострома) О времени возникновения современной системы расселения в северной части ближайшей округи г. Нерехты.....	95	
СЕКЦИЯ 2.		
История Костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время в свете письменных источников.....		102
Бутрин Е. С. (г. Иваново) Вотчины Николо-Шартомского монастыря в XV-XVII вв.....	102	
Городилин С. В. (г. Москва) «Были на Костроме воеводы по полком»: запись о местническом споре перед битвой на Ведроши как источник о династических конфликтах второй четверти XV в. и о переходе Ростовского княжения под власть Москвы.....	111	
Копытков В. В. (г. Зеленоград), Кузнецов А. В. (г. Тотьма) "Отписка о казнении жонки Федосьи" в свете взаимосвязей Тотьмы и Солигалича...	119	
Кузьмичёв И.А. (г. Кострома) Состав книжных собраний монастырских церквей г. Галича первой трети XVII в.....	126	
Кузьмичева О. В. (г. Кострома) Илишевская волость по Дозорной книге 1616 г.....	131	

Левашова Л. В. (г. Плѣс)	
К истории Преображенской церкви города Плѣса.....	135
Панченко Г.В. (г. Плѣс)	
Ветряные мельницы города Плѣса в XIX- начале XX в.....	141
СПИСОК АВТОРОВ.....	150
СОКРАЩЕНИЯ.....	151

От редакции

В 2019 году исполнилось 110 лет со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, археолога Петра Николаевича Третьякова, уроженца костромского края. Его научная и организационная деятельность знаменует важнейший этап в изучении исторического прошлого России. Несмотря на то, что основные научные интересы П. Н. Третьякова лежали в сфере изучения глобальных проблем происхождения и древнейшей истории восточных славян, интерес к науке возник у него именно на Костромской земле. Будущий археолог-словист участвовал в археологических исследованиях Костромского научного общества по изучению местного края под руководством В. И. Смирнова; экспедициях В. А. Городцова и А. Я. Брюсова.

Активное изучение истории края продолжается и в современности. Исследователи на основании письменных и вещественных источников занимаются более глубокой разработкой отдельных вопросов истории костромского региона и сопредельных территорий. Обсуждение результатов научных работ в среде заинтересованных специалистов неизменно положительно сказывается на качестве дальнейших исследований. Организаторы постарались собрать краеведов, историков, археологов и этнографов, чтобы обсудить научные работы в рамках научно-практической конференции. Особый интерес представляют результаты новейших полевых исследований.

Конференция "Костромской край и споредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время" прошла 4 декабря 2019 года в Костромском музее-заповеднике. В сборнике представлены 16 докладов учёных из Москвы, Санкт-Петербурга, Иваново, Костромы, Плёса, Шуи, Тотьмы, Зеленограда и пос. Дальнее Константиново Нижегородской области. Большинство исследователей принимали участие в одноименной конференции в 2015 и 2017 годах. Таким образом, можно констатировать, что за последние годы сложился небольшой, но постоянный круг учёных, заинтересованных в подробном изучении истории костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время. Оргкомитет конференции надеется на расширение этого круга в будущем.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Фотографии и документы П. Н. Третьякова из собрания Костромского музея-заповедника



Братья Пётр и Виктор Третьяковы.
1916 г. Российская империя,
Костромская губ., г. Кострома
КМЗ НВ-9443



Софья Николаевна Третьякова,
мать П. Н. Третьякова.
1903 г. Российская империя,
Костромская губ., г. Кострома
КМЗ КОК-32308/2

Ленинград. 26/10/26.


Дорогой дядя!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Тебе 14 лет. Это очень много. Следующие годы - это последние годы пребывания в школе и в... Костроме.

Послало тебе три книжки - ходил я по всему Ленинграду - искал книги про птиц - нет. Нашел только одну - Приттлова "Осенняя жизнь птиц".

Две другие книжки не о птицах и к тому же старые издания - а рубль и полу букмиста за 27и. обе. Одна из них /Малсон-Ветна/ очень хорошая, ее знает папа.

Вот уже 4 дня как стоит зима выпало много снега - вуртка два и от не все еще не тает. Но все же не так холодно.



КМЗ КОК

КОК 32308/5

КОК 23467/4

Лекции у меня начинаются рано, или в 9 или в 9½ час. утра. Это значит, что выходить из дому надо в 8.10 мин. или 8.40 минут. Кончатся лекции по-разному - в понедельник - без перерыва от 9½ до 7з вечера, но в другие дни всегда бывает перерыв и меньше лекций.

Нам дела с учением, ведь ты кажетесь учиться в вечернюю школу?

Нам писывали письма и Эрма?

Письма! Передай поклон и привет от меня маме и папе - маме и папе, что латинский словарь и "письмо" я получил. И это Спицин дал мне Французский словарь вестником в две инициалы. Я буду слушать семинарии Спицина для 4го курса, был уже на одной. Да маме и папе, что дозента Цвибака выставил из урта как оппозиционера. И маме, чтобы писали, да и сам пиши.

Мальрик прислал мне такую книгу - "Застарелые пароды после начала металла" - масса рисунков - почти 400-500 предметов. Страницы 248. Вот смотри это а последние страницы, а там арабский указатель имен и вдруг смотри "P. Fretia кот стр. 4." Смотри страницу 422 - там Fallgren выносит благодарность всем содействовавшим ему при поездке в Россию, в том числе - Пауль, Силка и я а Костромта. В книге среди рисунков - фотографии Забегинивания серпков - помнишь я имел и "поя" Забегинивания "ручка". Послал Fallgrenу благодарности.

Вот уже буду читать.

Ну всего!

Целую Писма

КМЗ КОК

КОК 32308/5

КОК 23467/4

Письмо П.Н. Третьякова из Ленинграда, адресованное брату Виктору. 26 октября 1926 г. СССР, РСФСР, г. Ленинград КМЗ КОК-32308/5



Николай Петрович Третьяков, преподаватель
рисования и черчения. 1918-1919 гг. РСФСР,
Костромская губ., г. Кострома
КМЗ КОК-32308/1



Пётр Третьяков, студент Ленинградского
университета.
1926 г. СССР, РСФСР, г. Ленинград
КМЗ НВ-9444



Семья Третьяковых.
1931 г. СССР, РСФСР, Ивановская промышленная обл., г. Кострома
КМЗ НВ-9445



П.Н. Третьяков в Ипатьевском монастыре. 1930-е гг. СССР, РСФСР, Ивановская промышленная обл., г. Кострома
КМЗ НВ-10759



Пётр Николаевич Третьяков, советский историк и археолог.
1941 г. СССР
КМЗ НВ-9446



Пётр Николаевич Третьяков, историк и археолог. Съемка в археологической разведке на р. Волге, во время отдыха. 1933 г. СССР
КМЗ НВ-9447



Члены делегации АН СССР на археологической конференции в Польше, во время заседания.
1955 г. Польская Народная Республика, г. Варшава
КМЗ НВ-9449



12. П.Н. Третьяков в рабочем кабинете.
1975 г. СССР, РСФСР, г. Ленинград
КМЗ КОК-32308/28



Могила П.Н. Третьякова, археолога, члена-корреспондента АН СССР.
Серафимовское кладбище.
Конец 1970-х гг. СССР, РСФСР, г. Ленинград
КМЗ НВ-10760

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.Н. ТРЕТЬЯКОВА: РЕКОНСТРУКТИВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Гусаков М.Г., Генинг В.В., Патрик Г.К.

Археологические изыскания в строительстве г. Москва

Аннотация: В статье представлены основные этапы научной деятельности П.Н. Третьякова и становления его исследовательских взглядов.

Ключевые слова: Археологическая культура, славяне, Латен, эпоха железного века, Поднепровье, этногенез, реконструкция.

ABOUT THE HISTORICAL HERITAGE OF P.N. TRETYAKOV: RECONSTRUCTIVE ARCHEOLOGY

Gusakov M.G., Gening V.V., Patrick G.K.

Moscow

Summary: The paper presents the main stages of the scientific activity of P.N. Tretyakov and the formation of his research views.

Key words: Archaeological culture, Slavs, Lathen, era of the Iron Age, Dnieper, ethnogenesis, reconstruction.

Сегодня нет сомнения, что историческое наследие трудов П.Н. Третьякова огромно, и здесь нет никакого преувеличения. Ответ прост, его работы до сих пор работают и значительная масса археологов, историков и лингвистов не только читают, но и изрядно трудятся над его книгами и статьями. Но мы поведем речь не только о значении трудов юбиляра, но остановимся немного подробнее на «реконструктивной археологии», которую разрабатывал П.Н. Третьяков (Рис. 1).

В течение своей достаточно долгой жизни Петр Николаевич занимал ответственные посты, он возглавлял огромную археологическую экспедицию по изучению мест пребывания славян в Поднепровье. Он много лет был замдиректора Института Истории Материальной Культуры (ИИМК) Ленинградского отделения. Возглавлял Отдел науки Управления и пропаганды и агитации ЦК КПСС в Москве. Был главным редактором журнала «Вопросы истории», директором Института Славяноведения АН



Рис. 1. П. Н. Третьяков. 1930-е гг.

СССР, заместителем академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР. В 1958 г. П.Н. Третьяков избирается членом-корреспондентом АН СССР. Однако, мы в нем ценим, прежде всего, ученого.

1. Чуть больше 50 лет прошло с момента выхода в свет знаменитой книги «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (Рис. 2) (Третьяков, 1966). Книга вызвала активную полемику. Практически, ею были охвачены все археологические центры страны. И, скажем честно, книга того стоит, действительно эпохальная. Она бурно обсуждалась и цитировалась весьма продуктивно. Именно она породила ряд новых исследований. Скажем сразу – эта книга шедевр археологической практики. Это замечательная квинтэссенция археологии, истории и этнографии. Хронологический охват археологических объектов в пределах Восточной Европы от начала железного века до средневековья Киевской Руси. Эта книга фундаментальное исследование сложной исторической картины от прихода скифов – до образования Древнерусского государства – почти две тысячи лет. Безусловным контрапунктом этой книги является история славян и их адаптация в Поднепровье.

В тоже время, в начале 50-х годов прошлого века, Третьяков организовал фундаментальную работу лингвистов В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева: «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962 г.), которая стала важнейшей научной базой для дальнейших работ в этой области. Этот период был удивительно плодотворен не только у самого Третьякова, но и большого круга археологов, славистов и лингвистов. В это время активно работали, под его руководством, такие археологи, как: К.В. Каспарова, Ю.В. Кухаренко, Д.А. Мачинский, О.Н. Мельниковская, Л.Д. Поболь, И.П. Русанова, В.В. Седов, Э.А. Сыманович, И.К. Фролов, М.Б. Щукин, Е.А. Шмидт и др.

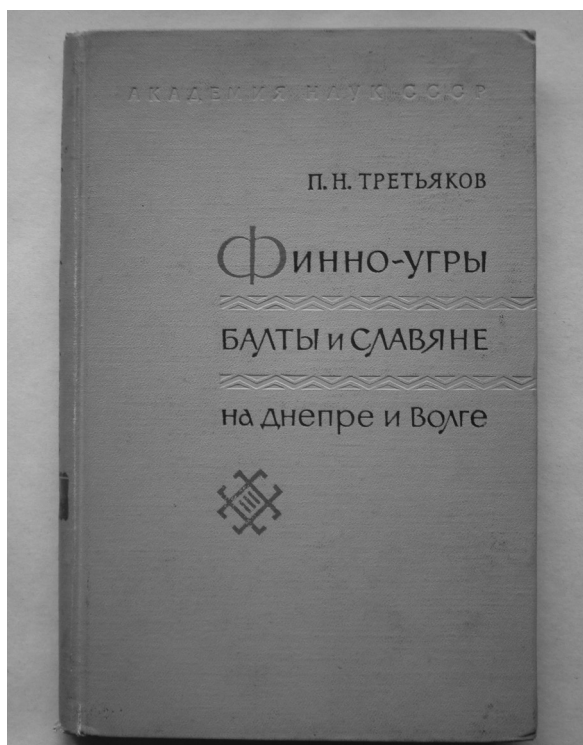


Рис. 2. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. 1966 г.

2. Но был ещё один замечательный период в жизни Третьякова - это 1974 г., когда вышел сборник под его руководством «Раннесредневековые восточнославянские древности» (Рис. 3), повествовавший о новых открытиях в славянской археологии в Левобережье Днепра, Поднесенье и т.д. Здесь были опубликованы новые материалы подтверждающие мысль Третьякова о славянской экспансии не только в Поднепровье, но и в другие районах Восточной Европы. В этой книге именно Третьяков выстроил точную линию развития событий прихода славян и их аккумуляция в Поднепровском пространстве (Третьяков, 1974). Но начал он издали, с эпох, которые хорошо знал - Латена и Римского времени. Долгое время было принято считать, что между зарубинецкой культуры (далее - ЗК) и славянами – 500 лет, дистанция огромная, прямых связей между ними не видно. Например, Ю.В. Кухаренко (1964) считал, что ЗК исчезла как многие культуры и языковые диалекты. Третьяков, анализируя ЗК, вводит в рассуждение гипотезу, что должны быть

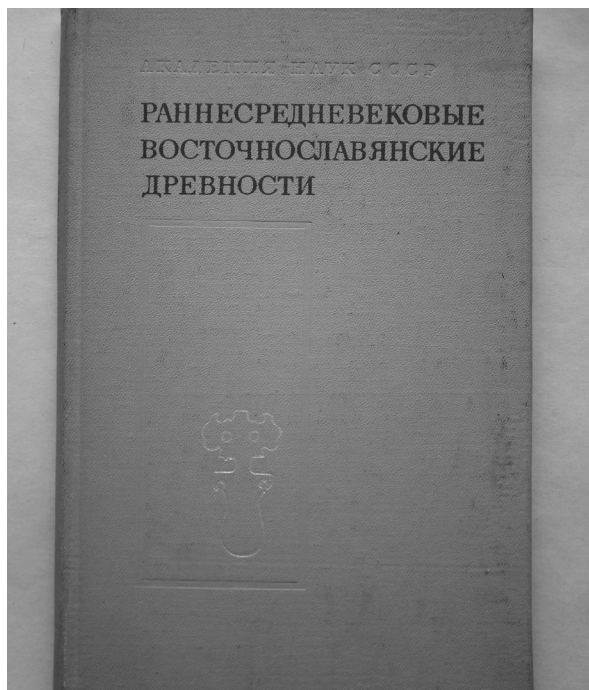


Рис. 3. Раннесредневековые Восточнославянские древности. 1974 г.

следы позднезарубинецких (далее - ПЗК) племен не только в Поднепровье, но и в Подесенье. Именно здесь были открыты памятники киевской культуры, которая являлась прямой наследницей зарубинецкой и постзарубинецкой культур. Выяснилось, что ПЗК переместилась в северо-восточном направлении, т.е. на территорию, где не было черняховской культуры (далее - ЧК). Причина перемещения ЗК – движение готов и «пшеворцев» (пшеворская культура), с северо-запада, а с юго-востока сарматов. В это время обнаружилось, что древности Подесенья (Киевская культура) заметно отличаются от ЧК и балтов. ПЗК вошла в контакт с балтами и претерпела значительные перемены. Это памятники типа могильника III-Vвв. Обидни (Абидня), поселений Смольянь, Хотылево, могильника Новобыхов, городища Колочин – эти памятники оказались в других местах, где их раньше никто не искал. Городища появляются к исходу 750-х гг. 500 – 750 гг. так датируются Обидня, Кветунь и могильник Усох. Обряд кремации покойников дожил до Волынцевских памятников IX-X вв. Постепенно погребальный обряд в грунтовых

могильниках от урн и ям с остатками кремации сменился погребением под курганом. Это все происходило не только в Поднепровье, но в других местах. Так же продолжали действовать святилища типа Почепа. За это время произошла смена глиняной посуды, предметов убора, украшений и др. бытового инвентаря.

Ему возразил В.В. Седов. Седов рассматривал эти племена не как славян, а как особую «балтскую группу». Он считал, что эта группировка совершила «грандиозный» поход от южных берегов Балтии в междуречье Днестра, Ср. Днепра и далее в бассейн В. Оки!!! По Седову потомками зарубинцев были не славянские раннесредневековые племена Поднепровья, а «мощинские» племена. Об этом свидетельствуют – домостроительство, погребальный обряд, украшения, в частности эмальерные вещи. Но ошибка Седова в том, что он опирался не на совокупность признаков, а только на один тип керамики – лощеную керамику.

Середина и третья четверть I тыс. н. э. — один из наиболее важных этапов истории Днепровского бассейна, остающийся ещё во многом непознанным. Изучение его осложняется скудостью письменных свидетельств об этнической и культурной истории Поднепровья, не дающих ясного представления о тех явлениях и событиях, которыми определялось сложение в славянской среде раннефеодальных отношений, государственности. Решающее слово должна здесь сказать археология, постепенно устраняющая пробелы в своих источниках.

С особой ясностью это обнаружилось в 50-60-е гг. XX в., когда, наконец, в Поднепровье были найдены массовые памятники середины и третьей четверти I тыс., хронологически сомкнувшие уже известные археологические культуры. Открытие их обеспечивает реальные возможности для успешной разработки сложных проблем изучения этнокультурного развития в Поднепровье. Но

и до теоретических обобщений, связанных с раскрытием сущности происходившего здесь этнокультурного процесса, еще далеко, и, тем не менее – мы можем утверждать, что с раскопками в Подесенье проблема славян сдвинулась с места. Важнейшая причина этого заключается в характере проведенных изысканий, являющихся, по сути дела, первым шагом в исследовании массовых памятников Днепровского Левобережья. И этот шаг уже сделан, в пространстве между Верхним Доном и Окой новейшие исследования дают позитивный результат (Воронцов, 2013; Григорьев, 2005).

3. В 1982 г. вышла в свет (посмертно) его последняя книга «По следам древних славянских племен» (Рис. 4), которая в краткой форме освящала сложный вопрос этногенеза и ранней истории славян в Поднепровье и Подесенье в середине I тыс. н.э. В этой книге дается общая картина исторического развития славян на протяжении почти тысячелетия – с конца первого тыс. до н.э. по третью четверть I тыс. н.э. Сегодня мы смело можем утверждать, что именно

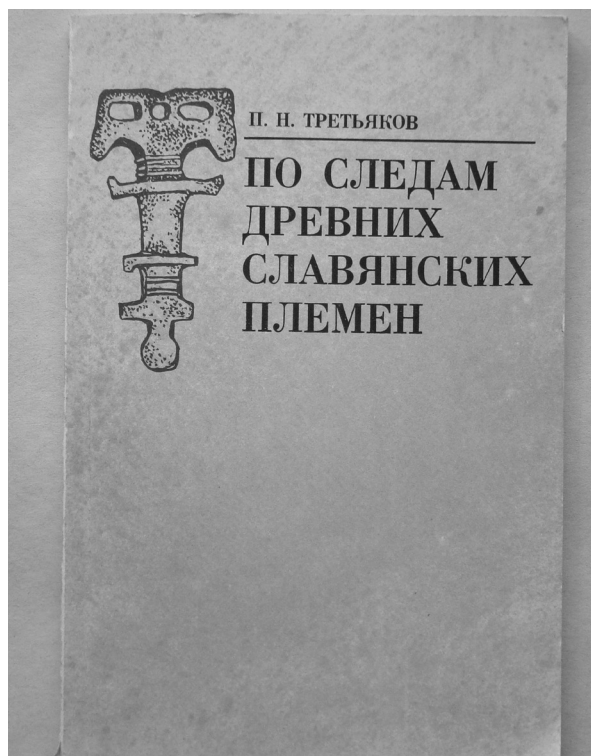


Рис. 4. По следам древних славянских племен. 1982 г.

работы П.Н. Третьякова дали положительный импульс к раскрытию достоверной истории славянского движения в Восточную Европу в начале XXI века. Но это все в будущем, ясно одно - есть направление и теперь его надо пройти.

Несколько слов о «реконструктивной археологии». Поясним, что мы понимаем под этим термином.

Реконструкция в археологии (восстановление) – научное направление экспериментальной работы по восстановлению, воспроизведению процессов, происходивших в прошлом на основе некоторой модели и предпосылок.

Историческая реконструкция – воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона, воспроизведение исторических событий.

«Реконструкцию» в археологии ведут с послевоенных лет (2-й мировой войны). Достаточно вспомнить работы лаборатории С.А. Семенова в ЛОИА, Лаборатории естественно-научных методов в Москве под руководством Б.А. Колчина, Лабораторию по металлообработке в Киеве под руководством Г.А. Вознесенской и В.Д. Гопака. Были многочисленные попытки использовать в качестве реконструкции материалы этнографии, антропологии, домостроительства, этнографического гончарства, ювелирного искусства, археоастрономии и т.д. Конечно, какая-то часть экспериментальных работ ушла в небытие. Ну и что, ушло, и ничего уже не поделаешь. Может получиться так, что оно вернется, но на новом повороте науки. В данной работе мы решили ещё раз вернуться к материалам ранней работы П.Н. Третьякова, которые он пытался использовать, когда вел успешные раскопки дьяковского городища Березняки в довоенные годы (Третьяков, 1941).

4. Приведем пример. Мы все хорошо знаем археологический объект «городище». Существует четкое утверждение, что городище служило укреплением наподобие

«замка, или крепости», в сущности, археологи под городищем часто понимают некий «оплот», который призван сохранять жилище и имущество от возможных покушений со стороны соседей, заметим, что городище использовалось так же для проживания. Но так ли мы хорошо знаем этот объект, чтобы априори утверждать, что это «крепость» или «жилое пространство». Дело в том, что сомнений для подобных мыслей достаточно, особенно для эпохи РЖВ.

Во-первых, незначительные размеры площадки.

Во-вторых, наклон поверхности, который может измеряться от 3-х до 10 градусов! Прямо скажем, что находиться на такой наклонной плоскости не очень удобно. Строить дома тоже надо соображаясь с этим обстоятельством.

В-третьих, после раскопок на материковой поверхности нет следов от мощных деревянных (или ещё каких-либо материалов) укреплений. Чаще всего мы имеем дело с частокольной оградой, идущей по краю городища.

В-четвертых, валы и рвы, которые мы фиксируем, слишком малы, чтобы защитить человека. Значит, оборонного значения они не имеют или несут другую смысловую нагрузку. Возможно, что это ритуальные сооружения, символического свойства.

В-пятых, ряд археологических культур расположены в лесной зоне, на стыке двух зон, тайги и смешанного леса. При минимальной плотности населения нет ни малейшего смысла оснащать себя «оборонными» объектами. Как писал Г.Ю. Цезарь о галлах, что при приближении римского войска галлы уходили в лес с имуществом и скотом (*Цезарь, 1948*).

В 1963 г. П.Н. Третьяков, совместно с Е.А. Шмидтом выпускают книгу «Городища Смоленщины», где достаточно подробно раскрывается феномен археологического памятника – городище – как объект изучения (Рис. 5). Перед нами предстают многие виды городищ, не все городища

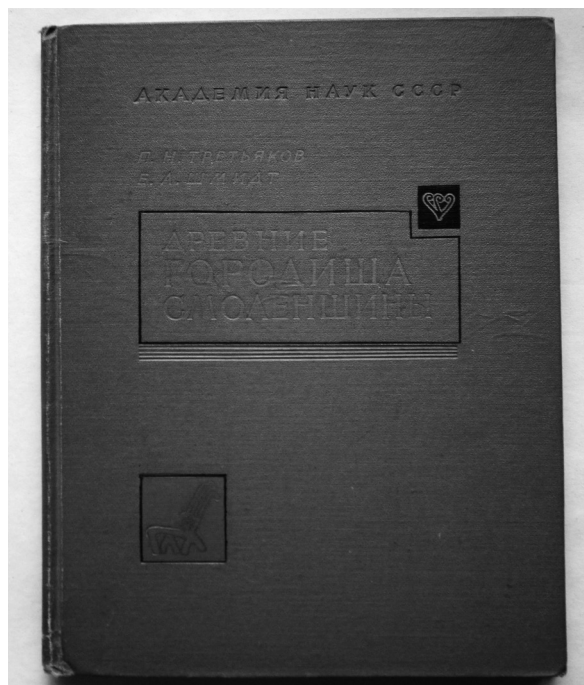


Рис. 5. Древние городища Смоленщины. 1963 г.

являются «оборонными объектами», часть из них приобретают культовый характер, это городища-святилища. Что явилось большой «новостью» для советской археологии.

5. Однако, первое, на наш взгляд, значительное научное проявление таланта историка, этнографа и археолога проявилось в книге, которую П.Н. Третьяков издал в начале своей карьеры, в 1932 г. «Подсечное земледелие» (Рис. 6). Сегодня кажется странным, что эта книга оказалась в стороне от археологии РЖВ. Попробуем прокомментировать её историческое значения.

Лесное земледелие (подсечное) в Восточной Европы известно с древнейших времен. Оно представляет собой всеобщую форму земледелия лесных областей, безразлично — севера или юга, связанную с определенным этапом в истории общественного производства.

Подсечное земледелие, т. е. приготовление участка под посев в лесу путем рубки и сожжения деревьев. Дожившая до времени социалистической реконструкции сельского хозяйства, эта система земледелия в недавнем прошлом имела на севере большое

экономическое значение, обнимая собой до половины засеваемой площади. Подсечное земледелие, в конце концов, переходит в состояние «перелога» или «двухполюя».

Подсечное земледелие, как правило, связано с особым видом хозяйствования, где большое значение имеют охота, рыбная ловля и лесные промыслы - многоукладное хозяйство (Гусаков, 2005).

1. Подсека – это земледелие «большой семьи», это коллективный труд. Семья - патриархальная семейная община, состоявшая из 8-9 брачных пар, обычно двух поколений. Общее число членов семьи достигало 40 и более человек.

В отношении рубки деревьев каменным топором интересные факты сообщает Я. Гумила, изучавший туземцев Южной Америки. Оказывается, для того, чтобы срубить толстое дерево, что можно сделать железным топором в один час, для работника, вооруженного каменным шлифованным топором, требуется «две луны» времени. Возможно, это время «две луны» – 2 рабочих дня? Или 2 недели,

если считать смены фаз (фаза – 1 луна).

Размер подсеки редко превышает 1—1,5—2 десятины. 20 000 квадратных метров, это два футбольных поля (Гусаков, 2005.).

Рубка леса и кустарника на одной десятине требует 45 рабочих дней, мужских и женских.

Лес рубят ранней весной, а жгут перед озимым посевом. Рубка леса на лядине производится обычно в конце мая или начале июня, после засева яровых хлебов. К этому времени деревья покрываются полным листом, а травы и кустарник достигают значительного роста, что важно для получения большого количества золы. Поваленный лес лежит на подсеке целый год. Осенью и ранней весной, как только сойдет снег, подсеку необходимо «терebить».

Сожжение подсеки производится или ранней весной, если она предназначена под яровые хлеба, или несколько позже, если предполагается засеять ее озимью. Для сожжения одной десятины, требуется 45 трудодней и, кроме того, 6 трудодней на приведение сожженного участка в порядок.

Лесной участок эксплуатируется 3 - 4 года, причем обработка его в продолжение этого времени не остается одинаковой.

В первый год эксплуатации, т. е. тотчас после сожжения леса, если последнее произведено удачно, посев производится без всякой предварительной обработки, прямо в золу. Земледельцев ожидает большой урожай, в несколько раз превышающий урожай на полевых участках с трехпольным севооборотом.

На второй и третий, обычно последний год, разрыхление и боронование почвы являются совершенно необходимыми. Затем урожай резко падает, и участок забрасывается.

Высокая урожайность подсечного земледелия является результатом, конечно, не его низкой техники, а всей совокупности мероприятий, исключительно трудоемких и длительных, благодаря которым подсечное земледелие получает ряд преимуществ над обычным полевым земледелием.

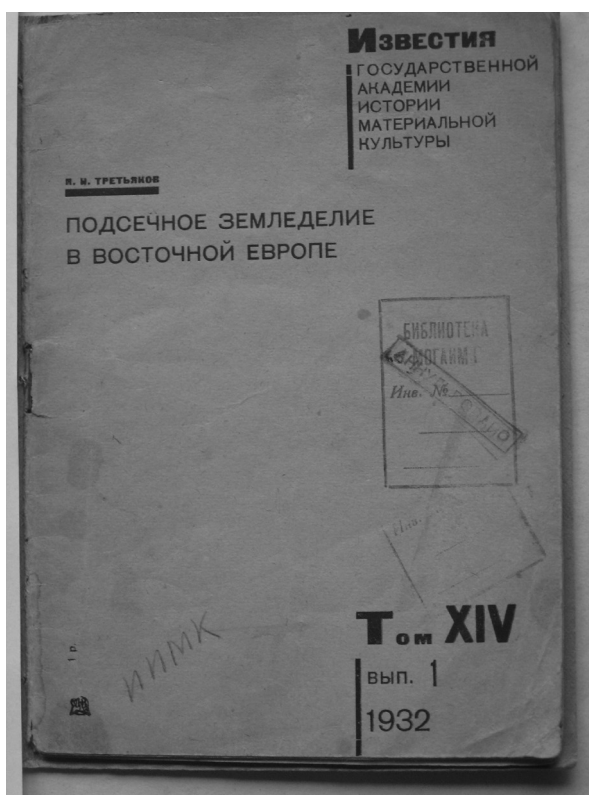


Рис. 6. Подсечное земледелие в Восточной Европе. 1932 г.

В результате отсутствия сорняков, всхожесть на лесных участках значительно выше, чем на полях, причем одно зерно может дать до 30 колосьев! То есть, один колос из 30-ти зерен! Поэтому при подсечном земледелии высевается лишь 4 — 5 — 6 пудов (80 кг) зерна на десятину, что составляет 50% к количеству, высеваемому на эту же площадь полевого участка.

Принимая во внимание, что на «десятину» при подсечной системе высевается только 4—5 — 6 пудов зерна (65,5 — 98,2 кг), получим при урожае сам/30, 120 — 180 пудов с десятины, тогда как на полевым участке при посеве 10—12 пудов урожай будет сам/6—8. т. е. 60—90 пудов, а в приполярной полосе, при урожае 4—5, а иногда сам 3 — 30—60 пудов. То есть, в среднем с десятины получаем 2400 кг = 2,4 тонны.

Сроки «закладывания» участка сильно варьируют. Средние цифры от 18 до 40 лет. Иногда бывает 50 — 60 лет. Таким образом, во владении коллектива должно находиться земли минимум в 10 — 15 раз больше площади ежегодного посева. И если семья в 40 едоков

должна ежегодно засеивать приблизительно две с половиной или три десятины, то площадь, необходимая для земледелия, должна быть не менее 40 — 45 десятин.

Для освоения лесных участков нужен большой коллектив - это патриархальная семья в 30-40 и более человек, состоявшая из 8-9 брачных пар, обычно двух поколений. Во главе патриархальной общины стоял старший по мужской линии — староста. В одном и том же селении находились «семьи» трех-четырех родов. Есть археологический прообраз такого сооружения — это «континь» (круговой дом), которое было реконструировано на Тушемлинском городище (Третьяков, 1963) (Рис. 2).

Ранний период подсечного земледелия (до употребления сохи), использование мотыги — мотыжная стадия земледелия в Восточной Европе.

Средний период — использование — сохи.

Поздний период — трезубая соха. Подсечное земледелие, в конце концов, переходит в состояние «перелога» или «двухполья».

В условиях перелога или даже двухполки организация работы будет совсем иная. Очистка участка производится в течение нескольких лет.

Рубка леса, заготовка дров или строительного материала.

У пней подрубают корни, и участок оставляется на неопределенное число лет. Когда корни пней подгнивают, их корчуют и сжигают.

Эксплуатируется участок до 9 — 12 лет, редко больше; чаще всего лишь 7 — 8 лет. Затем оставляется на такой же или несколько больший срок.

Третьяков был совершенно уверен, что «дьяковцы» были подсечные земледельцы. Несколько слов о том, что это такое. Дадим ряд цитат из текста его статьи (Третьяков, 1932).

Все перечисленные данные можно и нужно использовать в археологии и истории



Рис. 7. П. Н. Третьяков. 1970 г.

тех археологических культур, которыми мы занимаемся, однако, в археологии это звучит крайне редко.

Как хорошо известно, в 50-60 годы прошлого века, Третьяков долгое время занимался эпохой РЖВ. Этот период можно назвать «дьяковским». Он долгое время возглавлял большую междисциплинарную экспедицию по изучению древностей Поднепровья и Подвинья. Это был очень плодотворный период в работе не только Петра Николаевича, но и всего коллектива археологов который заложил научный фундамент для дальнейших исследований в этом направлении.

Работы Третьякова привлекают подлинным историзмом в подходе к общественным явлениям, они как бы противостоят традиционной археологии, ограниченной рамками «вещеведения» и не знающей полноценных исторических реконструкций. Мы не должны забывать, что Петр Николаевич был последовательный марксист, скажем прямо, энгельсовской школы, то есть археолог, которого интересовала, прежде всего, история данного сюжета над которым он в то время работал, будь это дьяковские племена РЖВ

или славяне, переселившиеся из окраин Центральной Европы в лесную среду Восточной Европы. Именно Третьяков был одним из первых в советской археологии, кто выдвинул концепцию начальной истории славян (Третьяков, 1974. С. 40-118). Однако он был и первым археологом, кто использовал в работе собственные исторические реконструкции, которые базировались не только на его богатом опыте, но и на материалах современной этнографии.

Полвека П.Н. Третьяков работал в археологии и истории. Вышли в свет замечательные и фундаментальные работы, определившие несколько научных направлений, суть которых до сих пор актуальна. Надо прямо сказать, Третьяков в них выступал как новатор и первооткрыватель. Были ли ошибки? Разумеется, были, но он находил всегда новые пути, как это исправить и продолжить на новом уровне. В его диапазоне были древности от мезолита до средневековья, а так же теоретические основы и методология советской археологии. Мы будем долго помнить, и пользоваться его трудами, в этом и есть его секрет ученого и человека (Рис. 7).

Список литературы:

1. Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V веков на территории Окско-Донского водораздела. Гос. Заповедник «Куликово поле» Тула.
2. Горюнов Е.А., 1984. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова // СА. №2. С. 268–273.
3. Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
4. Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – II тыс. н.э. Тула.
5. Гусаков М.Г., 2005. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ. // Автореферат диссер. на соискание ученой степени канд. истор. наук. М.
6. Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. №163. М.
7. Седов В.В., 2005. Славяне. Историко-археологические исследования. // Древнерусская народность. Историко-археологические исследования. М.
8. Третьяков П.Н., 1968. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // СА. №4. С.58–68.
9. Третьяков П.Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. МИА. №5.
10. Третьяков П.Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье. // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. С.40-118.
11. Третьяков П.Н., 1969. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. №4. С.78–90.
12. Третьяков П.Н., 1932. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. Т.XIV. Вып.1.
13. Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.
14. Третьяков П.Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.
15. Шмидт Е.А., 1969. К 60-летию Петра Николаевича Третьякова // СА. №4. С.120–125.

СЕКЦИЯ 1.
История Костромского края
и сопредельных территорий в древности,
Средневековье и в Новое время в свете
вещественных источников

**МОРСКИЕ НИЖНЕМЕЛОВЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ В СОСТАВЕ
ТЕХНОГЕННЫХ ОБНАЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-
ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Анциферов А. Л., Митрофанов Р. В.
ОГБУК «Костромской музей-заповедник», г. Кострома

Аннотация: В статье изложено описание нижнемеловых разрезов техногенного происхождения на территории Костромской области. Рассматривается ретроспектива исследований меловых отложений, приводится предварительная литологическая и стратиграфическая характеристика разреза, фаунистический состав ископаемой фауны.

Ключевые слова: Геологический разрез, меловой период, меловые отложения, фосфоритовые конкреции, ископаемая фауна.

**MARINE EARLY CRETACEOUS DEPOSITS AS PART
OF INDUSTRIAL SECTIONS IN THE SOUTH-WEST
OF THE KOSTROMA REGION**

Antsiferov A.L., Mitrofanov R.V.
“Kostroma state historical, architectural and art Museum-reserve”
(Department of nature), Kostroma

Summary: The article presents a description of the ancient Cretaceous deposits of anthropogenic origin on the territory of Kostroma region. The retrospective of ancient Cretaceous sediments research is considered, preliminary lithological and stratigraphic characteristics of the section, faunal composition of the fossil fauna are given.

Key words: Geological section, Cretaceous period, Cretaceous deposits, phosphorite nodules, fossil fauna.

Известно, что в нижнемеловое время территория Костромской области подвергалась последней фазе морской трансгрессии и последующему сокращению площадей, занятых морем. В нижнемеловых бассейнах происходило отложение мелкозернистых слюдистых, глинистых песков, алевритов и глин (Кром, 1934; Геологическая карта..., 1998; Герасимов и др., 1962. С. 156). На территории области меловые отложения распространены неравномерно, их естественные выходы встречаются редко, они скудны ископаемой фауной, либо лишены ее вовсе (Вейденбаум, 1923). Более широко развит нижний отдел мела – берриасский и валанжинский ярусы и чаще всего стратиграфические слои этого отдела описываются как немые, т.е. не содержащие практически никаких следов органической



Рис. 1. Образец нижнемелового аммонита *Olcostephanus sp.*, найденный Н.А. Богословским на р. Унже. Рис. Н.А. Богословского (1902 г.)

жизни. Данное представление не выглядит столь однозначным, если принять во внимание некоторые находки меловой фауны, описываемые начиная

с конца XIX в. и представляющие собой образцы руководящей нижнемеловой (валанжинского яруса) фауны *Cephalopoda* (*Polyptychites* и другие) и *Bivalvia* (*Aucella*, *Inoceramus*).

Первый образец меловой фауны на территории Костромской области был найден в 90-х годах XIX века проф. Н.А. Богословским. Известный ученый проходил понизовью Унжи (в Макарьевском уезде) и описал, обнаруженный им близ д. Ефимова, обломок аммонита *Olcostephanus sp.* в ржаво-сером глинисто-песчаном пласте, прикрытом черными глинами. Находка (Рис. 1) показалась ему чрезвычайно интересной по причине схожести с известными образцами из нижнемеловых слоев бассейна реки Оки. К сожалению обстоятельства нахождения данного единичного экземпляра проф. Богословским не раскрываются, а его описание в исключительном виде приводится

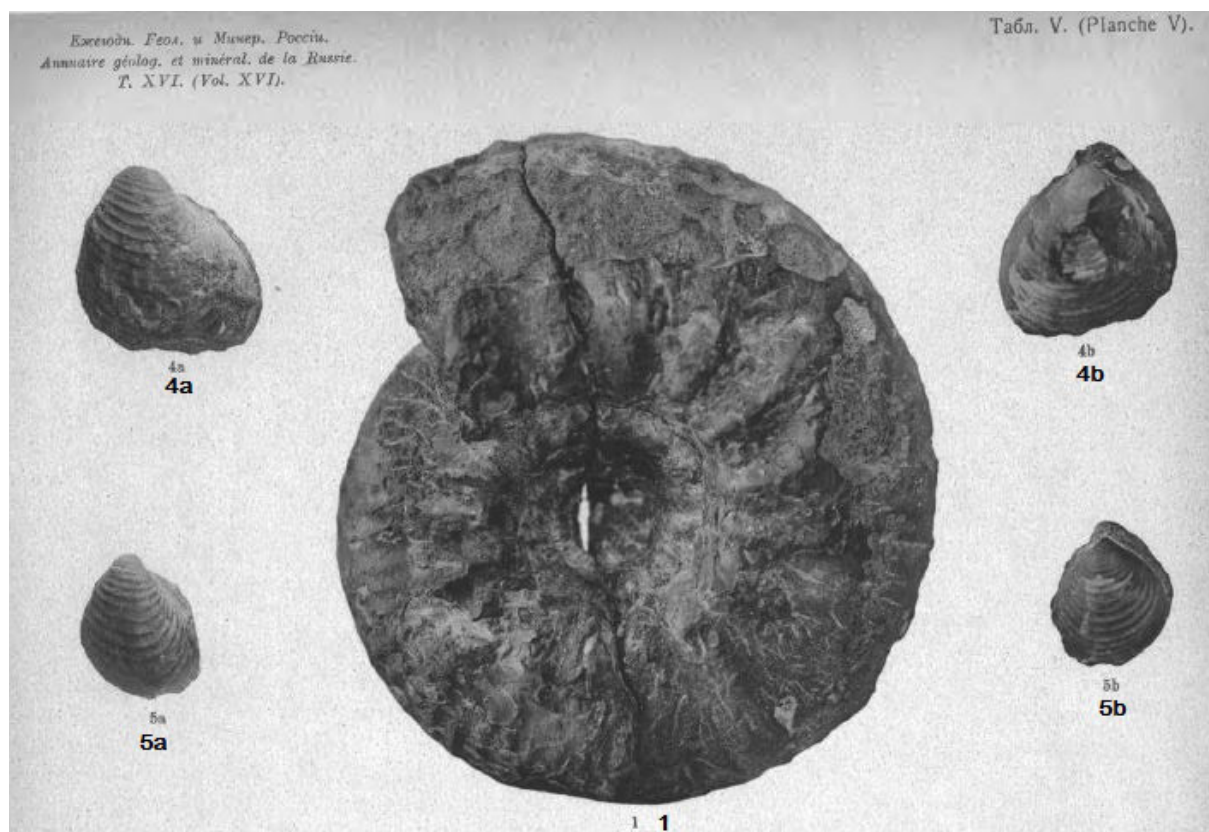


Рис. 2. Находки нижнемеловой фауны А. М. Жирмунского (1914 г.) из разреза Козлово – Коршунское: *Polyptychites craspeditoides sp.n.* (1) и *Aucella unshensis Pavlow* (4 а, b; 5 а, b)

в перечне нижнемеловых аммонитов бассейна средней Оки (Богословский, 1902. С. 28).

На рубеже XIX и XX вв. низовья р. Унжи (береговой разрез от дер. Козлово до с. Коршунского) посещались неоднократно рядом исследователей. Проф. А.П. Павлов собрал здесь богатую коллекцию

неокомских (нижнемеловых) аммонитов и ауцелл, определенных, впоследствии, А.М. Жирмунским как *Aucella inflata*, *A. nuciformis*, *A. keyserlingi* и *A. solida* (Жирмунский, 1914). Позже, в 1908 году А.П. Иванов находит в этих местах (под дер. Огарково) неокомские отложения

Таблица 1. Данные о нижнемеловых отложениях для территории Костромской области по П.А. Герасимову (1962, 1971 гг.)

Ярус, подъярус	Зона	Литология	Ископаемая фауна	Местонахождение
Верхн. берриасс	Surites tzikwinianus	Песчанистые мергеля (0,3-0,5 м), богатые железистыми оолитами.	<i>Surites tzikwinianus</i> Bog., <i>S. clementianus</i> Bog., <i>S. kasakowianus</i> Bog., <i>S. unscensis</i> Nik., <i>Subkraspedites suprasubditus</i> Bog., <i>Acroteutis arctica</i> Blüth., <i>A. mosquensis</i> Pavl., <i>остатки зубок Craticularia</i> sp.	По правому берегу р. Унжи в Макарьевском, Мантуровском и других районах, близ селений Унжа, Половчиново, Высоково, Ефимово, Огарково. По буровым скважинам в
Средн. валанжин	Polyptychites keyserlingi	Желтовато-серый или бурый песок мощн. до 3 м; ожелезненный песчаник, местами мергелистый, с железистыми оолитами. Нередко пески содержат крепкие неправильных очертаний конкреции песчанистого фосфорита до 15-20 см в поперечнике.	<i>Polyptychites keyserlingi</i> Neum. et Uhl. <i>P. michalskii</i> Bog., <i>P. lejanus</i> Bog., <i>Temnoptychites holitoides</i> Nik., <i>T. igowensis</i> Nik., <i>T. glaber</i> Nik., <i>T. ribrinianus</i> Bog., <i>T. morschensis</i> Bog., <i>Acroteutis lateralis</i> Phill., <i>A. crassa</i> Blüth., <i>Iotrigonia scapha</i> Ag., <i>Aucella inflata</i> Lah., <i>A. crassicolis</i> Keys., <i>A. solida</i> Pavl., <i>A. crassa</i> Pavl.	большинстве районов.
Верхн. валанжин	Polyptychites polyptychus	Мелкозернистые глауконитовые, обохренные слюдистые алевроитовые пески и рыхлые ожелезненные песчаники мощн. До 5 м с плохо сохранившимися ископаемыми.	<i>Acroteutis arctica</i> Blüth., <i>Polyptychites polyptychus</i> Keys., <i>Aucella crassicolis</i> Keys., <i>A. piriformis</i> Lah., <i>A. crassa</i> Pavl., <i>A. nathorsti</i> Blüth. и др.	Мантуровский р-н, дер. Ивкино.

Нижн. готерив		Более мелкозернистые, иногда алевритовые серые известковистые пески, сильно слюдистые, часто обохренные, с сидеритовыми конкрециями.	Не часто <i>Aucella sublaevis</i> Keys., <i>A. bulloides</i> Pavl., <i>A. crassicollis</i> Keys., другие двустворки и гастроподы, редко аммониты.	По буровым скважинам в Сусанинском, Судиславском (с. Раслово), Галичском (д. Пантелеево) р-нах.
Верхн. готерив	Simbirskites decheni	Серые и буровато-желтые, неоднороднозернистые или мелкозернистые, иногда глинистые, алевритовые и слюдистые пески (до 44 м) и ожелезненные песчаники, иногда сидеритовые.	Не часто <i>Simbirskites decheni</i> Roem., <i>S. progreadiens</i> Lah., <i>Craspedodiscus discofalcatatus</i> Lah., <i>Cucullea golovkinskii</i> Sinc., <i>Corbula polita</i> Taraut., <i>Camptonectes cinctus</i> Sow., <i>Oxytoma pectinata</i> Sow., <i>Inoceramus aucella</i> Traut. и др.	Бассейн р. Костромы.

с рострами *Acroteuthis lateralis* (Иванов, 1909). В 1912 году А. М. Жирмунский в пласте неокома этого разреза находил многие виды белемнитид, ауцелл и аммонитов (Рис. 2), обломки дерева, губки, иглы морских ежей (Жирмунский, 1914).

Меловая фауна в Костромском регионе изучалась и в последующие годы. В 1925 году в овраге, впадающем в р. Унжу (выше д. Ивкино), М.И. Соколовым была собрана «...богатая и оригинальная меловая фауна, гл. обр. аммонитов». В слое глауконитового песчаника с фосфоритами найдены аммониты *Craspedites spasskensis*, *P. tritychus*, *P. unshensis*, белемниты *B. lateralis*, многие виды *Aucella*. В песках данного оврага заключены конкреции желто-бурого рыхлого железистого песчаника, богатого фауной полиптихитов и ауцелл, характеризующих валанжинскую зону (Соколов, 1929).

П. А. Герасимов, обобщая накопленные данные (Герасимов и др., 1962; Герасимов, 1971), отмечает наличие в Костромской области отложений нижнемелового отдела в границах от верхнеберриасского подъяруса, валанжина,

до верхнеготеривского подъяруса (Табл. 1). Верхнеберриасский подъярус во многих случаях налегает непосредственно на волжский ярус юры (зона *Craspedites nodiger*). На берриасе с размывом залегают отложения средневаланжинского подъяруса (зона *Polyptychites keyserlingi*). Отложения готерива залегают с размывом на валанжине, берриасе или на разных горизонтах юры.

Более целостно стратиграфия меловых отложений была изучена по кернам буровых скважин, осуществленных в большинстве районов Костромской области в 60-е годы прошлого столетия (Герасимов, 1971).

Несмотря на давность изучения меловых отложений, многие вопросы их стратиграфии до настоящего времени освещены не достаточно. Это объясняется небольшим количеством хороших разрезов, бедностью многих горизонтов палеонтологическими остатками, однообразием литологического состава некоторых смежных горизонтов и недостаточной изученностью ископаемой фауны. В этой связи, особую

значимость приобретает изучение новых местонахождений разрезов нижнего мела в Костромской области.

Сведения о геологии и биостратиграфии меловых отложений в Костромской области, в дополнение к давно известным по естественным разрезам в бассейне реки Унжи, могут существенно пополнить

искусственные, техногенные разрезы, образуемые в процессе гравийно-песчаных промышленных разработок открытым карьерным способом. Как правило, основная масса таких предприятий осуществляется в толщах четвертичного водно-ледникового или моренного чехла. Подобные структуры, как известно,



Рис. 3. Геологический разрез техногенного происхождения (расшифровка буквенных обозначений – в тексте)

характеризуются однообразием петрографического состава (породы преимущественно вулканического и метаморфического происхождения) и бедным содержанием органических остатков, которые никак не связаны с коренными морскими напластованиями. Однако, существуют нетипичные примеры, когда локализация добычи полезных ископаемых приходится на территорию неглубокого залегания толщ морских меловых отложений. Важно отметить, что использование подобных объектов для научных целей может

иметь ряд препятствий, заключающихся, прежде всего, в ограниченном доступе к промышленным объектам и относительно непродолжительном сроке существования разреза (вследствие дальнейших работ по рекультивации выработанного месторождения).

В юго-западной части Костромской области (дер. Воркуновка) в процессе экскаваторной добычи гравийно-песчаного сырья обнажаются толщи морских отложений нижнего мела (Рис. 3). Меловые образования залегают здесь под 2-3-метровым чехлом делювиальных

суглинков с включениями гальки и алевритовых глин (Рис. 3 А).

Ниже, до глубины 25-30 м наблюдается структура чередующихся напластований валунно-галечных суглинков с железистыми оолитами толщиной до 0,5 м (рис. 3 Б, Г), толщ слюдистого алевритового песка или ожелезненного песчанника мощностью до 3-5 м (рис. 3 В).

Для близкой местности известны данные буровых скважин 60-х гг. 20 в. (*Герасимов, 1971. С. 431*), посредством которых выявлены пески нижнеготеривского подъяруса: мелкозернистые, алевритовые, сильно слюдистые, обожженные, с сидеритовыми конкрециями (Табл. 1).

В прослойках указанных пород встречаются крепкие конкреции песчанистого фосфорита, имеющие чаще всего округлую, нередко шарообразную или вытянутую, ровно окатанную форму. Подобные очертания конкреций, в свою очередь, свидетельствуют о наличии значительного структурного преобразования коренных слоев мелового происхождения, не исключая переноса в результате интенсивных водно-ледниковых процессов.

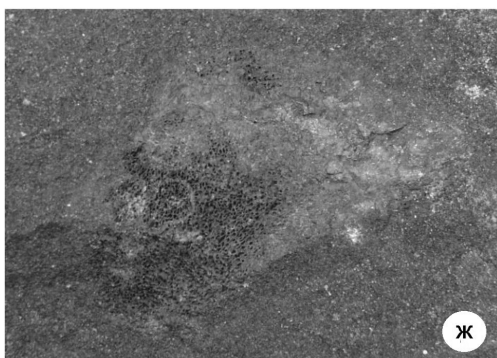
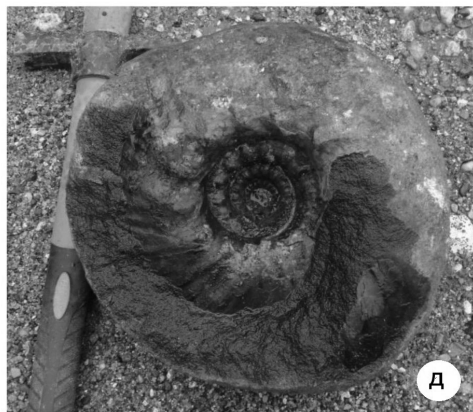
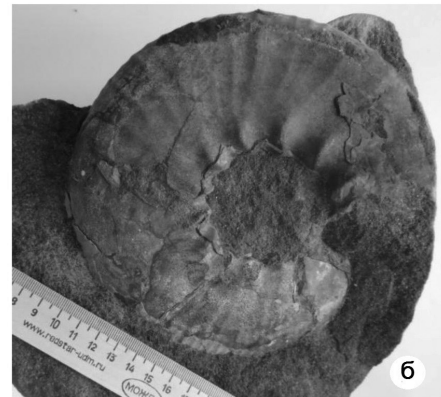
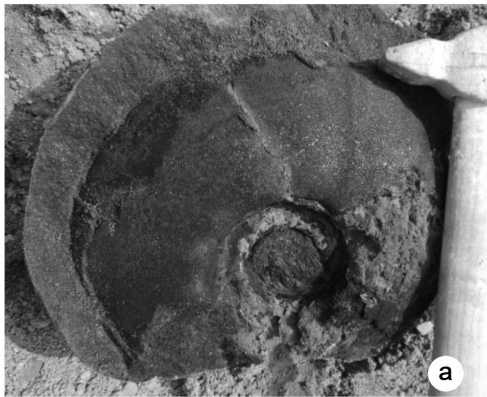
Фосфоритовые конкреции нередко содержат разнообразные остатки морской фауны, характеризующие нижнемеловой возраст отложений. Наиболее типичны из них головоногие *Polyptychites sp.* (Табл. 2 а, в), *Surites subtzikwinianus Bog.* (Табл. 2 г), *Craspedites sp.* (Табл. 2 б, д), *Kachpurites sp.* (Табл. 2 е) (всего не менее 5 видов), белемниты (*Acroteuthis sp.*), двустворчатые *Aucella sp.* (Табл. 2 з), *Inoceramus sp.* и другие ископаемые моллюски (Табл. 2). Встречаются, также костные остатки позвоночных животных (Табл. 2 ж) и куски древесины.

Некоторые литологические особенности, описываемых отложений, в частности, ко-сослоистый характер напластований, включения фосфоритовых конкреций и других меловых образований в составе четвертичных пород указывают на признаки флювиогляциального преобразования верхних коренных слоев, их смешения и переотложения в процессе деятельности ледниковых вод. Возможно так-же, что эти отложения здесь наблюдаются не в коренном залегании, а слагают крупные ледниковые отторженцы. В пользу такой версии указывает и то, что в границах одного отложения встречаются виды ископаемых широкого стратиграфического спектра, как верхнеюрские (*Craspedites, Kachpurites*), так и типичные для нижнемеловых слоев. Однозначного решения этому вопросу пока не имеется.

В общем составе наблюдаемые отложения могут охватывать нижнеготеривский, валанжинский и верхнеберриасский подъярусы нижнемелового отдела. Более точные выводы о возрасте отложений станут возможны после установления видовой принадлежности ископаемых образцов руководящей фауны.

Авторы выражают искреннюю благодарность Костромскому областному отделению Русского географического общества (РГО) и лично Р.В. Рябинцеву за организацию экспедиции к местам меловых отложений; кандидату геол.-минер. наук А.Ю. Сапоженкову за квалифицированные консультации и помощь при раскопках; палеонтологу-любителю С.А. Куликову за транспортное обеспечение и разностороннюю помощь.

Таблица 2. Образцы ископаемой фауны нижнемеловых отложений техногенного разреза на юго-западе Костромской области (расшифровка буквенных обозначений – в тексте)



Список литературы:

1. Богословский Н.А., 1902. Описание нижнемеловых аммонитов из бассейна Средней Оки // Материалы для изучения нижнемеловой аммонитовой фауны Центральной и Северной России. Спб.
2. Вейденбаум М.А., 1923. Ярусы, зоны и петрографические горизонты коренных и послетретичных напластований в пределах 71 листа общей геологической карты Европейской России // Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Вып XXXII. Четвертый естественно-исторический сборник. Кострома.
3. Геологическая карта дочетвертичных отложений Костромской области, 1998 / Под. ред. Н.И. Сычкина.
4. Герасимов П.А., 1971. Меловая система. Нижний отдел // В кн. Геология СССР. Т. IV. Центр Европейской части СССР. Геологическое описание. М.
5. Герасимов П.А., Мигачева Е.Е., Найдин Д.П., Стерлин Б.П., 1962. Очерки региональной геологии СССР. Выпуск 5. Юрские и меловые отложения Русской платформы. М.
6. Жирмунский А.М., 1914. Бассейн нижней Унжи (Козлово-Коршунское) // Ежегодник геологии и минералогии России. Т. XVI. Вып. 2-4.
7. Иванов А.П., 1909. Геологическое описание фосфоритовых отложений Костромской губернии по реке Волге к востоку от г. Кинешмы и по Унже и Нее // Отчет по геологическому исследованию фосфоритовых залежей. Труды комиссии Московского сельскохозяйственного института по исследованию фосфоритов. Вып. 1. Костромская губерния (р. Волга и Унжа). М.
8. Кром И.И., 1934. Геологическое описание западной половины 89 листа Общей геологической карты Европейской части СССР // Недр Горьковского края. Серия I. Геологическое строение, подземные воды и полезные ископаемые. Горький.
9. Соколов М.И., 1929. Геологические исследования по р. Унже в 1925 году // Известия ассоциации научно-исследовательских институтов при физ.-мат. ф-те 1 МГУ. Т. II. № 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 Г. В Г. КОСТРОМЕ НА УЛ. СИМАНОВСКОГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Горохова А.В., Лазарев А.С., Фомичёва В.В.
Областное государственное бюджетное учреждение
«Наследие», г. Кострома

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты раскопок 2019 г. на территории г. Костромы в районе ул. Симановского и пр. Текстильщиков. Изученные объекты, датируемые XIII-XIX вв., рассматриваются авторами в контексте основных этапов освоения территории и включения её в городскую среду.

Ключевые слова: Археологические раскопки, стратиграфия, древнерусский город, Кострома, некрополь.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN KOSTROMA ON SIMANOVSKY STREET IN 2019: PRELIMINARY PUBLICATION

Gorokhova A.V., Lazarev A.S., Fomicheva V.V.
Kostroma

Summary: The paper presents some results of excavations in 2019 in Kostroma in the area of Simanovsky street and Tekstilshchikov avenue. The studied objects dating from the 13th-19th centuries are considered by the authors in the context of the main stages of the development of the territory and its inclusion in the urban environment.

Key words: Archaeological excavations, stratigraphy, Old Russian city, Kostroma, necropolis.

В январе-марте 2019 г. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» проводились охранные раскопки на месте строительства многоквартирного жилого дома в г. Костроме по адресу ул. Симановского, 27А¹. Участок, на котором велись исследования, расположен внутри квартала, ограниченного улицами Симановского, Комсомольской, Спасокукоцкого и проспектом Текстильщиков.

Место проведения работ находилось в пределах границ объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя посада между бывшими

Цревской и Власьевской улицами, XIV–XVIII вв.». В Писцовой книге 1627-1629 гг. в районе работ упоминается несколько церквей – «церковь преподобного Варлаамия Новгородского чудотворца», «церковь Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», «церковь с трапезою преподобного чудотворца Антония древяна, клецки, да предел царя Константина», «церковь Рождства Христова» с землями под кладбища и различными церковными постройками (*Писцовая книга...*, 2004. С. 279). К моменту создания Писцовой книги, церкви Вознесения Господня и Рождества Христова уже не существовали, и были указаны как «место церковное» (Рис. 1). Впоследствии, в 1798 г., на месте этих церквей была построена церковь царя Константина, выходявшая

¹В связи с тем, что работы проводились в неблагоприятное время года, в соответствии с современной методикой над участками устанавливался защитный павильон с отоплением и искусственным освещением.

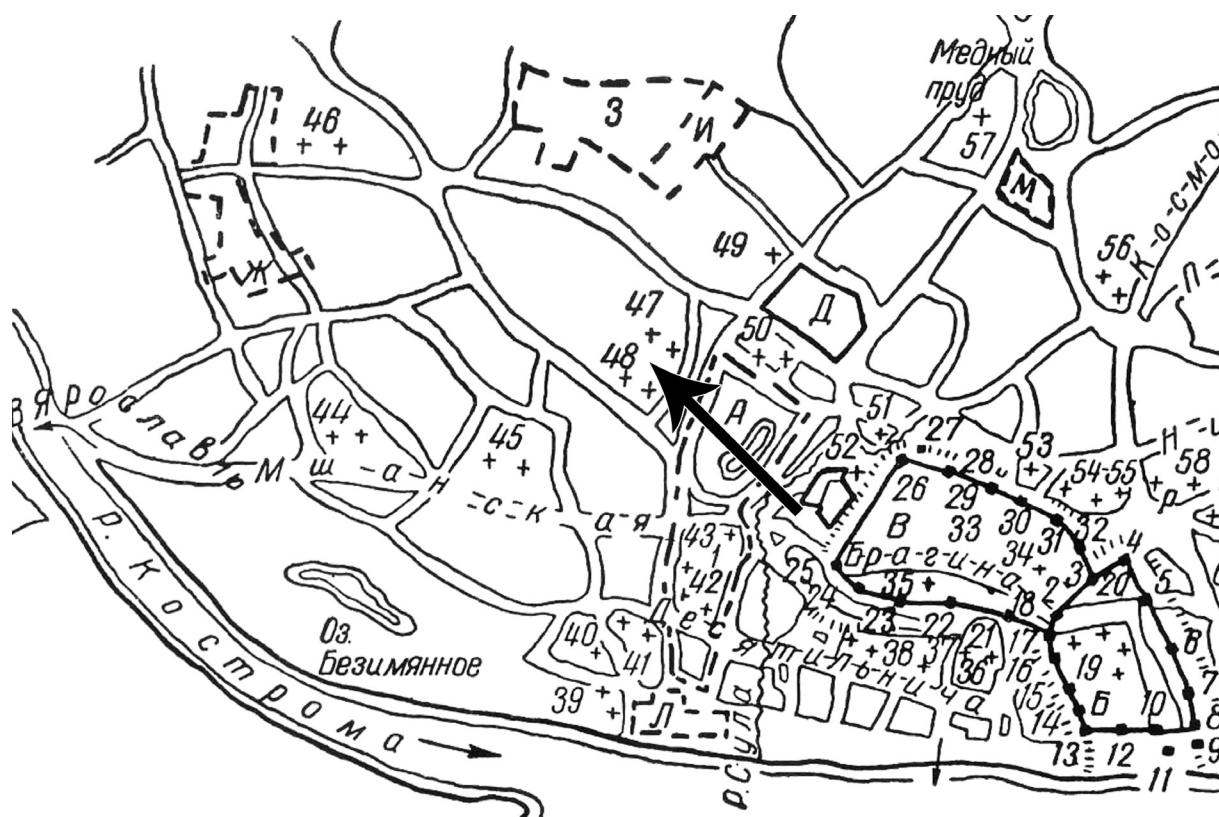


Рис. 1. План г. Костромы XVII в. (Иванов, Фехнер, 1955). Фрагмент. Участок раскопок отмечен стрелкой.
47 – церкви Варлаама Новгородского и Вознесенская на месте древнего Вознесенского ружного монастыря, упраздненного к концу XVII в.; 48 – церкви преподобного Антония и Рождества Христова; А – первоначальное место Костромы (XII-XIV вв.); Б – Старый город (с 1416 г.); В – Новый город (с 1619 г.).

небольшой трёхъярусной колокольной на «красную линию» Царевской улицы (в настоящее время пр. Текстильщиков) (Бочков, 1997. С. 140).

Материалы археологических исследований позволяют утверждать, что данная территория была освоена ещё в XII в. и связана с наиболее древними этапами существования города. В 1967 г. М.В. Фехнер провела археологические раскопки на ул. Спасокукоцкого, выявившие средневековые погребения – мужское и женское. По мнению исследователей, погребения были произведены в курганах, насыпи которых разрушены еще в древности при расширении городской территории. Погребенные были ориентированы головой на запад. В женском погребении встречено 5 браслетообразных круглопроволочных височных колец с заходящими концами и 4 с завернутым концом (Археология Костромского края, 1997. С. 203-206).

Такие украшения известны по находкам в костромских курганах XII-XIII вв. По мнению Е.А. Рябинина, круглопроволочные браслетообразные височные кольца с одним завернутым концом являются характерным элементом костромской курганной культуры (Рябинин, 1986. С. 54).

На месте строительства был заложен раскоп общей площадью 412 м², разбитый на 4 участка, внесенных в общую сетку: участки 1 и 2 по 96 м², 3 – 124 м², 4 – 48 м², бровка между участками – 48 м². Раскоп разбит по направлению юго-восток – северо-запад. Линии квадратов по направлению с юго-востока на северо-запад получили обозначение буквами (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж), по направлению с юго-запада на северо-восток арабскими цифрами (1-18). Мощность исследованных до материка напластований составила до 0,9 м, в ямах до 2,8 м. Вне ям стратиграфическая колонка достаточно однородная – дерново-пахотный слой с

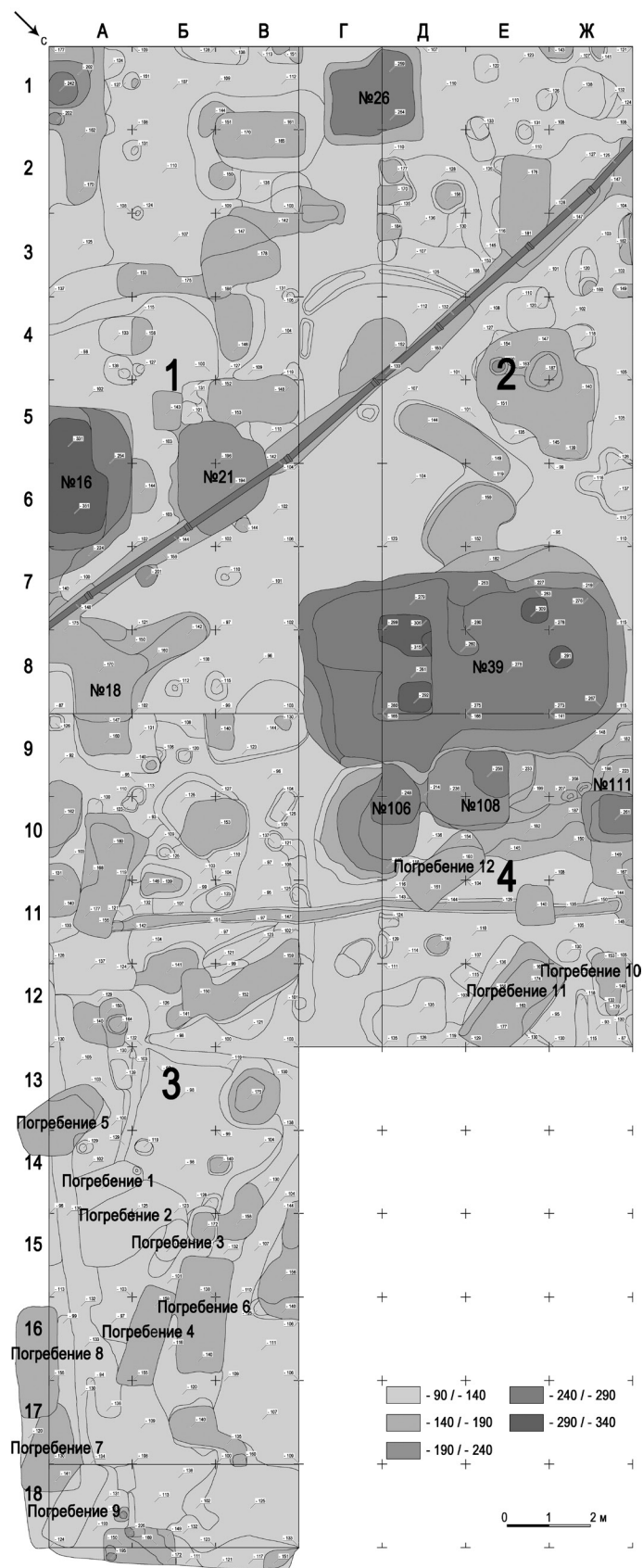


Рис. 2. План раскопа на материке.



Рис. 3. Яма №16 (колодец) после выборки. Вид с северо-запада.

обильными включениями корней, под ним слой серой и тёмно-серой супесей, материк – жёлтый песок. На уровне зачистки материка было выявлено 123 ямы различного назначения, размеров и форм, а также 12

разновременных погребений (Рис. 2).

Наибольший интерес представляют ямы № 16, 18, 21, 26, 39, 106, 111, оставшиеся после крупных хозяйственных сооружений разного времени.

Таблица 1

Монеты из заполнения ямы №18					
№ п/п	№ п/о	Описание	Датировка, годы	Вес, г	Литература
1	17	Анна Иоанновна или Елизавета Петровна. Деньга плохой сохранности.	1730-1754	6,70	Узд ² , гр. VI
2	20	Елизавета Петровна. 1 копейка ЕМ.	1759	8,58	Узд., №2597
3	19	Елизавета Петровна. Деньга.	1760	4,74	Узд., №2610
4	18	Екатерина II. 2 копейки ЕМ.	1778	22,20	Узд., №2746
5	16	Павел I. 2 копейки ЕМ	1797	20,03	Узд., №2935
6	32	Александр I. 2 копейки ЕМ-НМ	1810	14,69	Узд., №3095
7	23	Александр I. 2 копейки ЕМ-НМ	1811	13,03	Узд., №3129
8	22	Александр I. 2 копейки ЕМ-НМ	1813	13,42	Узд., №3170
9	21	Александр II. 2 копейки плохой сохранности	1859-1867	7,85	Узд., Гр. XVI, Б/б

² Узд. – Уздеников, 1992 г.

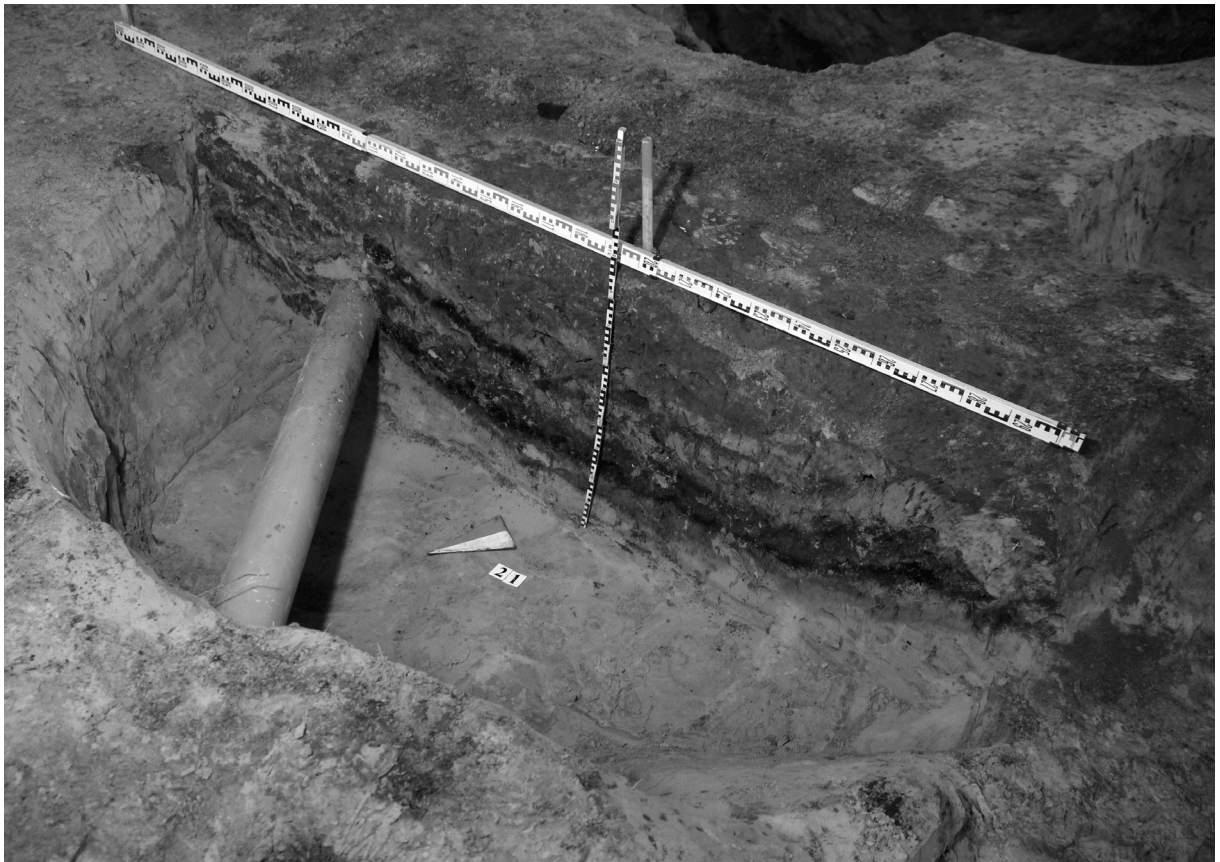


Рис. 4. Сечение ямы №21. Вид с запада.

Яма №16, расположенная в квадратах А/5-7 представляет собой засыпанный колодец, уходящий в юго-восточную стенку раскопа (Рис. 3). Пятно видимой части ямы подпрямоугольной формы размерами ~4х2,4 м. Стенки ямы в сечении слегка округлые, неровные с уступами, дно неровное. В границах раскопа яма была исследована на глубину ~3 м, в заполнении ямы, состоящем из тёмно-серой супеси с включениями жёлтого песка, кирпичной крошки и угля, фиксировались остатки колодезного сруба в виде древесного тлена. Среди индивидуальных находок, происходящих из ямы – фрагмент лицевого полихромного изразца (*третья четверть XVIII в.; Маслих, 1983. С. 204*), дужка замка и дно фарфоровой чашки фабрики Петра Фомина (середина XIX в.).

Яма №18. Расположена в квадратах А-Б/8-9. Пятно видимой части ямы неопределённой формы размерами ~2,6х1,6 м. Стенки ямы в

сечении практически прямые, дно ровное. Заполнение ямы представлено слоями темно-серой и серой супеси с включениями кирпичной крошки и линзами желтого песка. После выборки заполнения размеры ямы составили ~2,6х 2,5 м. Помимо массового материала, представленного фрагментами керамики и бутылочным стеклом, коллекция индивидуальных находок из ямы содержит 9 из 17 найденных на раскопе монет (см. Таблицу 1). Монеты охватывают период с середины XVIII по 60-е гг. XIX в.

Яма №21. Расположена в кв. Б-В/5-6 (яму пререзает трасса существующей канализации). Пятно видимой части ямы округлой формы размерами ~2,2х2,5 м. Стенки ямы в сечении округлые, дно практически ровное. Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с включениями угля и линзами желтого песка. В нижней части ямы читается прослойка угля, содержащая наибольшее количество

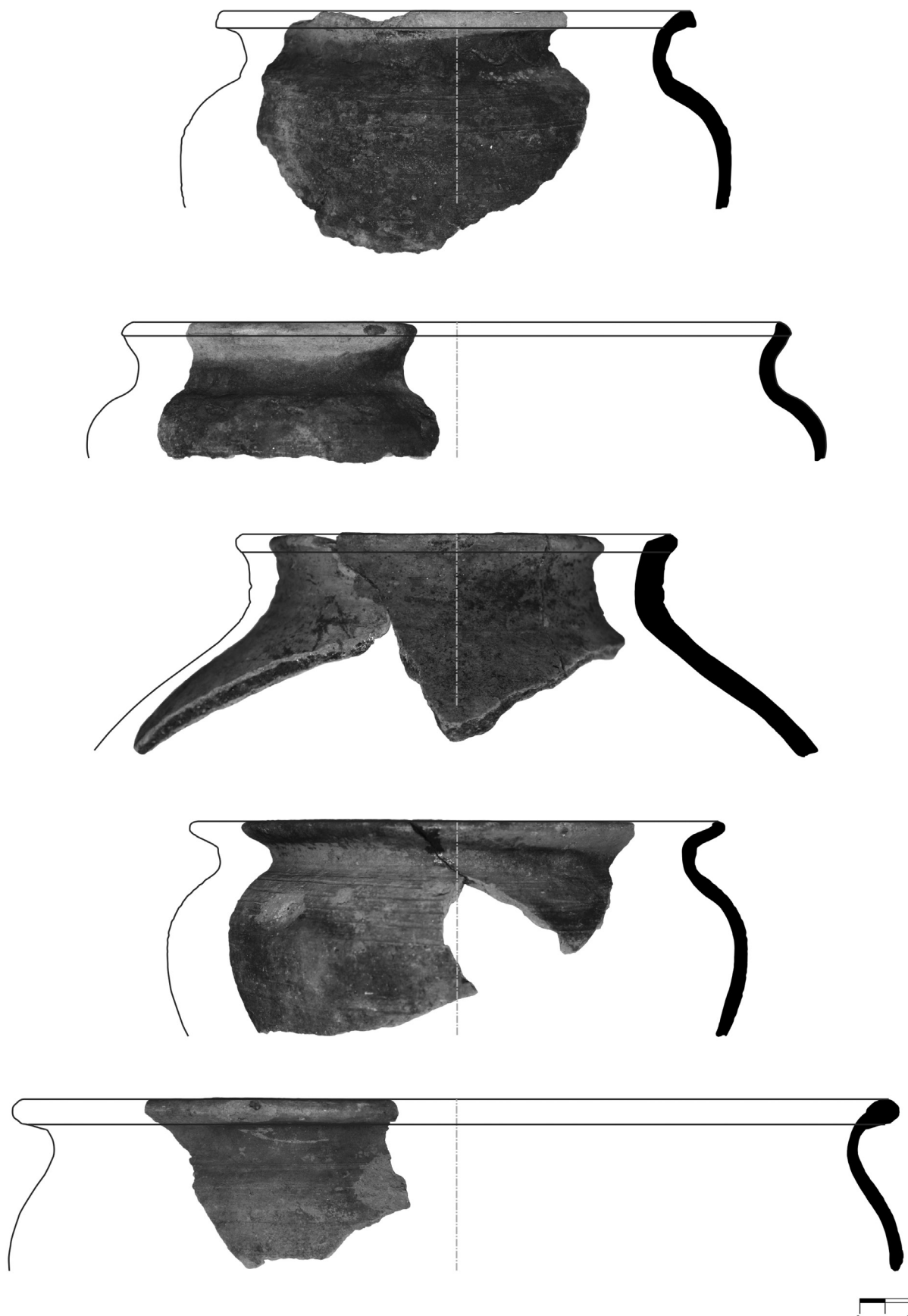


Рис. 5. Типы керамики из заполнения ямы №21.



Рис. 6. Яма №26. Сечение в юго-восточной стенке участка №2. Вид с северо-запада.

массового материала, происходящего из её заполнения (Рис. 4).

Черепок рыхлый. Цвет фрагментов кирпично-красный или коричневый.

2. Сероглиняная керамика (восстановительный обжиг). Поверхность шероховатая. Тесто с примесью песка и дресвы. Черепок рыхлый. Цвет фрагментов серый, серо-черный или коричневатых оттенков.

В яме 21 найдены следующие типы венчиков сосудов (Рис. 5):

1. Вертикальный венчик или прямой отогнутый наружу без заворота чернового края или с заворотом чернового края внутрь сосуда (тип 1³).

2. Изогнутые и отогнутые наружу венчики без следов заворота чернового края (тип 6).

3. Изогнутые в наружную сторону (сильно профилированные венчики), черновой край

которых заворачивался внутрь сосуда и деформировался в уплощенный валик (тип 7).

4. Изогнутые в наружную сторону (сильно профилированные) венчики с черновым краем завернутым внутрь и оформленным в виде валика округлого сечения.

4. Венчики, изогнутые в наружную сторону, черновой край которых также завернут наружу, а чистовой край имеет овальное сечение (тип 9).

5. Срезанные изогнутые венчики (тип 12).

6. Манжетовидные венчики (тип 13).

Все днища сосудов относятся к 1 типу профилировки - простые днища горшка.

Встречаются фрагменты с нагаром, как с внешней, так и с внутренней стороны. Ряд фрагментов имеет линейную орнаментацию разреженную и плотную (гребенкой), несколько образцов имеют волнистый орнамент, нарезки.

³ Типы профилировки керамики приводятся по В.Ю. Коваль «Первичная статистическая фиксация массового керамического материала...» (Коваль, 2014).



Рис. 7. Индивидуальные находки из ямы №26. 1,3 – бутылки (стекло); 2 – флакон из-под бальзама (глина); 4,5 – фрагменты чашек (фарфор); 6 – горшок (глина).

Яма №26. Расположена в кв. Д/1, в примыкании к юго-восточной стенке, уходит в бровку в кв. Г/1. Первоначально пятно видимой части ямы в кв. Д/1 прямоугольной формы, размерами $\sim 2,2 \times 0,8$ м. Стенки ямы в сечении практически отвесные, слегка округлые, дно ровное (Рис. 6). Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с включениями кирпичной крошки и тлена. После разбора бровки и выборки заполнения размеры ямы составили $\sim 2,4 \times 2,2$ м. Индивидуальные находки

представлены фрагментами стеклянных и фарфоровых изделий 2-ой половины XIX-нач. XX вв. (Рис. 7).

Яма №39. Расположена в кв. Д-Ж/7-8, в примыкании к юго-восточной и северо-восточной стенке, уходит в бровку в кв. Г/7-9 и кв. Д-Ж/9 (уч. №2 и №4). Первоначально пятно видимой части ямы в кв. Д-Ж/7-8 подпрямоугольной формы размерами $\sim 5,5 \times 4$ м. Стенки ямы в сечении неровные, с уступами, дно неровное. Заполнение ямы представлено серой и темно-серой супесью



Рис. 8. Срубы №1 и №2 в яме №39 на материке. Вид с северо-запада.

с включениями кирпичной крошки, тлена и щепы. В яме были зафиксированы остатки деревянных конструкций (Сруб №1 и №2) (Рис. 8). После разбора бровки и выборки заполнения размеры ямы составили ~7,3x4,2 м. Индивидуальные находки включают фрагменты изразцов конца XVIII-нач. XIX в., целые формы и фрагменты масляных светильников, «турецкую» трубку, фрагменты стеклянной бутылки 1803 г. (Рис. 9).

Массовый материал из 39 ямы представлен в виде фрагментов гончарной керамики, к которым относятся венчики, днища, крышки и ручки сосудов.

При описании массового материала были выделены следующие основные группы керамической посуды:

1. Красноглиняная керамика (окислительный обжиг). Поверхность ровная, заглажена, без лощения. Тесто без грубых примесей. Черепок плотный. Цвет фрагментов кирпично-красный или коричневый.

2. Сероглиняная керамика (восстановительный обжиг). Поверхность ровная, заглажена. Тесто без грубых примесей. Черепок плотный. Цвет фрагментов серый, серо-черный или коричневатых оттенков.

3. Чернолощенная керамика (восстановительный обжиг). Тесто хорошо промешано, без грубых примесей. Черепок плотный. На внешней поверхности имеются следы разреженного, орнаментального лощения.

Помимо гладкой посуды в меньшем количестве встречается грубая керамика с примесью в тесте дресвы и песка с грубой, шероховатой поверхностью, также венчики с органическими включениями, незначительное количество фрагментов поливной керамики – красноглиняной с желтой и зеленой поливой, фарфор, фаянс.

В яме найдены следующие типы венчиков сосудов:

1. Вертикальный венчик или прямой отогнутый наружу без заворота чернового края или с заворотом чернового края внутрь сосуда (тип 1).

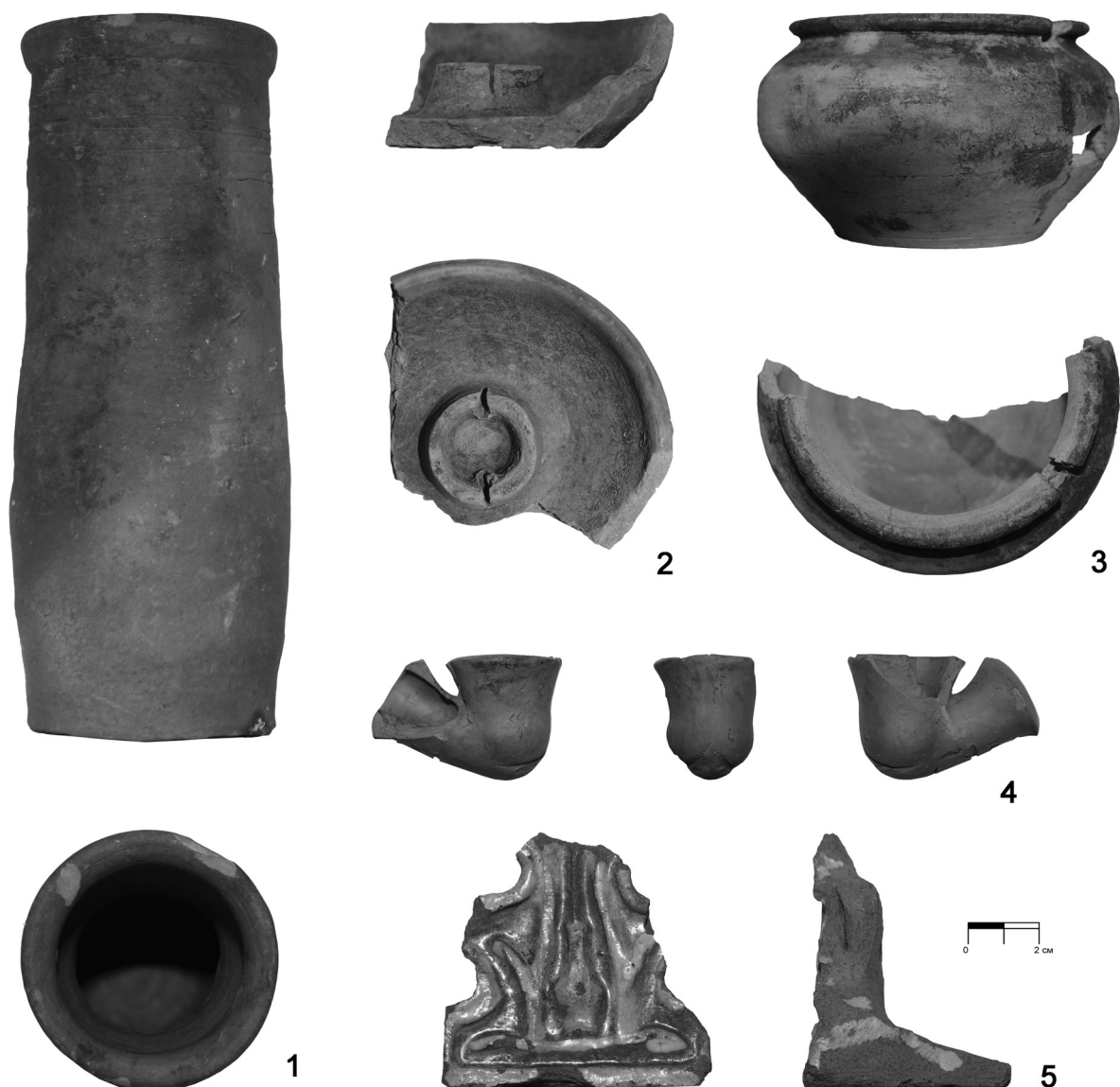


Рис. 9. Индивидуальные находки из ямы №39. 1 – бокаловидный светильник (?); 2 – светильник-плошка; 3 – горшок; 4 – трубка турецкого типа; 5 – изразец-городок (1-5 – глина).

2. Венчики, изогнутые в наружную сторону, черновой край которых также завернут наружу, а чистой край имеет овальное сечение (тип 9).

3. Венчики горшков подшарообразной профилировки, наклоненные внутрь сосуда (10 тип).

4. Срезанные изогнутые венчики (тип 12).

Выявлены следующие типы профилировки днищ сосудов: тип 1 – простые днища горшка, тип 2 – простые днища миски, тип 3 – дно с закраиной (несколько фрагментов), тип 7 – дно с

«сапожком» (1 фрагмент).

Встречаются фрагменты с нагаром, как с внешней, так и с внутренней стороны. Ряд фрагментов имеет линейную орнаментацию разреженную и плотную (гребенкой), несколько образцов имеют волнистый орнамент, нарезки, три фрагмента красноглиняной поливной керамики с декором, выполненным с помощью штампа.

Массовый материал из 39 ямы так же включает: помадные банки из фаянса с синей глазурью на внешней поверхности, сливы красноглиняные и сероглиняные



Рис. 10. Яма №106. Сечение в юго-восточной стенке участка №42. Вид с северо-запада. Рис. 8. Срубы №1 и №2 в яме №39 на материке. Вид с северо-запада.

с лощением, фрагменты утятницы сероглиняной с лощением, фрагменты мисок, кувшинов.

Яма №106. Расположена в кв. Д/9-10, в примыкании к юго-восточной стенке, уходит в бровку в кв. Г/9-10. Первоначально пятно видимой части ямы в кв. Д/9-10 подпрямоугольной формы, размерами $\sim 3,2 \times 1$ м. Стенки ямы в сечении неровные, с уступами, дно неровное, округлое. Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с включениями кирпичной крошки, желтого песка и линзами угля (Рис. 10). После разбора бровки и выборки заполнения размеры ямы составили $\sim 3,2 \times 2$ м. Основную часть индивидуальных находок из ямы составляют полихромные изразцы второй половины XVIII в. (Рис. 11).

С северо-запада к яме №106 примыкают ямы №108 и №111.

Яма №111. Расположена в кв. Ж/9-10, в примыкании к северо-западной стенке. Пятно видимой части ямы подпрямоугольной формы, размерами

$\sim 3 \times 1,3$ м. Стенки ямы в сечении одна округлая, другая неровная, с уступами, дно неровное. Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с включениями кирпичной крошки, линзами угля и желтого песка (Рис. 12). Из ямы происходит одна индивидуальная находка – щипцы для колки сахара.

На участках 3 и 4 были выявлены погребения, заглубленные в материк (Рис. 13). Всего в границах раскопа исследовано 12 погребений. Погребения №1, 2, 5, 11 и 12 ориентированы по линии запад - восток; погребения №6, 8, 10 – по линии юго-запад - северо-восток; погребения №3, 4, 7, 9 – по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Скелетные останки имеют плохую сохранность, скелеты сильно фрагментированы⁴. Половина погребений (№1, 2, 4, 6, 8, 12)

⁴ Определение скелетных останков проведено специалистом лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета (г. Красноярск) Алёной Владимировной Дедик.

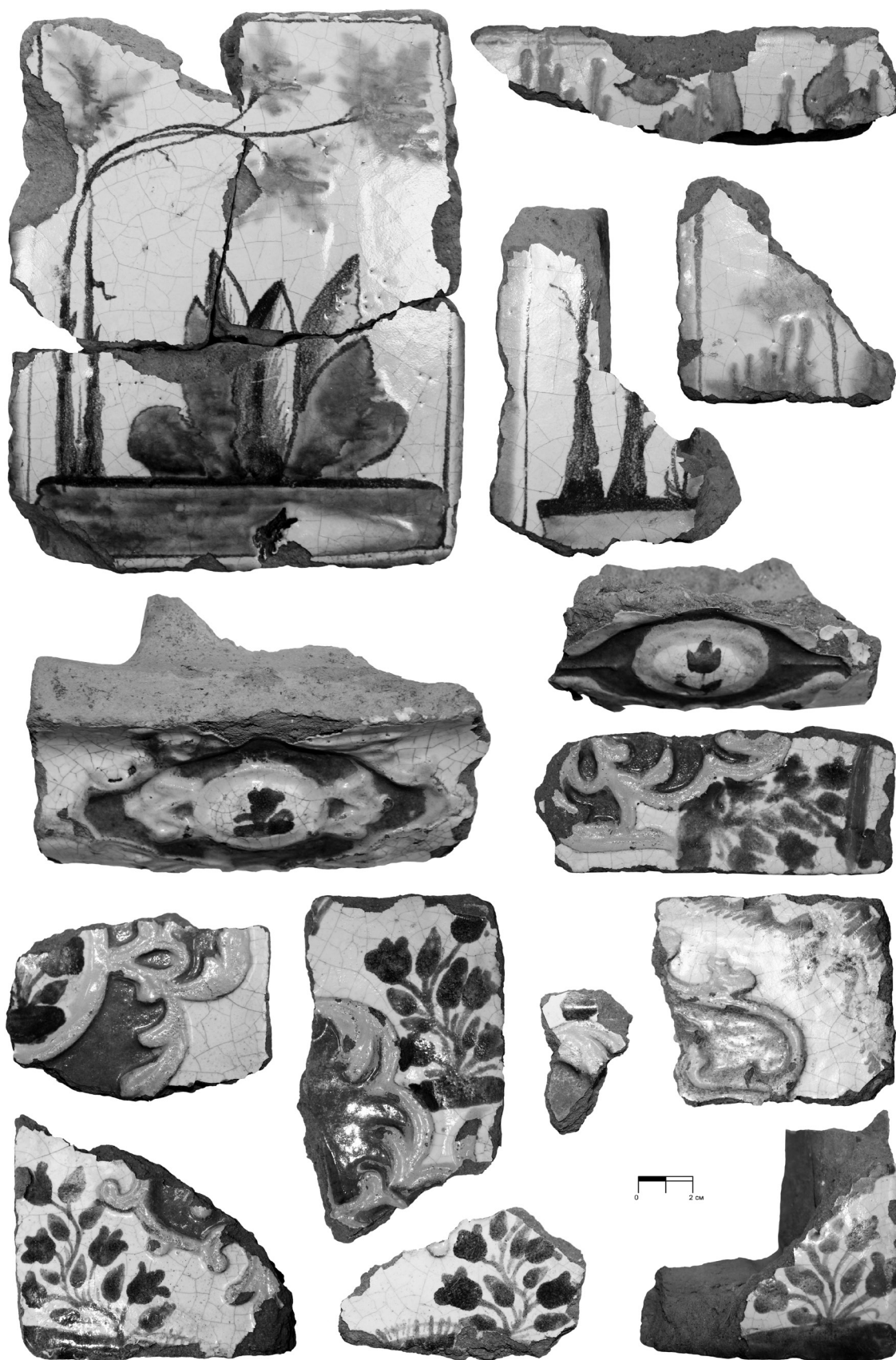


Рис. 11. Изразцы из ямы №106 (глина).



Рис. 12. Яма №111 сечение в юго-восточной стенке участка №42. Вид с юго-востока.

принадлежат взрослым в возрасте 35-55+ лет; погребения №7, 11 – в возрасте 18-25 лет; детские погребения -№3, 5, 9, 10. Остатки погребальных сооружений прослеживаются в виде тонких прослоек тлена в заполнении могильных ям в погребениях № 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12. При разборе заполнения могильных ям трёх погребений были обнаружены сильно корродированные гвозди с частицами древесного тлена: в погребении №3 – 1; в №4 – 5; в №8 – 2.

Среди захоронений особо выделяются два женские погребения (№7 и №9) (Рис. 14). Оба погребения содержали разнообразный погребальный инвентарь, представленный круглопроволочными височными кольцами, стеклянными и костяными бусами, бисером, подвесками и равносторонними крестиками.

Заключение. В ходе раскопок на ул. Симановского был исследован один из участков территории Костромы, входивших

в состав средневекового города, при этом относительно мало пострадавший от хозяйственной деятельности в XX в.

Исследованные комплексы охватывают период с XIII по нач. XX в. Предварительно выделяются следующие этапы использования территории:

- средневековый некрополь XIII в. (погребения №7 и №9);
- жилая застройка XIV-XV вв. (яма №21);
- некрополь XVI-XVII вв. (погребения №№1-6, 8, 10-12);
- хозяйственные ямы (колодец, погреба) XVIII-начала XX в. (ямы №18, 26, 39, 108, 111).

Уточнение и корректировка датировок объектов будут возможны после завершения детального анализа и обработки всего вещественного материала – как индивидуального, так и массового.



Рис. 13. Участок 3 после зачистки материка. Вид с северо-востока. Цифры соответствуют номерам погребений.

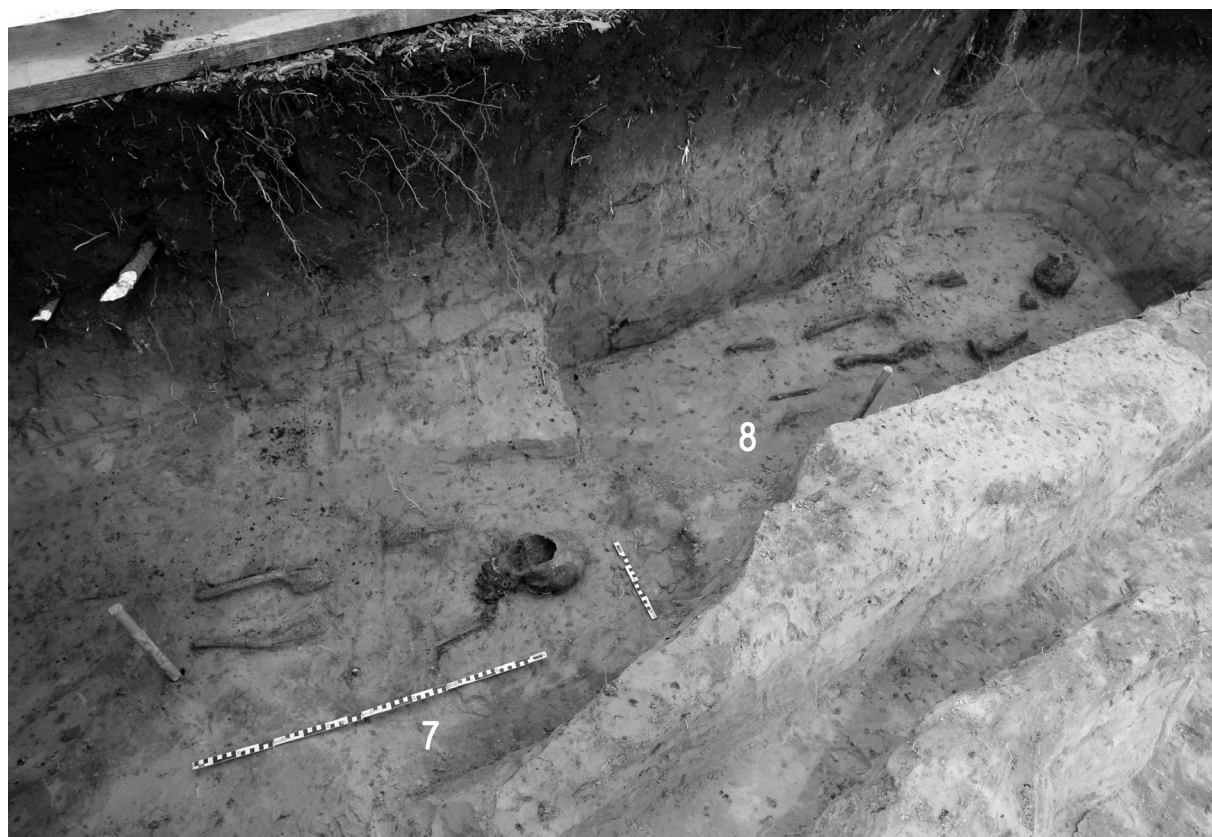


Рис. 14. Погребения №7 и №8 на материке. Вид с севера.

Список литературы:

1. Археология Костромского края, 1997. / Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома.
2. Бочков В.Н., 1997. Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома.
3. Иванов В.Н., Фехнер М.В., 1955. Кострома. М.
4. Коваль В.Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X-XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.
5. Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV-XIX вв. М.
6. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг., 2004 / Сост. Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома.
7. Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
8. Уздеников В.В., 1992. Монеты России 1700–1917. М.

ДИСКОВИДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ РУСИ И ВОЛГО-КАМЬЯ¹

Кузнецова В.Н.

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассматриваются дисковидные украшения XII–XIII вв., являющиеся довольно редкими находками. Известно две разновидности изделий: у первых основу составляет собственно диск, у вторых – пронизка-трубочка. В работе Л.А. Голубевой (1973) дисковидные украшения фигурируют как «этнически определяющие» украшения веси, в дальнейшем эта точка зрения была воспроизведена в работах других ученых. Находки были встречены в единичных экземплярах в могильниках Горка Никольское на р. Ояти, Щанниково на о. Никольское, Нефедьево IА на р. Иткла, курганах у дд. Турыгино и Елкотово в Костромском Поволжье, в Белоозере, городищах Гуль-Чунь на р. Сыsole, Пожегском в Повымье, д. Базуева в Прикамье. Три изделия (обеих разновидностей) происходят из с. Воскресенского (Васильевского городища) в Поважье. Дисковидная основа в первой разновидности украшений или дисковидное расширение во второй сформированы из плотно прилегающих друг к другу жгутов. Подобный прием представлен в разнообразных изделиях Волго-Камья (например, треугольных и спиралевидных подвесках). География находок, а также стилистика не позволяют связать дисковидные украшения с этническими изделиями веси. Ближе всего украшения кругу поволжских изделий, в то же время ряд деталей являются реминисценцией из украшений Древней Руси и Прикамья.

Ключевые слова: Подвеска, украшения, Древняя Русь, Поволжье, Прикамье.

DISC-SHAPED JEWELRY IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF NORTHERN RUSSIA AND VOLGA-KAMYA

Kuznetsova V.N.

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg

Summary: The article deals with the rare disk-shape adornments of the 12th – 13th centuries. There are known two sorts of such items. The first ones have the disk body, the second ones have the tube core and the disk ornament round it. L.A. Golubeva regarded both of them as ethnic adornments of Ves' people. Other scholars shared this view.

The single disk shape items came from burial grounds Gorka Nikol'skoe on the river Ojat', Shchan-nikovo on the lake. Nikol'skoe, Nefed'ev o IA on the river Itkla, from burial mounds Turygino and Elkotovo in the Upper Volga, from settlements Beloozero, Gul'-Chun' on the river Sysola, Pozhegskoe in the Vym' region. The accidental find was discovered in Bazueva in the Kama region. Three adornments of different sorts were found in Voskresenskoe in the Vaga region.

The items were made in the technique of lost-wax casting. In the moulding disk-shape core and the disk ornament around the tube are formed by stripes tightly adjoined to each other. Such mode can be seen in various items of Volga and Kama regions (for instance triangle and spiral pendants). So according to the spreading of the finds and their stylistics we can't regard them as the ethnic adornments of Ves'. Disk-shape adornments contain the traits of the traditions of Volga and Kama regions and of Ancient Russia too.

Key words: Pendant, adornment подвеска, Ancient Russia украшения, Древняя Русь, Volga region, Kama region.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40111. Название проекта: «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения» (руководитель Н.И. Платонова).

В XII–XIII вв. в составе убора населения Севера Древней Руси были представлены разнообразными украшения, иногда связанные генетически с различными ремесленными традициями.

Довольно редкими являются украшения дисковидной формы, изготовленные в технике литья по утрачиваемой модели (Рис. 1–2). Дисковидные украшения фигурировали в публикациях отдельных памятников археологии и были описаны в работах, обычно посвященных определенному региону, однако – вероятно, в силу малочисленности, – они не являлись предметом специального исследования.

Несмотря на свою немногочисленность, оформление изделий, имеющих дисковидную форму, довольно разнообразно. Известно две разновидности изделий: у первых основу составляет собственно диск, у вторых – пронизка-трубочка, вокруг которой располагается дисковидное расширение.

В работе Л.А. Голубевой данные находки фигурируют как «этнически определяющие» украшения веси (Голубева, 1973. С. 34. Рис. 4: б). Автор рассматривала обе разновидности – с основной-диск и основной-трубочкой – в совокупности: «Один найден П.Д. Европеусом в кургане 3 – Горка Никольское на Ояти [первый тип – прим. авт.]. Второй происходит с Васильевского городища на Ваге» (Там же. С. 37–38). Она также отмечала, что изделия происходят из комплексов XII в. Характеристика изделий в качестве этнических украшений веси утвердилась в литературе. Так, на работу Л.А. Голубевой ссылался Е.А. Рябинин, характеризуя находки из «воскресенской коллекции <...> в виде пластинчатого диска с концентрической рельефной орнаментацией и трубчатой полый перемычкой в центральной части» (Рябинин, 1997. С. 131).

Первая разновидность украшений представлена двумя типами изделий, основу которых составляет собственно диск. В

первом типе центр украшения не заполнен (здесь находится округлое отверстие); на самом корпусе с двух сторон друг над другом расположены сквозные отверстия-«трубочки», для продевания ремешка (Рис. 1: 1–7). Во втором типе центр занимает вертикальный стержень, в верхней части расположена петля для подвешивания, в нижней – петли для привесок (Рис. 1: 8).

Изделия первого типа происходят из кургана 3 могильника Горка Никольское на р. Ояти (Tallgren, 1916. Fig. 20), кургана 13 могильника Турыгино в Костромском Поволжье (Бекаревич, 1901. С. 420; Дело ИАК. НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 51. Л. 60–2), погребения 1 могильника Щанниково на о. Никольское (Макаров, 1997. Табл. 25: 5), Белоозера (Захаров, 2001. Рис. 76: 6), из с. Воскресенского (Васильевского городища) в Поважье (Tallgren, 1931. Fig. 7), городища Гуль-Чунь на р. Сысоле (Кленов, 2007. Рис. 2: 7), д. Базуева в Прикамье (Спицын, 1902. Табл. VII: 22)².

Известно два варианта декора. В первом дисковидная основа составлена из жгутов, уложенных по кругу (Рис. 1: 1–5). Второй вариант, помимо концентрических кругов, декорирован жемчужинами (также расположенными по кругу). Он представлен двумя украшениями – из Белоозера и с. Воскресенского (Васильевского городища) (Рис. 1: 6–7). А.М. Тальгрэн, говоря про совокупность находок из Поважья, отмечал, что среди находок возможен прикамский компонент (Tallgren, 1931. P. 115). Декор в виде «жемчужин» действительно характерен для изделий Урала и Западной Сибири, весьма ярко он представлен в разнообразных зооморфных подвесках, правда, относящихся к более раннему периоду, например на биконьковых, пластинчатых орнитоморфных X–XI вв. (Кулябина, 2013. №№ 240, 241, 290) и

² Номер в Госкаталоге 17317348, Номер по ГИК (КП): ПОКМ-11355/5. Электронный ресурс.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17451097> (дата обращения 08.10.2019).

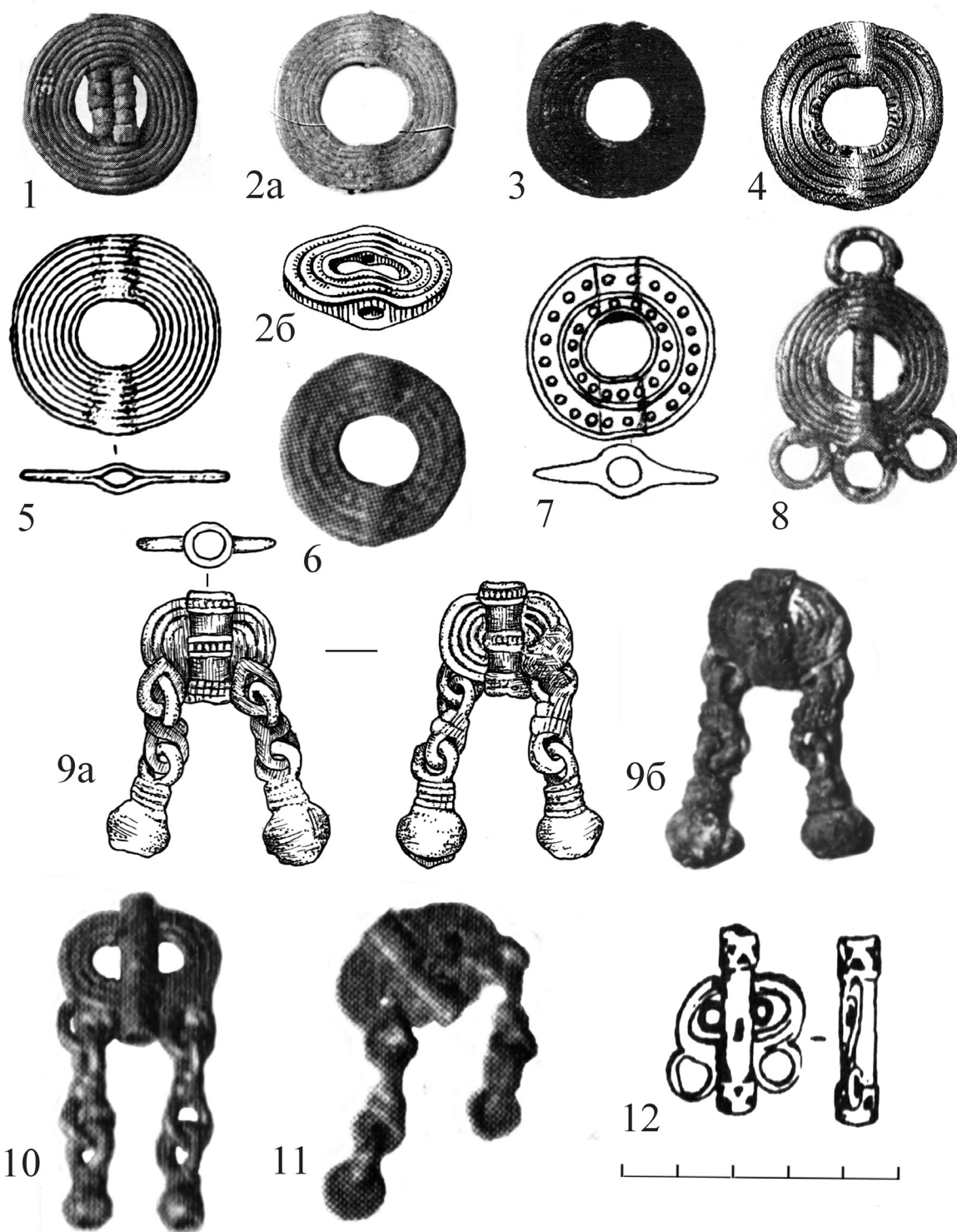


Рис. 1. Дисковидные украшения
1 – Горка Никольское (По: Tallgren, 1916. Fig. 20); 2 – Турыгино (2а – По: Дело ИАК, НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 51. Л. 60-2; 2б – По: Рябинин, 1987. Рис. 50: 10); 3 – Щанниково (По: Макаров, 1997. Табл. 25: 5); 4 – Базуева (По: Спицын, 1902. Табл. VII: 22); 5 – Гуль-Чунь (По: Кленов, 2007. Рис. 2: 7); 6, 10–11 – Воскресенское (По: Tallgren, 1931. Fig. 6–7); 7 – Белоозеро (По: Захаров, 2001. Рис. 76: 6); 8 – Нефедьево IА (По: Макаров, 1990. Табл. XXIII: 3); 9 – Елотово (9а – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 15474/51; 9б – По: Дело ИАК, НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 31); 12 – Пожгское городище (По: Савельева, Кленов, 1997. С. 677. Рис. 6: 42).

пр. Поясок из жемчужин есть и на импортной находке из кургана у д. Алеховщина конца XI в. на р. Оять. Изделие представляет собой костылек с петлями на концах, в центре которого размещена фигура зайца (Кочуркина, Линеvский, 1985. С. 117; Рябинин, 1981. Табл. XIII: 7). Жемчужный орнамент присутствует и на редкой северо-западной находке – копоушке из Озерного (Tallgren, 1916, Fig. 27; Финно-угры и балты, 1987. Табл. XVI: 8).

Ко второму варианту относится одно изделие (Рис. 1: 8). Находка происходит из погребения 19 могильника Нефедьево IA, которое представляло собой скопление разрозненных костей взрослого человека, залежавшее в пахотном слое (Макаров, 1990. С. 169. Табл. XXIII: 3).

Вторая разновидность украшений с дисковидным декором типологически ближе к разнообразным трубочкам-пронизкам,

распространенным в XII–XIII вв. как на Северо-Западе Руси, так и на территории Волго-Камья (Рис. 1: 9–12). Основу это разновидности украшений составляет полая трубочка с боковыми полукруглыми расширениями, которые и формируют диско-видную фигуру. Одно изделие происходит из кургана 19 I группы могильника Елктово в Костромском Поволжье (Бекаревич, 1901. С. 325; Дело ИАК, НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 31), два из с. Воскресенского (Васильевского городища) на Ваге (Рябинин, 1997. Рис. 36: 17; Tallgren, 1931. Fig. 6–7).

Еще одно изделие с дисковидным расширением было найдено на Пожегском городище в Повымье (Рис. 1: 12). Э.А. Савельева и М.В. Кленов датировали изделие XII в. и относили к числу наиболее ранних находок памятника (Савельева, Кленов, 1997. С. 664). Сам же памятник, согласно мнению исследователей, представлял собой

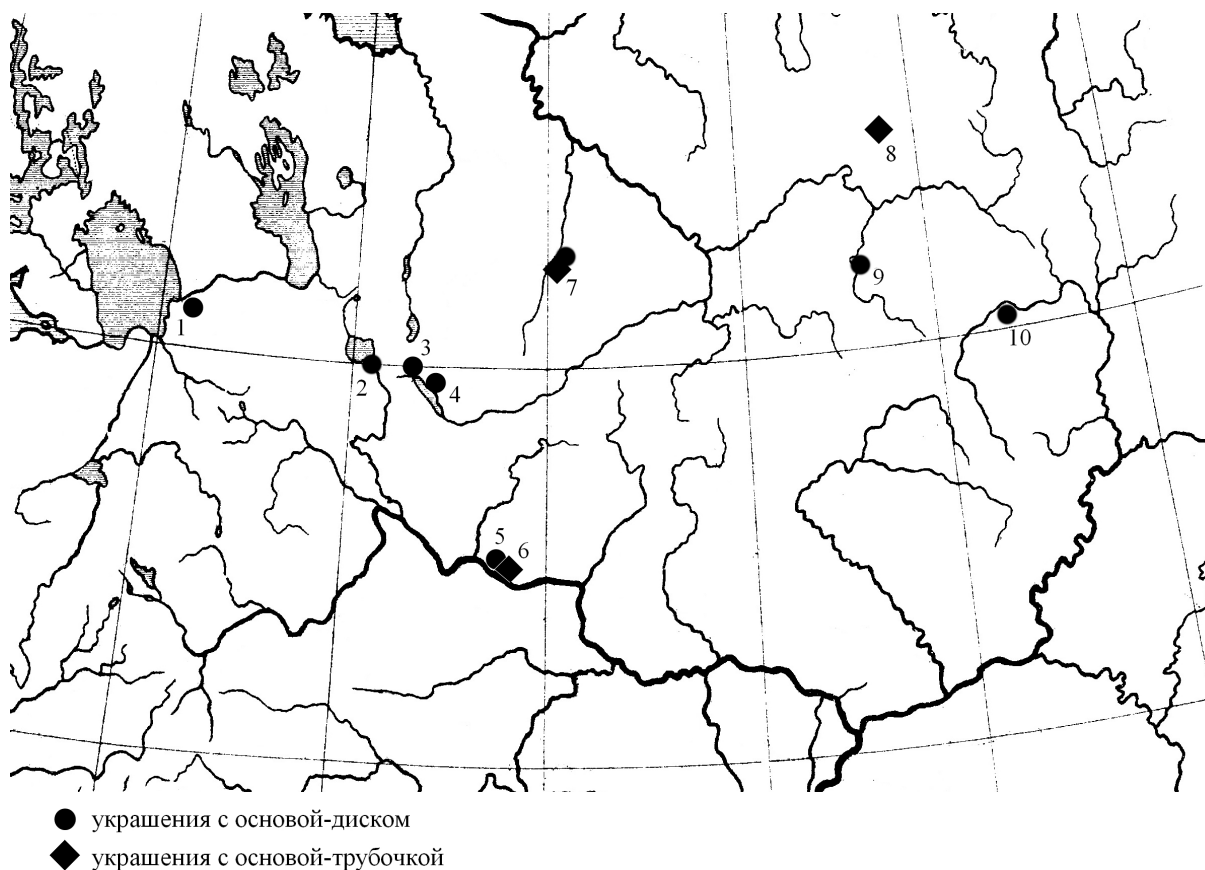


Рис. 2. Карта находок дисковидных украшений
1 – Горка Никольское; 2 – Белоозеро; 3 – Нефедьево IA; 4 – Щанниково; 5 – Турыгино; 6 – Елктово; 7 – Воскресенское; 8 – Пожегское городище; 9 – Гуль-Чунь; 10 – Базуева.

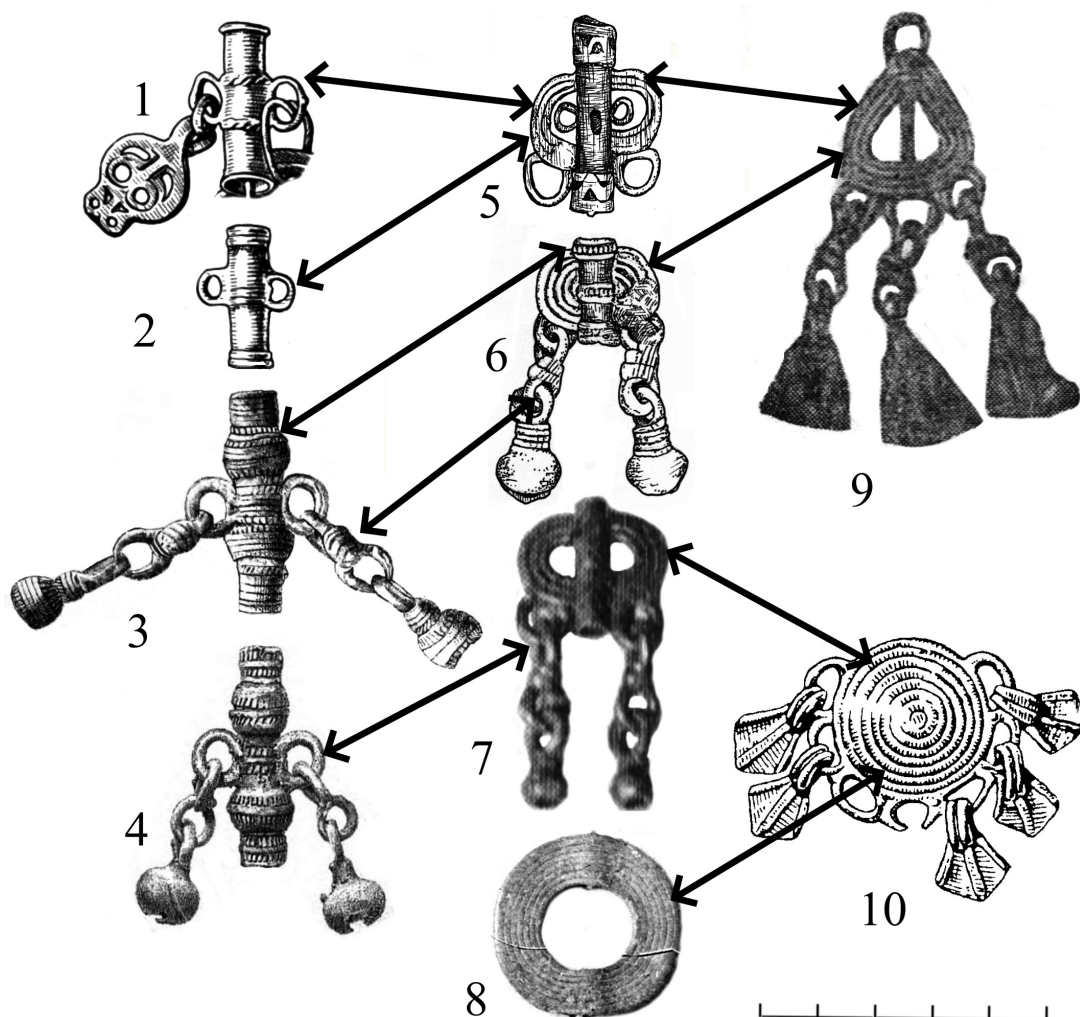


Рис. 3. Стилистические параллели в оформлении украшений.

1–2 – Карелия (По: Сакса, 2010. Рис. 23: 11, 13); 3 – Кудымкар (По: Спицын, 1902. Табл. X: 1); 4 – Михалева (По: Спицын, 1902. Табл. XIV:13); 5 – Пожегское городище (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Музей археологи Европейского Северо-Востока, экспозиция); 6 – Елкотово (Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 15474/51); 7 – Воскресенское (По: Tallgren, 1931. Fig. 6); 8 – Турыгино (2а – По: Дело ИАК. НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 51. Л. 60-2); 9 – Семухино (По: Ерофеева, 1976. Рис. 2: 5); 10 – Кривец (По: Рябинин, 1997. Рис. 47: 5).

«на раннем этапе функционирования... опорный пункт сборщиков дани» и имел биэтничный состав населения (Савельев, Кленов, 1997. С. 666). На рассматриваемой пронизке дисковидное расширение составлено из меньшего числа жгутов, чем во всех остальных экземплярах. Между ними и корпусом-трубочкой расположены небольшие ушки. Сама трубочка орнаментирована по краям волнистой линией. Аналогичный прием чрезвычайно характерен для полых зоо-морфных, а также конических подвесок (Рябинин, 1997. Рис. 36: 6, 13; рис. 39: 8–9; рис. 47: 9–10; рис. 25–26).

Л.А. Голубева относала дисковидные украшения к цепедержателям (Голубева, 1973. С. 34, 37–38). Впрочем, скорее их следует рассматривать как пронизки и подвески (в случае изделия из Нефедьево IА), детали составных украшений.

В могильнике Щанниково дисковидное изделие украшало шнурок «вместе со спиральными пластинчатыми пронизками» (Захаров, 2004. С. 177). Памятник был датирован Н.А. Макаровым XII – началом XIII в. «по находкам ложнозерненого височного кольца со сквозным поперечным каналом и стеклянной зонной бусины» (Макаров, 1997. С. 64). Прикамскую находку из д. Базуевой «в

виде широкого плоского кольца с сквозным отверстием» А.А. Спицын относил к нагрудным украшениям и датировал XI в. «главным образом на основании <...> техники» (Спицын, 1902. С. 38). Однако изделие происходит из коллекции Теплоуховых, и по аналогиям из других регионов, корректнее относить его к XII–XIII вв.

Находки из костромских курганов, судя по размещению на костяках погребенных, можно интерпретировать в качестве деталей поясных подвесок. Изделие из Елктово располагалось у правого бедра (Бекаревич, 1901. С. 325), а из Турыгина – в области тазовых костей погребенных (Там же. С. 420).

А.А. Спицын, характеризуя собрание находок из Васильевского городища, отмечал, что «Некоторые из вещей пермские <...> особенно трубочки-пронизки. Остальные целиком повторяются в древностях вепсов (южное побережье Ладожского озера) и в Костромских курганах, а также в Корельских древностях северного берега Ладожского озера» (Спицын, 1915. С. 240).

Примечательно, что комплексы с дисковидными украшениями из Костромского Поволжья XII–XIII вв. также отличаются изделиями, характерными для различных регионов. В кургане 13 могильника Турыгино находились типичные для Верхневолжья конические подвески, а также характерные для Северо-Запада Древней Руси фибула с дугой, суживающейся к концам (Мальм, 1967. С. 167), и игольник с ажурной спинкой, украшенной плетенкой (Бекаревич, 1901. С. 420; Кузнецова, 2019. С. 50). В кургане 19 группы I у д. Елктово также находилась похожая фибула, наряду с двумя полыми полиморфными подвесками типичными для Костромского Поволжья (Бекаревич, 1901. С. 325; Рябинин, 1981. Кат. 761–762; Дело ИАК, НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 31).

Выше уже отмечалось, что дисковидные расширения сформированы из плотно прилегающих друг к другу жгутов. Такой же прием присутствует в оформлении корпуса

треугольных подвесок – характерных для Верхневолжья (Ерофеева, 1976. Рис. 2: 4–5; Рябинин, 1997. Рис. 47: 11; рис. 52: 6; Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 63). В качестве аналогий можно привести также умбововидные, или спиралевидные украшения, широко распространенные на территории Волго-Камья (Рябинин, 1997. Рис. 36: 9–10; рис. 47: 5; рис. 54: 12; Спицын, 1902. Табл. VII: 1; Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 64–65. Рис. 4: 1–5, 7–8) (Рис. 3: 5–10). При создании восковой модели в данном случае жгуты укладывались по спирали, а не концентрическими кругами, как в дисковидных украшениях.

Отдельно стоит остановиться на центральной части второй разновидности дисковидных пронизок – трубочках. Горизонтальные трубочки-пронизки с рельефными поясками были распространены в землях поволжских финнов (Рябинин, 1997. Рис. 54: 7). В то же время на Северо-Западе Руси бытовали горизонтальные трубчатые игольники, также украшенные рельефными поясками (Голубева, 1978. Рис. 1: 3, 5). Кроме того, характерным прибалтийско-финским украшением являются так называемые ф-видные пронизки – трубочки на боковых сторонах размещены одна или две пары ушек (Сакса, 2010. Рис. 23: 1–8, 11, 13; Рябинин, 1997. Рис. 20). Для территории Волго-Камья также характерны пронизки-трубочки, но отличающиеся от северо-западных формой и орнаментом – это изделия со «вздутиями», украшенные массивным орнаментом в виде жгутов с насечками (Спицын, 1902. Табл. X: 1, 6, 11, 20–29; табл. XIV: 13).

Здесь стоит отметить, что импорты – и в частности пронизки-трубочки, – с территории Волго-Камья поступали на земли Древней Руси (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 65–66), обратный процесс также имел место: на памятниках Волго-Уральского региона известны материалы, характерные для Северо-Запада Руси (Савельева, Кленов, 1997. Рис. 20: 1–12; Кузнецова, 2019). В пронизке из Пожегского городища отчетливее читается

реминисценция из северо-западных изделий (Рис. 3: 1–2, 5), в то время как находка из Елктово схожа с прикамскими украшениями (об этом говорят такие детали, как рельефные пояски, привески на массивных щитовидных звеньях) (Рис. 3: 3–4, 6).

Исходя из географии находок, а также стилистики украшений, вряд ли возможно рассматривать дисковидные пронизки и подвески как этнически определяющие украшения веси. Ближе всего данные украшения кругу поволжских изделий, в

то же время некоторые детали близки как древнерусской стилистике, так и прикамской. Очевидно, мы можем говорить об определенном синкретизме в оформлении дисковидных украшений.

Полагаю, что контакты между весьма удаленными регионами, движение вещей, знакомство мастеров с инокультурными традициями привело к появлению изделий, выполненных в синкретичной стилистике, одной из разновидностей которых являются дисковидные украшения.

Список литературы:

1. Бекаревич Н.М., 1901. Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Неприменного Члена Комиссии Н.М. Бекаревича // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромскою губернской архивной комиссией. Вып. 5 / Под ред. Чл. КГУАК В.А. Соколова. Кострома.
2. Ерофеева Е.Н., 1976. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
3. Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
4. Голубева Л.А., 1973. Веси и славяне на Белом озере. М.
5. Голубева Л.А., 1978. Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
6. Дело ИАК о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 51.
7. Дело ИАК о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 49.
8. Кленов М.В., 2007. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока (новые материалы раскопок) // Пермские финны: археологические культуры и этносы (Материалы I Всероссийской научной конференции). Сыктывкар.
9. Кочуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X–начала XIII века. Петрозаводск.
10. Кузнецова В.Н., 2019. Украшения и детали костюма северо-западного облика из Костромских курганов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
11. Кузнецова В.Н., Григорьева Н.В., 2017. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь.
12. Кулябина Н.В., 2013. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: каталог. Пермь.
13. Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
14. Макаров Н.А., 1990. Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.
15. Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. М.
16. Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-60. Л.
17. Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.
18. Савельева Э.А., Кленов М.В., 1997. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.
19. Сакса А.И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
20. Спицын А.А., 1915. Археологический альбом // ЗОРСА РАО. Т. XI. СПб.
21. Спицын А.А. 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. № 26. СПб.
22. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 / Археология СССР. М.
23. Tallgren A.M., 1916. Fornsaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors // Finskt Museum. XXIII.
24. Tallgren A.M., 1931. Biarmia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. №. 6.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ И НАБЛЮДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТОРГОВЫХ РЯДОВ В Г. КОСТРОМЕ В 2014-2018 ГГ.¹

Лазарев А.С.

Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие», г. Кострома

Аннотация: В статье представлены результаты археолого-архитектурных исследований, археологических разведок и наблюдений, проведённых специалистами археологической экспедиции ОГБУ «Наследие» на территории торговых рядов в г. Костроме в 2014-2018 гг.

Ключевые слова: Археологическая разведка, археологические наблюдения, шурфы, стратиграфия, древнерусский город, Кострома, Костромской кремль, торговые ряды, посад.

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS AND OBSERVATIONS ON THE TERRITORY OF THE TRADE ARCADES IN KOSTROMA IN 2014-2018

Lazarev A.S.

Kostroma

Summary: The paper presents the results of archaeological and architectural researches, archaeological explorations and observations conducted by specialists of the archaeological expedition of regional state institution "Heritage" on the territory of the trade arcades in Kostroma in 2014-2018.

Key words: Archaeological exploration, archaeological observations, pits, stratigraphy, Old Russian city, Kostroma, Kostroma Kremlin, trade arcades.

Систематические археологические работы ведутся специалистами научно-исследовательского отдела ОГБУ «Наследие» на территории Торговых рядов на протяжении последних 5 лет. В первую очередь, представляют интерес результаты археологических раскопок на территории Нового города второго Костромского кремля и его посада, позволяющие получить новую информацию о застройке и быте города XIV-XVIII вв. Однако, плотная застройка центральной части города, большое количество подземных коммуникаций, затрудняют проведение раскопок значительными площадями и усиливают значение обобщения результатов археолого-архитектурных исследований и наблюдений на этой территории.

Сравнительный анализ стратиграфической ситуации в шурфах и траншеях дополняет представление о формировании культурного слоя на площади, занятой в конце XVIII-XIX вв. торговыми рядами и другими историческими зданиями. В настоящее время комплекс Торговых рядов расположен на склоне берега Волги, разделённого за счёт рельефа на два участка и относящегося к двум памятникам археологии – «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV-XVIII вв.» и «Участок культурного слоя по нижнему посаду, XIII-XVIII вв.». Корпуса рядов, возводившиеся в конце XVIII-XIX вв. после утверждения в 1781 г. плана регулярной застройки города, заняли площадь городского торгового центра, находившегося в Новом городе, склон, спускающийся к реке, на вершине которого в XVII в. размещались

¹Автор статьи благодарит А.В. Горохову и О.В. Лихачеву за возможность использовать при подготовке статьи неопубликованные материалы исследований.

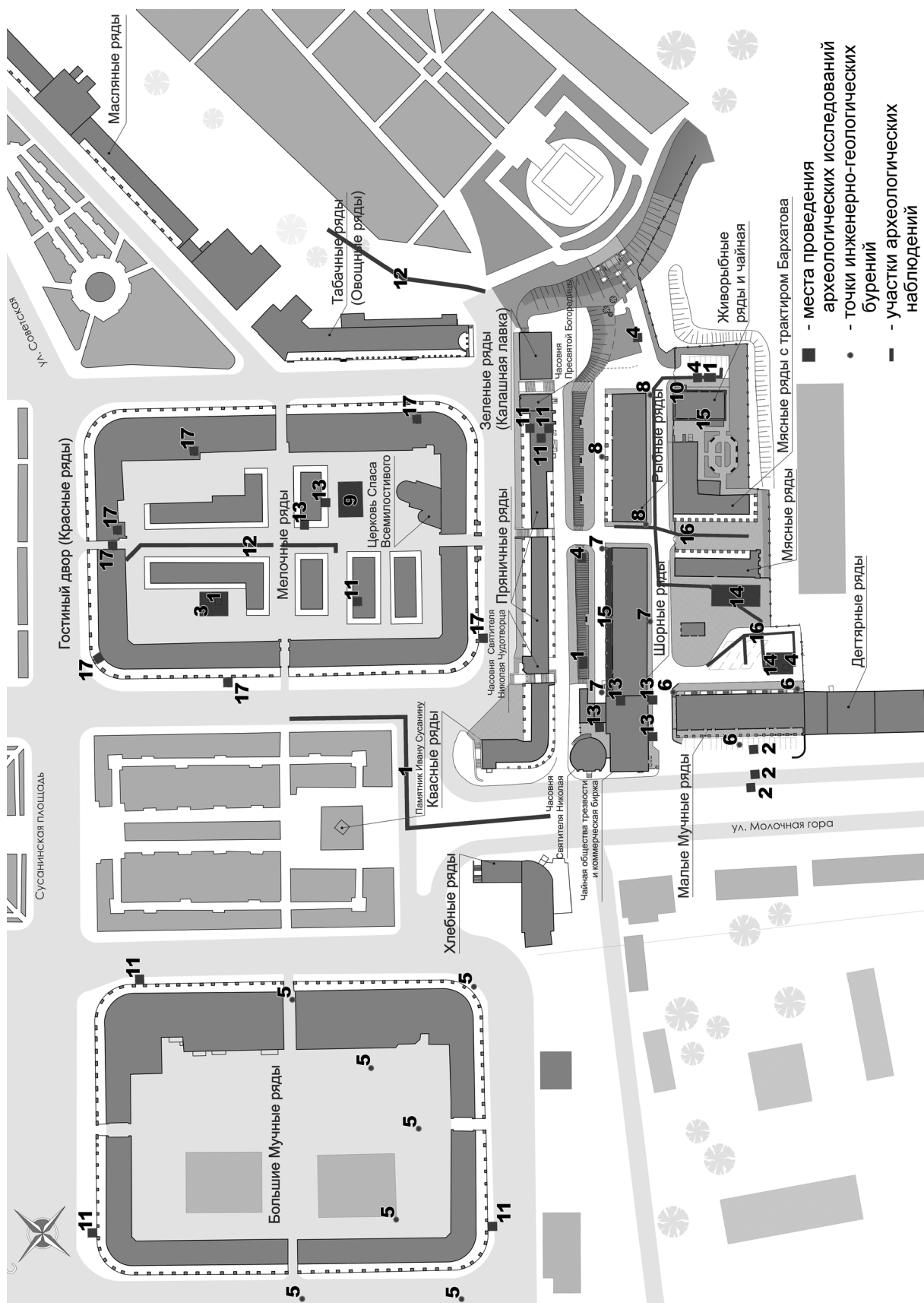


Рис. 1. План-схема археологических работ и инженерно-геологических изысканий 2012-2019 гг. на территории Торговых рядов в г. Костроме. Номера на плане соответствуют порядковым номерам в Таблице №1.

укрепления, построенные в 1619 г., и часть нижнего посада, берега, выходящего к Волге (Писцовая книга..., 2004).

Археологические работы, проводившиеся на этой территории с 2012 г. по настоящий момент, делятся на несколько видов, определённых их задачами² (см. Таблицу 1; Рис. 1):

- археологические раскопки;
- археологические разведки, направленные на установление сохранности и мощности культурного слоя;
- архитектурно-археологические разведки, определяющие степень сохранности фундаментов и выявляющие подземные конструктивные элементы построек;
- археологические наблюдения при производстве реставрационных работ;
- археологические наблюдения при прокладке коммуникаций.

Отдельный источник, позволяющий также получить данные о мощности культурного слоя, это данные геологического бурения. Как правило, в описаниях скважин, содержащихся в отчётах о проведённых инженерно-геологических изысканиях, верхние слои выработки описываются как «насыпной грунт» различного состава. Наличие вблизи от места бурения археологических исследований позволяет с уверенностью интерпретировать его как культурный слой.

В 2015 г. в ходе подготовки проектов реставрации зданий Больших мучных рядов, Малых мучных рядов, корпусов 1 и 2 Рыбных рядов ООО «ГеоСтройИзыскания» были проведены инженерно-геологические обследования в целях определения инженерно-геологических и гидрогеологических условий, классификации и характеристик грунтов, плотности песков, наличия, глубины залегания, направления потока и агрессивности грунтовых вод,

составления инженерно-геологических разрезов и инженерно-литологических колонок. Во всех скважинах обнаружены «специфические грунты», представленные «насыпным слоем непостоянного состава и состояния» (см. подробнее «Технические отчёты по инженерно-геологическим изысканиям...»).

Археологические работы 2014-2018 гг. продолжают работы на территории рядов 2012 г., в ходе которых были заложены разведочные шурфы у 1 и 5 корпусов Рыбных рядов и внутри Красных рядов, проведены надзоры на участках реставрации и прокладки теплотрассы, а также сформулирован ряд выводов о сохранности культурного слоя на данной территории (Гордеев, 2012).

Археологические раскопки. Несмотря на то, что данная статья посвящена другим видам археологических исследований, проведённых на территории торговых рядов, необходимо кратко отметить, что в 2013-2016 гг. работы велись внутри Красных рядов на раскопах «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II» (автор работ А.В. Горохова), в 2017-2018 гг. на дворовой территории Шорных (Рыбных, корпус 1), Мясных и Малых мучных рядов на раскопах «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды» (автор работ А.С. Лазарев). Общая площадь исследований составила 371 м². Мощность изученных культурных напластований от 2,5 до 5 метров. Были изучены и сопоставлены различные этапы застройки и освоения центральной части Костромы. Результаты раскопок, представляющие значительный интерес для изучения истории Костромы, частично приведены в ряде обобщающих (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017а; 2017б; 2018) и специальных (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2016; Лазарев, Волков, 2017; Лазарев, 2017а; 2017в; 2018 и др.) публикаций.

Археологические разведки, направленные на установление сохранности и мощности культурного слоя, предшествующие

²В рамках настоящей статьи археологические работы рассмотрены в зависимости от цели исследования, а не формы выдаваемых открытых листов.



Рис. 2. Шурф №2 у Рыбных рядов, корпус 1. 2014 г. Стратиграфия северо-восточного борта. Вид с юго-запада.

проектным работам, проводились на территории около Шорных, Рыбных и Малых мучных рядов в 2014 г. Всего было заложено 4 рекогносцировочных шурфа, общей площадью 16 м² - у корпуса 2 Рыбных рядов – шурф №1; у корпуса 1 Рыбных рядов – шурф №2; у Малых мучных рядов – шурф №3; у корпуса 5 Рыбных рядов – шурф №4 (Горохова, 2015).

За исключением шурфа №1, в котором под слоем перекопа была найдена железная коммуникационная труба, во всех шурфах исследованы культурные напластования, мощностью не менее 1,8 м. Шурф №2 был расположен на склоне, в 8 м от северо-восточного фасада корпуса 1 Рыбных рядов. Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: сверху дерн и подперновая черно-коричневая супесь мощностью 0,2-0,3 м, ниже идет слой серо-коричневого пестроцвета мощностью 0,2-0,25 м, который прорезают линия из битого красноглиняного кирпича и расположенная ниже прослойка серо-черного пестроцвета мощностью около 0,1 м, далее расположен слой серой супеси мощностью 0,4-0,45 м, в верхней части которого фиксируется линза тлена, ниже залегает слой серо-коричневой супеси мощностью около 0,45 м, ниже расположен слой тёмно-серой супеси с включениями пестроцвета мощностью до 0,3 м, ниже залегает предматериковый слой светло-серой супеси мощностью около 0,15 м. Материк – желтый песок (Рис. 2). Выявленный вещественный массовый материал, представленный керамикой, датируется XVI-XIX вв.

Шурф №3 был разбит в 8 м от юго-восточного фасада Малых Мучных рядов. Глубина составила более 2,7 м, шурф не был доведён до материка и законсервирован. После балласта стратиграфическую колонку составили мощные напластования коричневой и темно-серой супесей, прорезаемые линзами битого кирпича, щепы и тлена. На месте шурфа №3 в 2018 г. был

разбит раскоп «Малые мучные ряды».

Шурф №4 находился за корпусом 5 Рыбных рядов. Исследованные в шурфе напластования до уровня материка составили 1,5-1,6 м (в ямах более 2,3 м). Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: сверху дерн и слой подперновой коричневой супеси, далее слои серо-желто-коричневого пестроцвета с включениями кирпичной крошки, редкими включениями тлена и угля, ниже слой светло-серой супеси с включениями угля. Выявленный вещественный материал, включающий монеты, фрагмент нательного креста и дно бутылки, датируется XVII-XIX вв.

В шурфах №2 и №4 под дерном была расчищена булыжная мостовая XIX в.-начала XX в., отраженная на фотографиях начала XX в.

Архитектурно-археологические разведки. С 2016 по 2019 г. в составе изысканий, необходимых для подготовки проектов реставрации, были обследованы фундаменты Больших мучных рядов, Мелочных рядов (корпуса Г и 3), Пряничных рядов, Красных рядов. Место закладки шурфов определялось требованиями проектировщиков, разрабатывающих проекты.

В ходе разведки 2016 г. было заложено 7 шурфов общей площадью 8 м²: корпус «Г» Мелочных рядов - 1 шурф (2 м²), Большие Мучные ряды – 3 шурфа (3 м²); Пряничные ряды – 3 шурфа (3 м²) (Лихачев, 2017б).

В корпусе «Г» Мелочных рядов шурф был заложен в одном из помещений и примыкал с внутренней стороны к северо-восточной стене здания. Шурф выбран до уровня материковой поверхности, глубина шурфа составила 2,3 м. После снятия верхних напластований, представленных заливкой пола и перекопом, связанным с ремонтными работами, в шурфе выявлен культурный слой, сформированный преимущественно серой и тёмно-серой супесями с линзами песка, тлена, щепы, суглинка с примесями угля и кирпичной



Рис. 3. Мелочные ряды, корпус «Г», шурф №1. 2016 г. Стратиграфия юго-восточного борта. Вид с северо-запада.

крошки (Рис. 3). Среди индивидуальных находок, выявленных при прокопке шурфа, товарные свинцовые пломбы XIX в., монеты XVIII в., фрагменты стекла с росписью. На основании стратиграфических наблюдений и интерпретации вещевой коллекции культурные напластования, зафиксированные в ходе археологической разведки, датируются XVII-XIX вв.

У Больших мучных рядов было заложено 3 шурфа с внешней стороны галереи.

Наиболее информативный из них – шурф №1, примыкающий к юго-восточной галерее рядов. Шурф был выбран до уровня материковой поверхности, глубина шурфа составила 2,4 м.

В шурфе был раскрыт до подошвы фундамент Больших мучных рядов: зафиксированы булыжники и камни, служащие опорой для кирпичной кладки. В северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стенках шурфа прослежен культурный слой сформировавшийся до периода строительства здания и состоящий из прослоек тёмно-серой супеси с включениями битого кирпича, угля, извести и песка (Рис. 4).

В шурфе №2 у юго-западной галереи была обнаружена коммуникационная труба; в шурфе №3 у северо-восточной галереи – расширение кирпичной кладки.

На основании стратиграфических наблюдений и интерпретации вещевой коллекции (все находки выявлены в шурфе №1) культурные напластования, зафиксированные в ходе археологической разведки, датируются XVII-XIX вв.

Внутри Пряничных рядов в подвалах были заложены 3 шурфа: шурф №1 в подвале под северо-восточной галереей, шурфы №2 и №3 в одном из помещений подвала с юго-западной стороны. Во всех шурфах зафиксированы напластования небольшой мощности, за исключением западения слоя серой супеси с песком и углём в шурфе №1, которое может

соотноситься с историческим рельефом склона, подрезаного при строительстве корпуса рядов (Рис. 5). Вещественный материал (выявлен в шурфе №3) представлен фрагментами стеклянных бутылок XIX в.

В 2017 г. обследовались фундаменты корпуса «3» Мелочных рядов (2 шурфа площадью 4 м²) (Лазарев, 2017б).

Шурф №1 был заложен в галерее в примыкании к юго-западной стене здания внутри галереи. Выбор места закладки для шурфа было обосновано тем, что по периметру здания подо всей галереей корпуса «3» существует подвал за исключением участка по центру юго-западной стены. Шурф был раскопан до материка, глубина составила 3,2 м. Практически на всём протяжении основное заполнение составлял сильно перемешанный слой с большим количеством битого кирпича, извести и строительного мусора (Рис. 6). Так же на протяжении нескольких пластов фиксировался обрушившийся свод подвала. На глубине ~2,5 м от современной поверхности галереи в шурфе был расчищен вымощенный кирпичом пол (аналогичный пол раскрыт в подвале под северо-западной галереей в шурфе №2).

Вещественный материал относится к периоду XVIII-начала XX в. Отличительной особенностью данного шурфа стало то, что при его прокопке помимо обычного строительного кирпича (не только обломков, но и целого) в заполнении было обнаружено большое количество лекальных кирпичей, в том числе во фрагменте колонны.

Таким образом, в результате работ было установлено, что в 30-е гг. XX в. свод подвала под галереей разрушился и провалился внутрь, а аварийное помещение было засыпано (в том числе, в провал была

³ На момент написания статьи материалы исследований ещё до конца не обработаны.



Рис. 4. Большие мучные ряды, шурф №1. 2016 г. Стратиграфия юго-западного борта и валуны фундамента. Вид с северо-востока.



Рис. 5. Пряничные ряды, шурф №1. 2016 г. Стратиграфия северо-западного борта. Вид с юго-востока

сброшена упавшая колонна).

В 2019 г. с целью обследования фундаментов Красных рядов было заложено 7 шурфов (16,6 м²)³ – в подвалах, в галерее и снаружи здания.

Археологические наблюдения при производстве реставрационных работ. В 2016-2018 гг. археологические наблюдения проводились при ремонтно-реставрационных работах корпусов Рыбных рядов №5 и №1 (Шорные ряды). Реставрационные работы выполнялись рабочими ООО «НовТехноСтрой» при наблюдении археологов ОГБУ «Наследие» (Лихачев, 2017в; 2019).

На корпусе №5 с целью замены разрушающихся участков фундамента по периметру здания были заложены 7 шурфов по северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стенам здания и траншея вдоль северо-западной стены. Общая площадь исследований 2016-2018 гг. составила 27,74 м². Средняя мощность

культурных напластований на данном участке составляет более 2,5 м, при этом фиксируется увеличение мощности культурного слоя вверх по склону (по направлению с юго-запада на северо-восток).

В ходе работ был выявлен ряд особенностей устройства фундамента корпуса №5 Рыбных рядов:

- расширение фундаментов по типу контрфорсов, как с выходом на поверхность, так и без;

- по периметру стен фундамента фиксируется валунная забутовка в нижней части строительного котлована корпуса рядов.

Выявленный вещественный материал датируется XV – нач. XX в. Основная часть предметной коллекции представлена керамическим комплексом XIX – нач. XX в. и связана с функционированием рядов в данный исторический период. Стратиграфически заполнение шурфов



Рис. 6. Мелочные ряды, корпус «З», шурф №1. 2017 г. Стратиграфия юго-восточного и юго-западного бортов, фундамент колонны галереи. Вид с севера.

представлено нарушенными в ходе строительства и функционирования корпуса рядов слоями, с незначительными участками неповрежденного культурного слоя.

Археологические наблюдения на участке ремонтно-реставрационных работ на корпусе 1 Рыбных рядов проводились на месте раскрытия ранее существовавшего (засыпанного в советское время) тех-нологического тоннеля под галереей корпуса. Глубина тоннеля – до 2 м. Культурные напластования в тоннеле значительно нарушены в ходе техногенной деятельности XX в. Вещественный материал, обнаруженный в перемешанном слое из заполнения тоннеля, представлен стеклянными бутылками (обломками и целыми формами) производства «Государственного Трехгорного пивоваренного завода», «Ленин-градского союза потребителей обществ», «Хамовнического пивоваренного завода»,

«Сокольнического пиво-варенного товарищества» кон. XIX-нач. XX в.

Археологические наблюдения при прокладке коммуникаций. В 2016 г. через территорию Красных рядов прокладывалась электро-кабельная линия. Наблюдения производились на всей протяженности траншеи реконструируемой линии. Общая протяженность наблюдений составила 155 м. В связи с тем, что глубина откопки траншеи составляла до 0,8 м, она целиком проходила в балластных напластованиях и культурный слой затронут не был (Лихачев, 2017а).

В 2017-2018 гг. по территории, прилегающей к корпусам Рыбных, Шорных, Мясных и Малых мучных рядов, была проложена ливневая канализация с установкой водосборных колодцев, лотков и прокладкой труб. Общая протяженность траншей составила ~340 м. Несмотря на большое количество одновременных

перекопов, связанных с хозяйственной деятельностью на территории рядов и прокладкой коммуникаций, получен массив информации о состоянии и сохранности культурного слоя, в том числе на участках, которые обычно исключены из поля обследований – действующих дорог и т.п.

Заключение. Проведённые на протяжении 5 лет археологические исследования и полученные материалы позволяют сделать ряд выводов, относящихся как к общей истории формирования исторического центра Костромы, так и к отдельным сюжетам, выходящим за рамки исследований и публикаций, основанных только на письменных источниках:

- котлованы при строительстве торговых рядов откапывались таким образом, что пазухи для обратной засыпки были минимальны, а культурный слой XIII-XVIII вв. находится в непосредственной близости от фундаментов зданий;

- то же самое можно отметить и в

отношении участков галерей корпусов, построенных без подвалов;

- строительство комплекса торговых рядов, растянувшееся на несколько десятков лет, стало одним из самых масштабных воздействий на городской ландшафт, изменив не только его архитектурный облик, но и природный рельеф;

- культурный слой Нового времени активно формировался внутри и вокруг зданий рядов в период их функционирования;

- территория комплекса рядов представляет уникальную для Костромы в археологическом отношении зону, содержащую мощный культурный слой, сохранивший, в том числе, и фрагменты деревянной застройки;

- спецификой данной территории является также и то, что на всём протяжении истории Костромы, она являлась одним из ключевых участков городской жизни – не только торговой, но и религиозной, и общественной.

Таблица 1

Археологические полевые работы и инженерно-геологические изыскания на территории Торговых рядов в г. Костроме в 2012-2019 гг.							
№	Год	ФИО руководителя работ	Вид работ	Адрес	Площадь исследований, м ²	Мощность слоя, м	Памятник археологии ⁵
1	2012	Гордеев В. И.	Разведка (устано-вление мощности и сохранности слоя на месте ремонтно-реставрационных работ)	Мелочные ряды, к. «Е»; Рыбные ряды, к. 1; Рыбные ряды, к. 5; ул. Красные ряды	20 (шурфы); 320 (надзор)	До 2,7	Кремль, нижний посад
2	2013	Горохова А.В.	Разведка (установление мощности и сохранности слоя на месте строительства инженерных коммуникаций)	Малые Мучные ряды; ул. Молочная гора, 5	~13,8	До 2,3* ⁶	Нижний посад

3	2013-2015	Горохова А.В.	Раскопки	Мелочные ряды, к. Е	80	2,2-4,5	Кремль
4	2014	Горохова А.В.	Разведка (установление мощности и сохранности слоя на месте ремонтно-реставрационных работ)	Малые Мучные ряды; Рыбные ряды, к. 1; Рыбные ряды, к. 2; Рыбные ряды, к. 5	16	До 3	Нижний посад
5	2015	ООО «ГеоСтрой-изыскания»	Инженерно-геологические изыскания	Большие мучные ряды	7 скважин ⁷	1,3-2,6 ⁸	Кремль
6	2015	ООО «ГеоСтрой-изыскания»	Инженерно-геологические изыскания	Малые мучные ряды	3 скважины	3,95-4,2 ⁹	Нижний посад
7	2015	ООО «ГеоСтрой-изыскания»	Инженерно-геологические изыскания	Рыбные ряды, к. 1	3 скважины	1,65-3,75 ¹⁰	Нижний посад
8	2015	ООО «ГеоСтрой-изыскания»	Инженерно-геологические изыскания	Рыбные ряды, к. 2	3 скважины	1,55-4,05 ¹¹	Нижний посад
9	2015-2016	Горохова А.В.	Раскопки	Мелочные ряды, между корпусом «З» Мелочных рядов и церковью Спаса	96	1,5-2,5	Кремль
10	2016	Лихачев О.В.	Наблюдения (на месте ремонтно-реставрационных работ)	Рыбные ряды, к. 5	16,14	Более 2,5	Нижний посад
11	2016	Лихачев О.В.	Разведка (архитектурно-археологическое обследование фундаментов)	Большие мучные ряды; Мелочные ряды, к. «Г»; Пря-ничные ряды	8	2,3	Кремль
12	2016	Лихачев О.В.	Наблюдения (на месте реконструкции кабельной линии)	Красные ряды	155*	0,8* ¹²	Кремль
13	2017	Лазарев А.С.	Разведка (архитектурно-археологическое обследование фундаментов)	Мелочные ряды, к. «З»; Ул. Молочная гора, 3	9	До 3,2	Кремль, нижний посад

14	2017-2018	Лазарев А.С.	Раскопки	Малые мучные ряды; Мясные ряды	195	2,6-5	Нижний посад
15	2017-2018	Лихачев О.В.	Наблюдения (ремонтно-реставрационные работы)	Рыбные ряды, к. 1; Рыбные ряды к. 5	11,6	1,6*	Нижний посад
16	2017-2018	Лихачев О.В.	Наблюдения (на месте прокладки ливневой канализации)	Малые мучные ряды; Мясные ряды; Рыбные ряды, к. 1; Рыбные ряды, к. 2; Рыбные ряды, к. 3; Рыбные ряды, к. 5	~340	До 3	Нижний посад
17	2019	Горохова А.В.	Разведка (архитектурно-археологическое обследование фундаментов)	Красные ряды	16,6	До 2,3	Кремль

⁵ Для удобства формирования таблицы приняты следующие сокращения в названии памятников археологии: Кремль – «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV-XVIII вв.»;

Нижний посад - «Участок культурного слоя по нижнему посаду, XIII-XVIII вв.».

⁶ «*» отмечены случаи, когда напластования исследовались не до материка, а до проектных отметок.

⁷ Диаметр скважины 0,135 м.

⁸ В данной таблице указана мощность так называемых «насыпных грунтов», выявленных при бурении (общая глубина скважины составляет 10 м).

⁹ В данной таблице указана мощность так называемых «насыпных грунтов», выявленных при бурении (общая глубина скважины составляет 12 м).

¹⁰ В данной таблице указана мощность так называемых «насыпных грунтов», выявленных при бурении (общая глубина скважины составляет 8 м).

¹¹ В данной таблице указана мощность так называемых «насыпных грунтов», выявленных при бурении (общая глубина скважины составляет 8 м).

¹² При прокладке кабельной линии был затронут только слой балласта.

Список литературы:

1. Гордеев В.И., 2012. Научное заключение о выполненных археологических мероприятиях на территории ансамбля Торговых рядов в г. Костроме (на месте противоаварийных (консервационных) и ремонтно-реставрационных работ) (Квасные ряды; Гостиный двор, корпус Б; Мелочные ряды внутри Красных рядов, Гостиный двор, корпус Е; Красные ряды, благоустройство территории; Рыбные ряды, корпус 1, XVIII-XIX вв.; Малые Мучные ряды, XVIII-XIX вв.) в границах памятников археологии: «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV-XVIII вв.» и «Участок культурного слоя по нижнему посаду, XIII-XVIII вв.». Кострома // Архив ОГБУ «Наследие».
2. Горохова А.В., 2015. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории г. Костромы в 2014 г. 2-х томах // Архив ОГБУ «Наследие».
3. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А., 2016. Деревянные постройки «Нового города» второго Костромского кремля по материалам археологических раскопок 2013-2015 гг. (Раскоп «Мелочные ряды

- И») // *Деревянное зодчество: новые материалы и открытия: [сборник научных статей] / НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Вып. 5. Москва; Санкт-Петербург.*
4. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А., 2017а. Археологические исследования на территории Гостиного двора (Красных рядов) в г. Костроме 2013-2016 гг.: итоги и перспективы. // *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. Кострома.*
5. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А., 2017б. Предварительные итоги археологических исследований 2013-2015 гг. на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // *Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 13. М.*
6. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А., 2018. Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового Костромы в XV-XVIII вв. // *Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М.*
7. Лазарев А.С., 2017а. Находки медных тверских пул в г. Костроме на раскопе «Мелочные ряды I» в 2014-2015 гг. // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь.*
8. Лазарев А.С., 2017б. Отчёт о проведённых в 2017 г. археологических полевых работах на территории г. Костромы. Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
9. Лазарев А.С., 2017в. Результаты археозоологических исследований по материалам раскопок в Гостином дворе (Красных рядах) в г. Костроме в 2013-2016 гг. (раскопы «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II»). // *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. Кострома.*
10. Лазарев А.С., 2018. Нумизматические материалы из раскопа «Мелочные ряды II» на территории Гостиного двора (Красных рядов) в Костроме в 2015-2016 гг. // *Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2017 г. / Труды Столичного археологического бюро. Том II. М.*
11. Лазарев А.С., Волков И.В., 2017. Нумизматические материалы из раскопок 2013-2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I») // *Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 13. М.*
12. Лихачев О.В., 2017а. Отчет о проведенных в 2016 г. археологических полевых работах на территории объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV-XVII вв.» на месте реконструкции кабельной линии 0.4 кВ от ТП-37 до РЩ Красные ряды г. Кострома для нужд филиала ПАО «МРСК-Центра»-«Костромаэнерго» по адресу: г. Кострома, Красные ряды. Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
13. Лихачев О.В., 2017б. Отчёт о проведённых в 2016 г. археологических полевых работах на территории г. Костромы. Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
14. Лихачев О.В., 2017в. Отчёт о проведённых в 2016 г. археологических полевых работах на территории объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя по нижнему посаду XIII-XVIII вв.» на месте ремонтно-реставрационных работ на объекте культурного наследия федерального значения «Корпус №5 Рыбных рядов, XIX в., арх. П.И. Фурсов» по адресу г. Кострома, ул. Молочная гора. Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
15. Лихачев О.В., 2019. Научный отчёт о проведенных в 2017-2018 гг. археологических полевых работах на месте ремонтно-реставрационных работ в г. Костроме, Рыбные ряды, корпус 1 и корпус 5. Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
16. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг., 2004 / Составители Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома.
17. «Ансамбль торговых рядов и других зданий центральной части города: Рыбные ряды, корпус 2, XVIII-XIX вв.»: проектная документация. Технический отчёт по инженерно-геологическим изысканиям. Т. 2, 2015 // ООО «ГеоСтройИзыскания». Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
18. «Ансамбль торговых рядов и других зданий центральной части города: Рыбные ряды, корпус 1, XVIII-XIX вв.»: проектная документация. Технический отчёт по инженерно-геологическим изысканиям. Т. 2, 2015 // ООО «ГеоСтройИзыскания». Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
19. «Ансамбль торговых рядов и других зданий центральной части города: Мучные ряды, XVIII-XIX вв.»: проектная документация. Технический отчёт по инженерно-геологическим изысканиям. Т. 2, 2015 // ООО «ГеоСтройИзыскания». Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*
20. «Реконструкция объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль торговых рядов и других зданий центральной части города: Малые мучные ряды, XVIII-XIX вв.»», расположенного по адресу: г. Кострома, ул. Молочная гора, д. 5»: проектная документация. Технический отчёт по инженерно-геологическим изысканиям. Т. 2, 2015 // ООО «ГеоСтройИзыскания». Кострома // *Архив ОГБУ «Наследие».*

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ СОБОРНОЙ ГОРЫ В ПЛЕСЕ В 2018 ГОДУ

Несмиян О.А., Несмиян В.Г., Воробьева Е.Е.

Некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»

Аннотация: В статье представлены предварительные итоги археологических исследований Шуйской археологической экспедиции 2018 года на Соборной горе.

Ключевые слова: Плес, археология, раскопки, Средневековье.

EXCAVATIONS IN THE TERRITORY OF THE CATHEDRAL MOUNTAIN IN PLES IN 2018

Nesmiyan O.A., Nesmiyan V.G., Vorobyeva E.E.

Nonprofit Partnership “Shui Archaeological Expedition”

Summary: The article presents preliminary results of archaeological research of the Shuya archaeological expedition in 2018 on the Cathedral Mountain of Ples.

Key words: Ples, archeology, excavations, Middle Ages.

В малых городах центральной России сегодня почти не ведутся раскопки с исследовательскими и просветительскими целями. Главной формой работ здесь стали спасательные исследования на участках застройки, которые проводятся в закрытом формате и не позволяют в полной мере реализовать общественный потенциал археологии. Исследования 2018 года на Соборной горе в Плесе, организованные при поддержке Фонда президентских грантов, стали первыми научными исследованиями за последние десять лет¹.

Целью научных исследований было получение данных о распространении и датировке культурного слоя на средневековом городище. Первые письменные упоминания Плесской крепости относятся к 1410 году, когда по указу Василия I для защиты Костромы и Москвы на холме (ныне Соборная гора) была построена крепость.

Соборная гора представляет собой отрог правого коренного берега р. Волга близ места впадения в нее реки Шохонки. Площадь городища около 3,5 гектаров. Высота над уровнем реки Волга 45 метров. Площадка ограничена с востока и севера крутыми склонами в долину Волги и Шохонки, с запада – оврагом (Рис. 1, 2). С южной стороны был насыпан вал длиной 170 м, высотой 6 м, шириной в основании 29 м, крутизна внешнего склона не превышала 25°. У восточного края этого вала находился въезд в крепость. В 1959 году П.А. Раппопорт отмечал, что валы Плеса и Романова не имеют деревянного каркаса, считал их исключительно земляными насыпями, опираясь на материалы прогрессивной для того времени методики частичных разрезов остатков укреплений. По мере расширения стационарных исследований почти на всех исследованных П.А.Раппопортом городищах обнаруживаются остатки бревенчатых укреплений (Моргунов, 2009. С. 39).

Городище обследовалось в 1984 году

¹ Исследования выполнялись по проекту «Плес - археологический памятник под открытым небом» №17-2-007250.



Рис. 1. Раскоп на Соборной горе 2018 г.

К.И. Комаровым (АКР: *Ивановская область*, 1993. С. 141), а с 1986 по 2004 годы П.Н.Травкиным (Рис.2). Исследования проводились в северо-восточной части городищенской площадки, где, по мнению автора исследований, и должна была находиться древнерусская крепость, предшественница крепости 1410 года. В ходе работ зафиксирован культурный слой, мощностью 0,3 - 0,8 м, исследованы остатки жилых построек четырех строительных периодов: XII-XIII, XIII-XIV, XV-первой половины XVI и второй половины XVI-XVII веков. В северной и северо-восточной частях раскопанной площадки было зафиксировано городское кладбище XII-XIII веков (Травкин 1986-1995, 1997-1999, 2002-2004) (Рис.2). В раскопе 1990 года, заложенном П.Н. Травкиным на северо-западной оконечности северо-восточного

выступа городищенской площадки, изучено основание северо-западной башни крепости 1410 года, размерами 9×9 метров. (Травкин, 1990. С. 4). Её стены состояли из двух параллельных стенок, пространство между которыми было забутовано сырцовым кирпичом, а выше — камнем. Сходную конструкцию имел участок стены, примыкавший к башне с восточной стороны. Кирпич укладывался насухо, без раствора, а под лентами кладки повсеместно прослеживалось мощное деревянное основание; кладка размещалась в полости между брёвнами на бревенчатый же настил в 2-3 ряда. У западных углов башни мощность кладки достигала 0,7-0,8 м (8-9 рядов). Автор исследований предполагает, что после пожара 1429 года крепостная башня была восстановлена, но уже меньших размеров

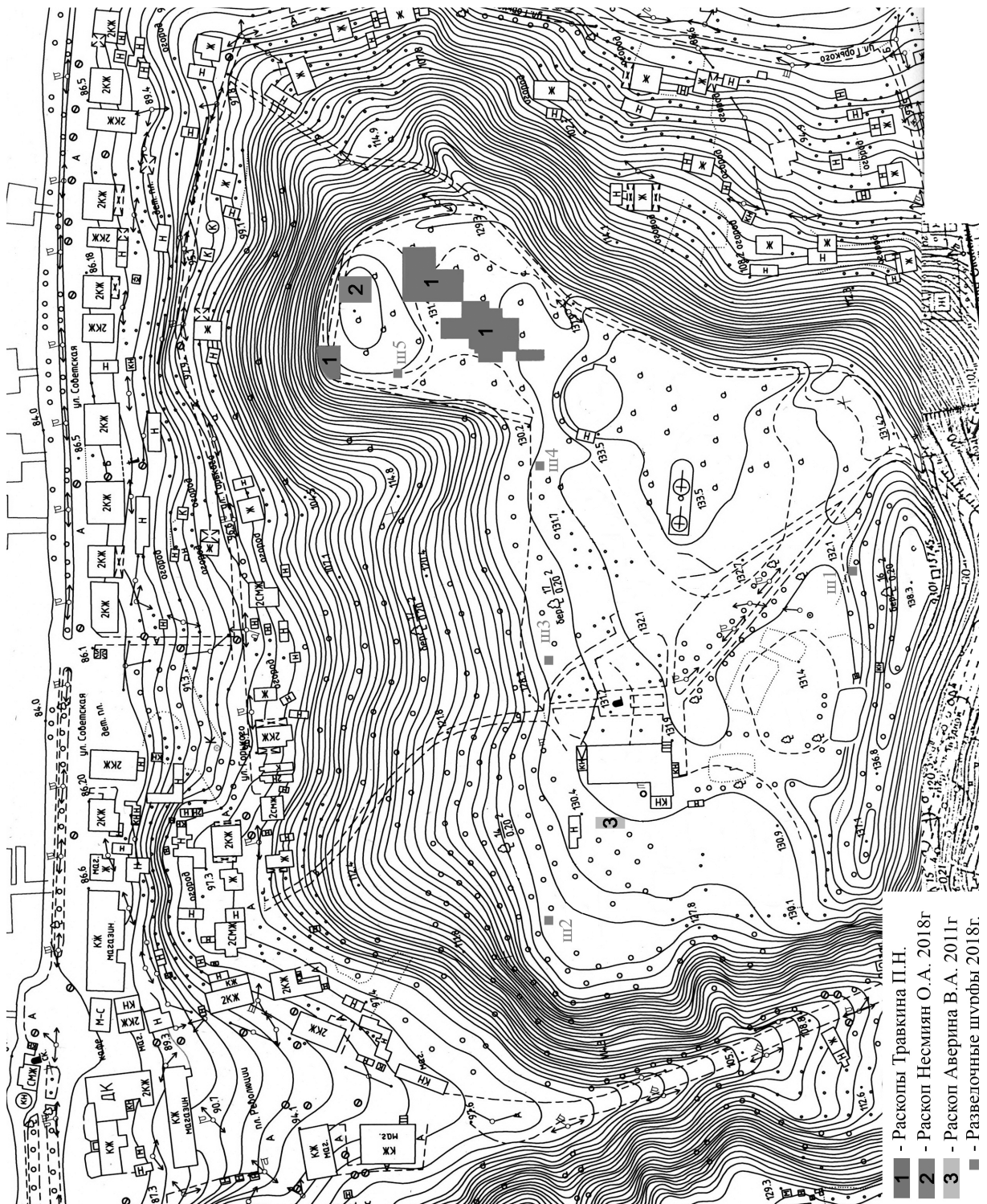


Рис. 2. Топографический план с обозначением мест исследований.

– бхбметров. С нашей точки зрения, ни вещевой материал, ни керамическая коллекция не дают твердого основания для такого предположения, как и для утверждения существования домонгольской крепости на этом месте.

В 2011 году в западной части Соборной горы (за зданием музея – заповедника) исследования проводила Ивановская археологическая экспедиция под руководством В.А. Аверина (Рис.2). В раскопе общей площадью 144 м² было исследовано три погребения, которые автор исследований датирует древнерусским временем, и заполнение 17 ям, в том числе, ямы XV-XVI веков (Аверин, 2012. С. 71).

Из всего, вышесказанного следует, что на сегодняшний день мы не располагаем сведениями о топографии крепостной застройки XV-XVI веков, в связи с отсутствием опубликованных материалов мало знаем керамический комплекс Плеса этого времени. Это стало основной целью исследований в полевом сезоне 2018 года.

В начале исследований было заложено 5 разведочных шурфов в разных частях городищенской площадки. Шурф 1 у подножья южного вала, шурф 2 в северо-западном углу крепости, в 9 метрах к югу от бровки склона, шурф 3 на площадке у северного края, образованной 2 оврагами, один – это современный спуск, один овраг засыпан при строительстве Казанской церкви. Шурф 4 и шурф 5 заложены по краям данного оврага (Рис.2).

Во всех шурфах сразу после снятия дерна зафиксирован слой XV-XVI веков. Слой этого времени представляет собой темно-бурый суглинок с включением угля. Вещевая коллекция из шурфов насчитывает 52 предмета, в том числе, ромбовидный наконечник стрелы с вытянутой шейкой и упором, весом 10,7 грамм, длина пера 47 мм, длина черешка 37 мм, ширина пера 16 мм (Рис.4, 5). Наконечник относится к варианту бб (по Двуреченскому) и датируется

XVI-XVII веками (Двуреченский, 2007. С. 277). В коллекции два нательных креста: 1) размерами 30x15x4 мм, четырехконечный с прямыми лопастями и треугольным завершением удлинённой нижней части; на лицевой стороне в центре – Голгофский крест, на концах лопастей трудно читаемые надписи, датируется XV-XVI вв. (Нагрудные кресты, 2014. С. 19-21); 2) четырехконечный, со скругленными концами и дугами в средокрестии с небольшим каплевидным выступом на нижней лопасти. На лицевой стороне изображено распятие на Голгофе. В медальонах на концах боковых лопастей парные поясные изображения Богородицы и одной из жен-мироносиц, Иоанна Богослова и сотника Лонгина. На верхнем и нижнем концах погрудные изображения двух святых. Надписи в средней части креста неразборчивы. На оборотной стороне изображен пророк Илия в рост с раскинутыми в стороны руками. В медальонах помещены парные поясные изображения святых. Изображения и надписи рельефные. Края креста окаймляет рельефная рамка. Данный тип крестов был широко распространен в XV-XVI веках (Нагрудные кресты, 2014. С. 19-21). В коллекции две проволочные монеты «пуло московское» Ивана III (1462-1505 гг), книжная застежка-шпенек в виде кинжальчика из цветного металла, имеющая широкую датировку XII-XVII вв. (Рис.4, 2). Керамическая коллекция из шурфов насчитывает более 700 фрагментов. В основном, это венчики типа 5 и типа 3 (по Ковалю) (Коваль, 2016. С. 102).

Материал, полученный из шурфов, позволяет датировать слой со следами пожара второй половиной XVI века, после чего застройка вдоль северной кромки городищенской площадки не возобновлялась.

Раскоп 2018 года общей площадью 78 м² был заложен на северной оконечности северо-восточного выступа городищенской площадки, в 22 метрах к северу от раскопа

П.Н.Травкина (Рис. 2). С севера раскоп ограничивала туристическая дорожка, идущая по краю городищенской площадки.

С уровня дневной поверхности в северном секторе раскопа зафиксирована конструкция из бревен с размерами

клетей 100х170, идущая в направлении СЗ-ЮВ, вплотную примыкавшая к полосе ошлакованной глины, шириной 230-250 см. Отсутствие каких-либо столбовых ям приводит к выводу, что при строительстве укреплений использовалась

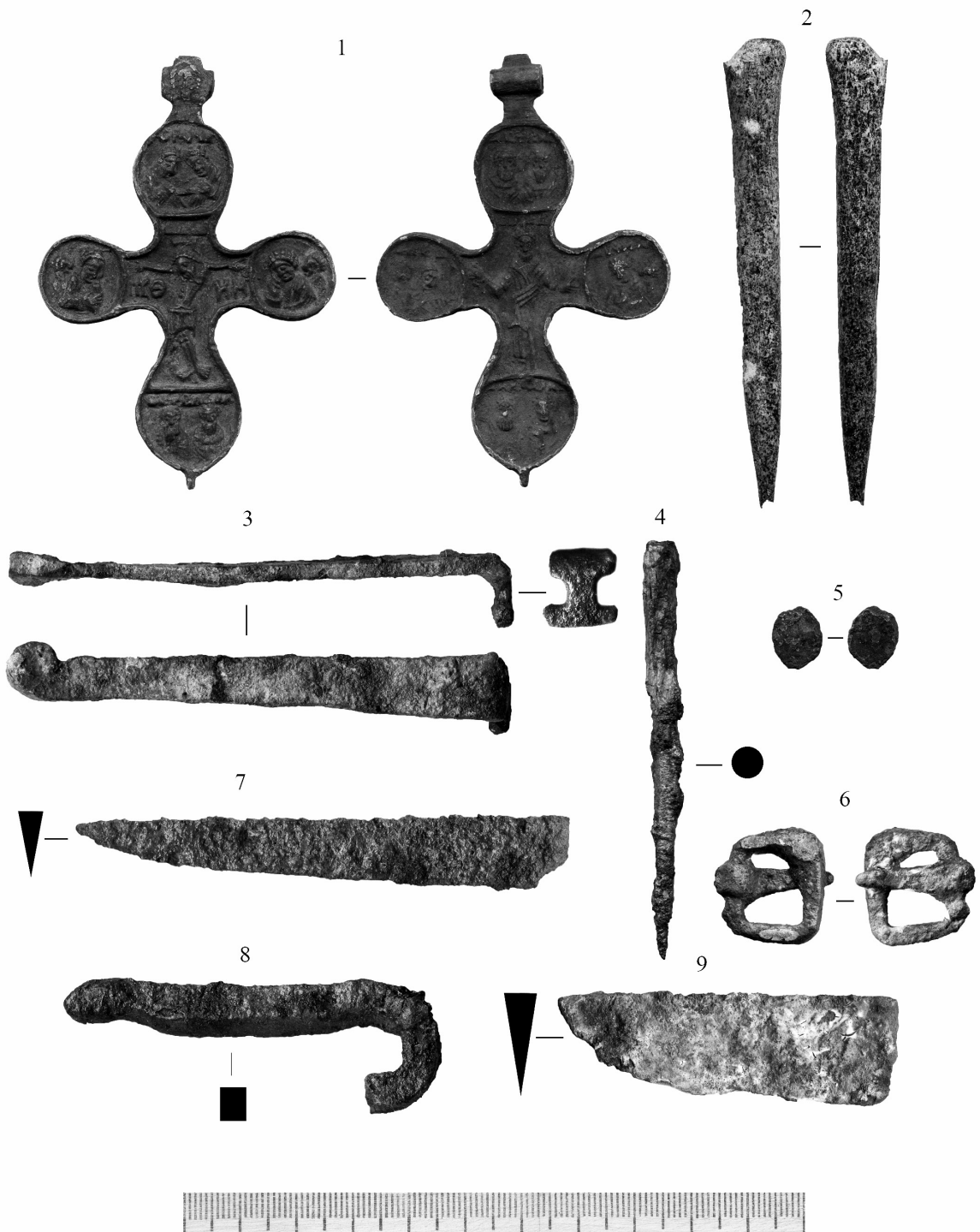


Рис. 3. Индивидуальные находки из шурфа 3: 1 - натальный крест; 2 - костяная проколка; 3 - ключ; 4 - шило; 5 - проволочная монета; 6 - пряжка; 7, 9 - ножи; 8 - железное изделие.

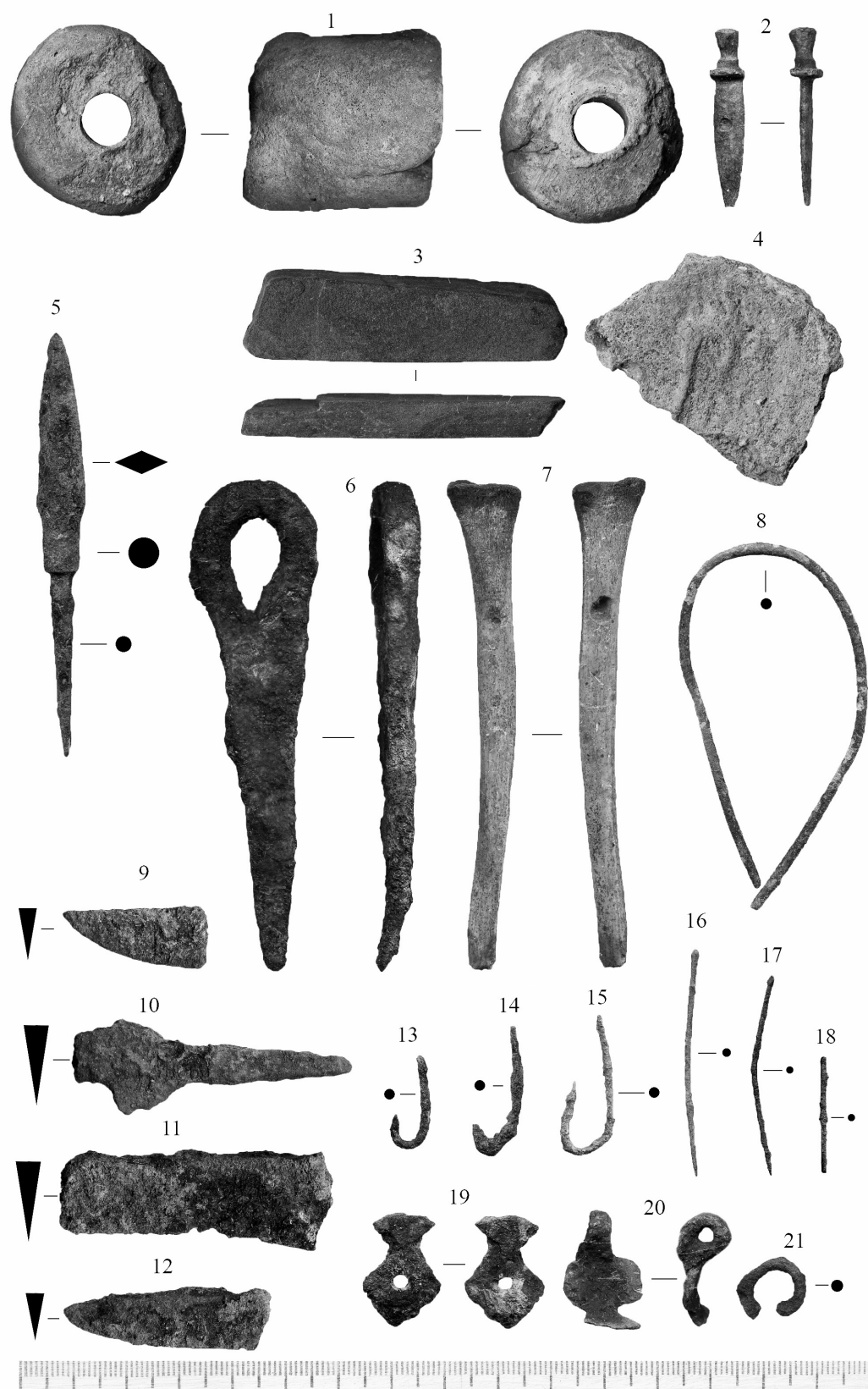


Рис. 4. Индивидуальные находки из шурфа 5: 1 - рыболовное грузило; 2 - книжная застёжка; 3 - точильный брусок; 4 - фрагмент донца гончарного сосуда с клеймом; 5 - наконечник стрелы; 6 - железный пробой; 7 - костяная проколка; 8 - фрагмент проволоки из цветного металла; 9-12 - фрагменты ножей; 13-15 - рыболовные крючки; 16-18 - железные иголки; 19, 20 - железные ременные накладки; 21 - кольчужное колечко.

каркасно-крюковая конструкция. Легкий каркас из бревен, связывался внутри и покрывался землей, лицевой склон вала насыпали из плотных грунтов, лесса, глины, промежутки между бревнами плотно заполняли камнями (Моргунов, 2009. С. 208).

Вещевая коллекция из первых пяти пластов насчитывает 35 предметов. В верхнем слое найдено: четыре монеты 10-х годов XV века (Гулецкий, Петрунин, 2017. С. 126, №1500А, вариант), два ножа, два нательных крестика. Один крест четырехконечный с удлинённой нижней лопастью. На лицевой стороне – восьмиконечный Голгофский крест, на обороте клейма с надписями, датируется XVII-XIX веками, аналогии встречены в раскопе Ю.Э. Жарнова на ул. Володарского во Владимире. Второй крест прямоконечный с расширяющейся нижней лопастью, окончание заострено, в центре изображение Голгофского креста, 23x13мм, клейма не читаются (тип 1, подтип 4 по Д.А. Беленькой), датируется XV-XVI веками. Среди находок – пряслице из стенки гончарного сосуда, фрагменты железных игл, керамическое рыболовное

грузило, два рыболовных крючка (Рис. 5).

Керамическая коллекция из первых пяти пластов, связанных с крепостными укреплениями, насчитывает 2974 фрагмента, из них венчиков 417 фрагментов. Значительная доля фрагментов (73%) имеет примесь дресвы средней и крупной фракции и песка в тесте, зафиксирована также примесь мелкой дресвы с песком – у 21% фрагментов.

Для красноглиняной грубой посуды характерен красно-бурый цвет, обжиг окислительный, излом черепков бурый. Фрагменты гладкой посуды имели поверхность светлых оттенков красного цвета. По соотношению типов керамики комплекс отражает тот этап в бытовании керамики, когда продолжала доминировать красноглиняная грубая керамика со слабоотогнутыми венчиками и заостренным краем (вариант 1 по С.З. Чернову), которая в первой четверти XV в. абсолютно господствовала в комплексах Михайловское 2 и Козья горка (Чернов, 1991. С. 30). В коллекции присутствуют типы венчиков, которые получили распространение в последней четверти XV в. и известны по комплексам

Таблица 1. Распределение различных видов керамики по пластам.

Пласт	Без примесей, % от числа фрагментов в пласте	С примесью песка и дресвы мелкой фракции, % от числа фрагментов в пласте	С примесью дресвы крупной и мелкой фракции и песка, % от числа фрагментов в пласте	Всего в пласте, % от общего количества
1	57 (6,8%)	234 (28,1%)	543 (65,1%)	834 (28,1%)
2	69 (8,8%)	221 (28,1%)	475 (60,4%)	766 (26,4%)
3	7 (1,3%)	45 (8,2%)	494 (90,5%)	546 (18,4%)
4	14 (4,4%)	79 (24,8%)	226 (70,8%)	319 (10,7%)
5	22 (8,9%)	30 (12,1%)	195 (78,9%)	247 (8,3%)
6	2 (2,6%)	9 (11,8%)	65 (85,5%)	76 (2,6%)
7	0 (0,0%)	8 (7,8%)	94 (92,2%)	102 (3,4%)
8	0 (0,0%)	3 (7,5%)	37 (92,5%)	40 (1,3%)
9	0 (0,0%)	1 (4,5%)	21 (95,5%)	22 (0,7%)

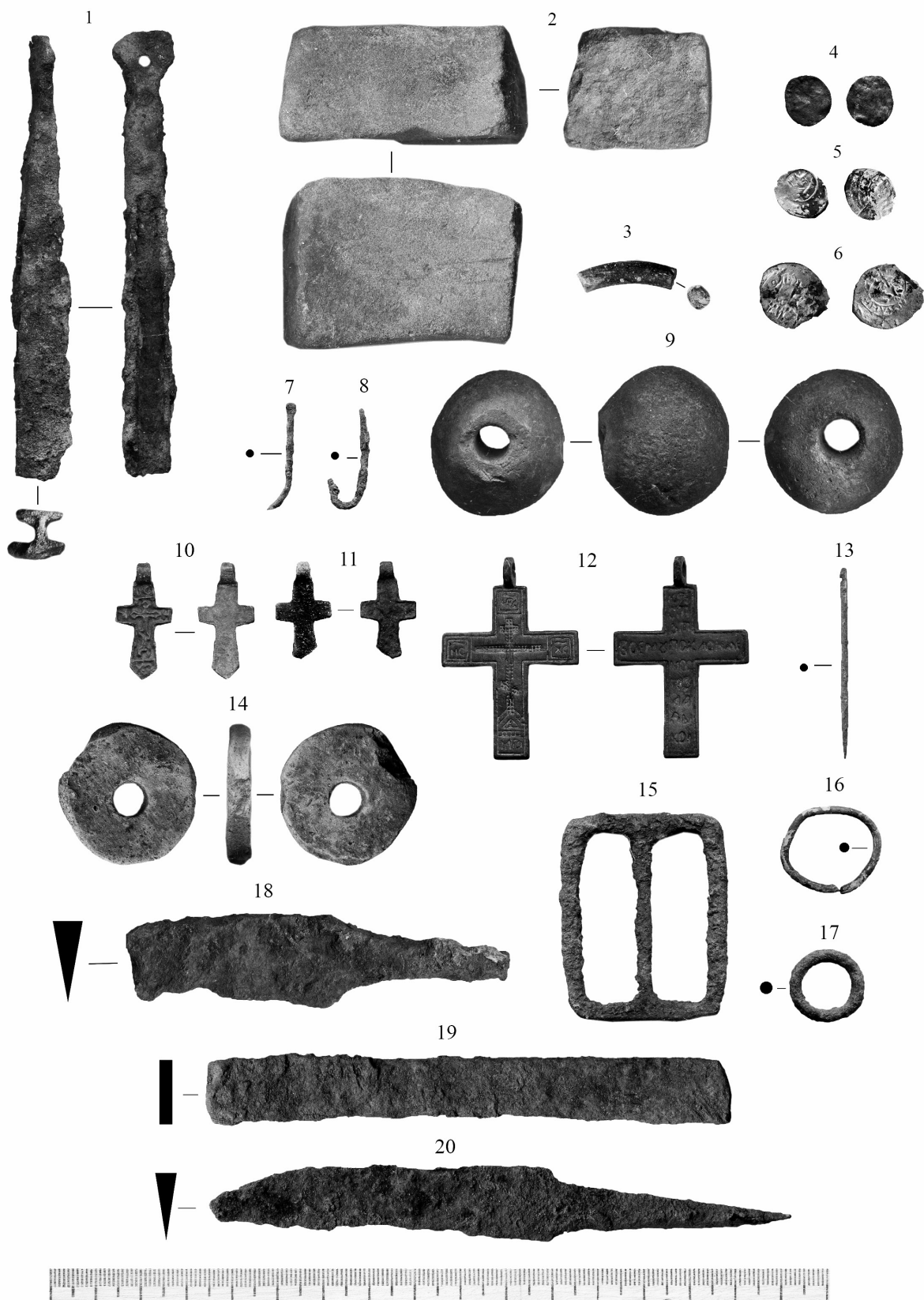


Рис. 5. Индивидуальные находки из раскопа 2018 г. 1 – ключ; 2 – оселок; 3 – фрагмент стеклянного браслета; 4-6 – проволочные монеты; 7-8 – рыболовные крючки; 9 – грузило; 10-12 – нательные кресты; 13 – игла; 14 – пряслице; 15 – пряжка; 16-17 – железные кольца; 18-20 – ножи

из сооружений московского посада 1493 г. (Чернов, 1991. С. 50).

В керамической коллекции среди венчиков присутствует вариант со срезанным краем и со слабо отогнутой или вертикально стоящей шейкой, аналогов нет в Михайловском, но есть в Котово, которое датируется исследователями XIV-XV вв. (Гоняный, Шебалин, Шеков, 2005. С. 197). Исходя из вышеизложенного, охарактеризованный ранее керамический комплекс предварительно датирован XV-серединой XVI в. Приведенная датировка соответствует начальному этапу строительства и функционирования крепости с 1410 и вплоть до пожара в середине XVI в., после чего оборонительные сооружения в данной части крепости не возобновлялись.

Под слоем крепостной застройки зафиксирован средневековый некрополь. Погребения зафиксированы на глубине 50-140 см. Всего в раскопе изучено более 49 захоронений: 15 детских, 15 женских, 13 мужских, 6 трудноопределимых. Пространственная ориентировка погребений западная, с небольшими отклонениями на СЗ и ЮЗ. Исключение составляет погребение 13 с южной ориентировкой. Погребения, в основном, безынвентарны. В погребении 13 выявлен нательный крестик с изображением Голгофского креста, с венком в средокрестии и надписями на верхней и боковых лопастях. Такие кресты встречаются на большой территории и имеют довольно широкую датировку, исследователи датируют их XV - началом XVI в. (Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1, 10). Четырехконечный, равносторонний,

с тремя шариками на концах и четырьмя шариками в средокрестии крест зафиксирован в погребении 41 с ЮЗ ориентировкой. Крест датируется XII-первой третью XIII в. (Нагрудные кресты, 2014, с.19-21).

Следует отметить достаточно высокую плотность погребений, что может свидетельствовать о достаточно небольшом размере участка, отведенного под кладбище. Следы могильных ям, в большинстве случаев, не прослеживались. Несмотря на кажущуюся хаотичность, погребения располагались скоплениями, обозначающими, по всей видимости, семейно-клановые участки. Разрушенные и переотложенные костяки указывают на длительность существования подобных участков. Степень сохранности большей части погребений не позволяет реконструировать форму гробов. Слой, предшествовавшего некрополю, в раскопе не обнаружено.

Предварительная датировка некрополя XIII-начало XV в. Учитывая полученную информацию, можно предположить существование в ближайшей округе небольшого храма, место которого еще предстоит локализовать.

Историческая топография – малоизученный аспект существования Плесской крепости XV-XVI вв. Вместе с тем, Плес оказался в центре борьбы Василия I против суздальско-нижегородских князей. Располагаясь на важной транспортной магистрали, Плесская крепость не раз прикрывала Москву со стороны казанских татар, тем самым способствуя созданию централизованного русского государства.

Список литературы:

1. Археологическая карта России: Ивановская область, 1993. /Сост. К.И.Комаров. М.
2. Аверин В.А., 2011. Отчет Ивановской археологической экспедиции о раскопках на территории Соборной горы г. Плеса в 2011г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№29185.
3. Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования Средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып.2. М.
4. Грибов Н.Н., Лапшин В.А., 2008. Нижегородский кремль XIII-XIV веков // Археологические вести №15. СПб.
5. Грибов Н.Н., 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново – 1) // Сельская Русь в XI-XVI веках. М.
6. Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2017. Русские средневековые монеты. М.
7. Двуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV-XVII веков // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып.3. М.
8. Коваль В.Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.
9. Нагрудные кресты позднего средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог, 2014. Владимир.
10. Моргунов Ю.Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII веков. М.
11. Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII-XVIII веков. М.
12. Травкин П.Н., 1986. Отчет Ивановского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1986г. о раскопках Плесского городища и на территории Лухского района Ивановской области // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№11498
13. Травкин П.Н., 1987. Отчет Ивановского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1987г. о раскопках Плесского городища и посада и Микшинского селища // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№12047,12047а.
14. Травкин П.Н., 1988. Отчет Ивановского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1988г. о раскопках Плесского городища и посада и Микшинского селища // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№12792.
15. Травкин П.Н., 1990. Отчет Верхневолжской экспедиции в 1990 г. о раскопках Плесского и Пеньковского городищ // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№15893.
16. Травкин П.Н., 1991. Отчет Верхневолжской экспедиции в 1991 г. о раскопках на территории города Плеса и Пеньковского городища // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№16420.
17. Травкин П.Н., 1995. Отчет о раскопках Плесского и Пеньковского городищ в 1995году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№19883.
18. Травкин П.Н., 1996. Отчет о раскопках Плесского и Пеньковского городищ в 1996году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№20341.
19. Травкин П.Н., 1997. Отчет о раскопках Плесского городища в 1997году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№21768.
20. Травкин П.Н., 2003. Отчет о раскопках Плесского и Клочковского городищ в Приволжском и Шуйском районах Ивановской области в 2003 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф1.Р.1.№23993.
21. Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII-середины XV века. М.
22. Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV-XVI веков Рождествено-12 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып.4. М.

ВАЛ ГОРОДИЩА УНЖА 2: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сатурин А.А.

ОГБУК «Костромской музей-заповедник», г. Кострома

Аннотация: В статье представлены результаты археологических раскопок, проведенных в 2018 г. в ближайших окрестностях исторического села Унжа. В ходе исследований изучен новый памятник археологии «Городище Унжа 2» эпохи раннего железного века и Средневековья. Анализ стратиграфии, керамики и индивидуального материала показал, что вал городища был сооружен в IV-III вв. до н.э. - I-II вв. н.э.

Ключевые слова: Археология, ранний железный век, средневековье, Унжа, вал, городище.

SHAFT CITY UNZHA 2: PRELIMINARY RESEARCH RESULTS

Saturin A.A.

OGBUK "Kostroma museum-reserve", Kostroma

Summary: The article presents the results of archaeological research conducted in 2018 near the historic village of Unzha. The study explored new archaeological site "The Hillfort Unzha 2" of the early Iron Age and the Middle Ages. Analysis of stratigraphy, pottery and artifacts indicate that the rampart of the hillfort had been built in the IV-III cc. BC - I-II cc. AD.

Key words: Archeology, Early Iron Age, Middle Ages, Unzha, Rampart, Hillfort.

На территории с. Унжа известно 14 памятников археологии. В 1982 Ю.Н. Урбаном выявлены городище Унжа и селища Унжа 1 и 2 (*Паспорт селища Унжа 1, 1982; Паспорт селища Унжа 2, 1981; Урбан, 1981. С. 29.*), в 1994 г. план памятника снял М.Е. Ильин (*Ильин, 1994*). В 2015 г. обследование городища продолжила археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника под руководством В.Л. Щербакова (*Щербаков, 2016а*); селище Унжа 1, находящееся на I-II террасах правого берега р. Унжи южнее одноименного села, исследовалось экспедицией музея в 2014-2017 гг. (*Щербаков, 2014-2016; Сатурин, 2017*); коллекция массового материала селища Унжа 2, собранная Ю.Н. Урбаном в 1981 г. состоит из единичных малоинформативных фрагментов керамики (КМЗ Н/В-17625/39), в ходе археологической разведки 2019 г. на

территории памятника получена коллекция керамики эпохи Средневековья и Нового времени.

Территория, прилегающая к городищу Унжа с юго-восточной, южной, юго-западной и западной стороны была обследована экс-педицией музея в 2014 году; здесь выявлены пять участков исторического культурного слоя города Унжи позднего Средневековья и Нового времени (*Щербаков, 2014. С. 2*). В ходе работ в 2015 г. выявлено еще три участка исторического культурного слоя города Унжи в восточной, центральной и западной части современного села (*Щербаков, 2016в*). В 2016 г. экспедицией КГИХМЗ было обследована территория бывшего с. Вознесенское, располагавшегося возле церкви Вознесения Господня в южной части с. Унжа (*Сатурин, 016*).



Рис. 1. Село Унжа, 1959 г. Городище Унжа 2 (указано стрелкой), общий план. Фотография, вид с ЮЮВ.

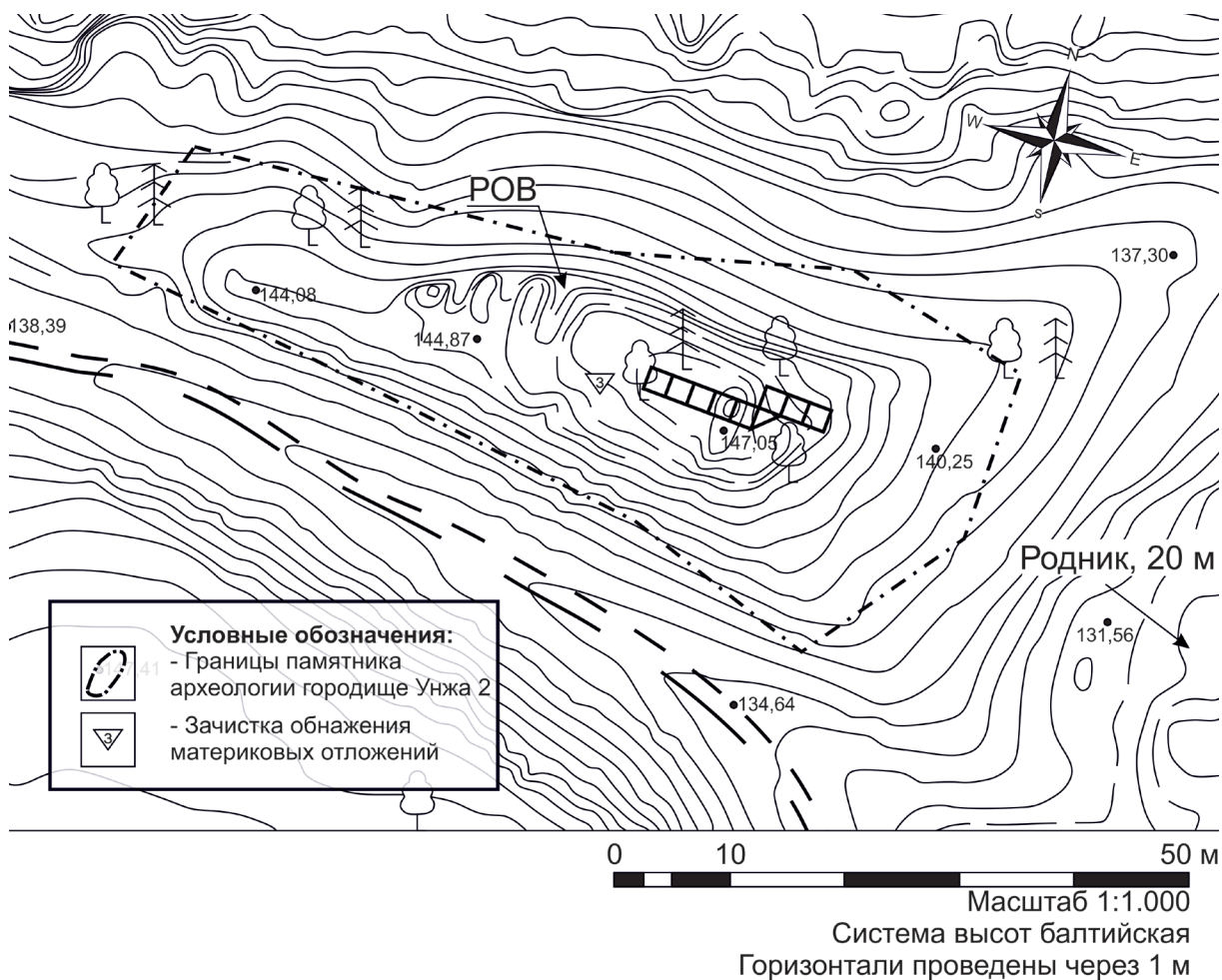


Рис. 2. Топографический план городища Унжа 2.

В 2017 г. силами археологической экспедиции Костромского музея-заповедника в рамках реализации поддержанного РГНФ проекта «Унжа - малый город Костромского Поволжья XII-XIV вв.: историческая топография» уточнены границы селища Унжа 1, представляющего собой древнерусский посад города Унжи (Щербаков, 2017), и выявлены два новых памятника археологии «Курганный могильник Унжа» и «Городище Унжа 2» (Сатурин, 2017; Сатурин, Щербаков, 2017).

Городище Унжа 2 располагается вблизи ЮВ окраины села Унжа, в 85 м к ССВ от церкви Вознесения Господня на высоком мысу, образованном оврагом, обводненным безымянным ручьем, и склоном коренного берега р. Унжи (Рис. 1-2). Площадка, занимаемая памятником, за последние 50-60 лет поросла смешанным лесом. С вершины вала городища хорошо просматривается пойма р. Унжи, ближайший участок течения реки и часть древнерусского посада города Унжи (селище Унжа 1). Памятник сравнительно удален от русла реки (расстояние до правого берега р. Унжи 1,1 км), уровень площадки городища находится на несколько метров ниже мысового участка коренного берега, примыкающего к ней с ЮЗ стороны, это особенность топографии сближает городище Унжа 2 с памятниками раннего железного века р. Москвы и среднего течения р. Оки (Смирнов, 1994. С. 89; Сыроватко, 2009. С. 29-30; Коваль, 2011. С. 35). У подножия городища на уровне верхней террасы зафиксирован постоянный родник (Рис. 2). Высота площадки городища над поймой р. Унжи составляет около 46 м, над грунтовой дорогой у подножия останца 13 м, дно оврага, обводненного р. Татаркой, ниже вершины вала городища на 35 м. В плане сохранившаяся часть мыса (останец), имеющая продолговатую форму, расширяется в СВ направлении, южный склон тянется вдоль грунтовой дороги, северный край примыкает к крутому склону лесистого оврага (Рис. 2). Размеры верхней площадки

останца с запада на восток 36 м, с севера на юг 3-4 м, в самом широком месте – около 10 м, площадь памятника (вместе со склонами) около 1445 м². В настоящее время топография памятника сильно изменилась, остатки площадки городища разрушаются в связи с интенсификацией оползневых и эрозионных процессов, обусловленной строительством в 1960-х гг. дороги-спуска в пойму р. Унжи, разрушившим большую часть памятника. В древности площадка городища, вероятно, имела подтреугольную форму и сильный уклон на С и В, выровненный в результате подсыпок.

Выраженную в рельефе насыпь вала городища местные жители называют «Курган»¹, в недавнем прошлом на мысу у Вознесенской церкви устраивались сезонные праздники, на масленицу жгли костры, в определенные дни скатывали по склону в пойму подожженные колеса телег; следы костров XX в. и корка прокала на современной поверхности насыпи прослежены во время археологических работ 2018 г.

Вал, ориентированный в меридиональном направлении, и сильно заплывший ров, зафиксированы в В части останца (Рис. 2). Западнее с напольной стороны прослежены редкие скопления камней и две небольшие западины, возможно, являющиеся сnivelированными рвами второй и третьей линии укреплений, в этой части площадки дневная поверхность плавно понижается в З направлении к краю пологого склона, образованного в результате земляных работ советского периода. Оплывший вал городища трудно различим на местности, западный (напольный) склон насыпи более крутой, восточный плавно сливается с наклонной площадкой городища, примыкающей к валу. Ширина сохранившейся насыпи на уровне современной поверхности 10 м, высота 1 м,

¹ Под таким же названием известны городища раннего железного века у д. Брюхово Галичского района Костромской области, в Ростиславле-Рязанском Московской области и в других местностях.

длина около 4-5 м. Ширина западины рва около 3 м.

В 2018 г. археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника, учитывая аварийное состояние памятника археологии «Городище Унжа 2», приступила к его планомерному изучению. На городище был заложен раскоп шириной 2 м и протяженностью 18 м (Рис. 2), траншея площадью 34 м² прорезала вал перпендикулярно его продольной оси и край прилегающей к древней насыпи площадки, имеющей значительный перепад высот (понижается в восточном и северном направлениях). Возле внутривальной площадки на осыпи в 2017 г. была собрана коллекция лепной и раннегончарной керамики (Сатурин, 2017; Сатурин, Щербаков, 2017. С. 61-62). Массовый материал, вещевые находки и образцы углеродосодержащих веществ для анализов из раскопа отбирались по слоям и группам смежных прослоек.

Анализ стратиграфии, планиграфии, массового и индивидуального материала позволил выделить несколько этапов возведения вала (Рис. 3, а).

Этап I. Под древнейшей частью насыпи практически везде был прослежен древний почвенный горизонт мощностью до 5 см, представляющий собой пережженный дерн в виде светло-серой прослойки (Рис. 3, а), на поверхности материка были прослежены пятна древних кротовин и следы корней деревьев. Массовый материал из слоя погребенной почвы представлен лепной гладкостенной и сетчатой керамикой и немногочисленными мелкими фрагментами кальцинированных костей. Почвенный горизонт под древнейшим ядром насыпи вала перекрыт прокаленным плотным слоем светло-коричневого суглинка, над которым прослежены следы прокала – золисто-углистая прослойка толщиной до 4-5 см, толщина прокаленной «подушки» до

20 см. Аналогичная конструкция основания вала прослежена на городище Городищи (г. Коломна) (Сыроватко, 2009. С. 64). Древнейшее ядро вала шириной до 4 м и высотой (вместе с основанием) до 0,7 м состоит из смешанного плотного слоистого грунта, состоящего из коричневой супеси с включениями белесого песка, оранжевой глины и большого количества золы и древесного угля.

Этап II. Древнейшее ядро вала перекрывает сходная по составу подсыпка, отличающаяся большей рыхлостью и меньшим содержанием угля и золы. Высота насыпи на втором этапе строительства увеличилась незначительно, в то же время вал был расширен вдвое за счет «сдвига» в напольную сторону (Рис. 3, а). Ширина вала этапов I-II 7 м, высота вместе с основанием до 1,1 м. Вал этапов I-II, по-видимому, неоднократно ремонтировался: следы незначительных по объему подсыпок прослежены на внешнем склоне насыпи у самой кромки рва, ров углублялся, либо очищался от грунта и гумуса, оплывшего с поверхности вала второго этапа; с напольной стороны так же зафиксированы следы подновления вала, прослеженные по переотложенному грунту (Рис. 3, а).

Стенки рва пологие, дно вогнутое; у кромки вала прослежена слабовыраженная ступенька, возможно, свидетельствующая об углублении или очистке рва от сползшего со склона насыпи культурного слоя (гумусированная прослойка прослежена в профилях). В заполнении рва собраны немногочисленные фрагменты стенок лепных штрихованных сосудов и 1 плавно отогнутый венчик с косой штриховкой на поверхности (Рис. 4, №487), подобные венчики найдены в горизонте I (нижнего) слоя Щербинского городища, датированном VIII-IV вв. до н.э. (Розенфельдт, 1974. С. 167, 183). У дна рва (рядом с кромкой вала) найдены кости животных и оселок, изготовленный из серого сланца.

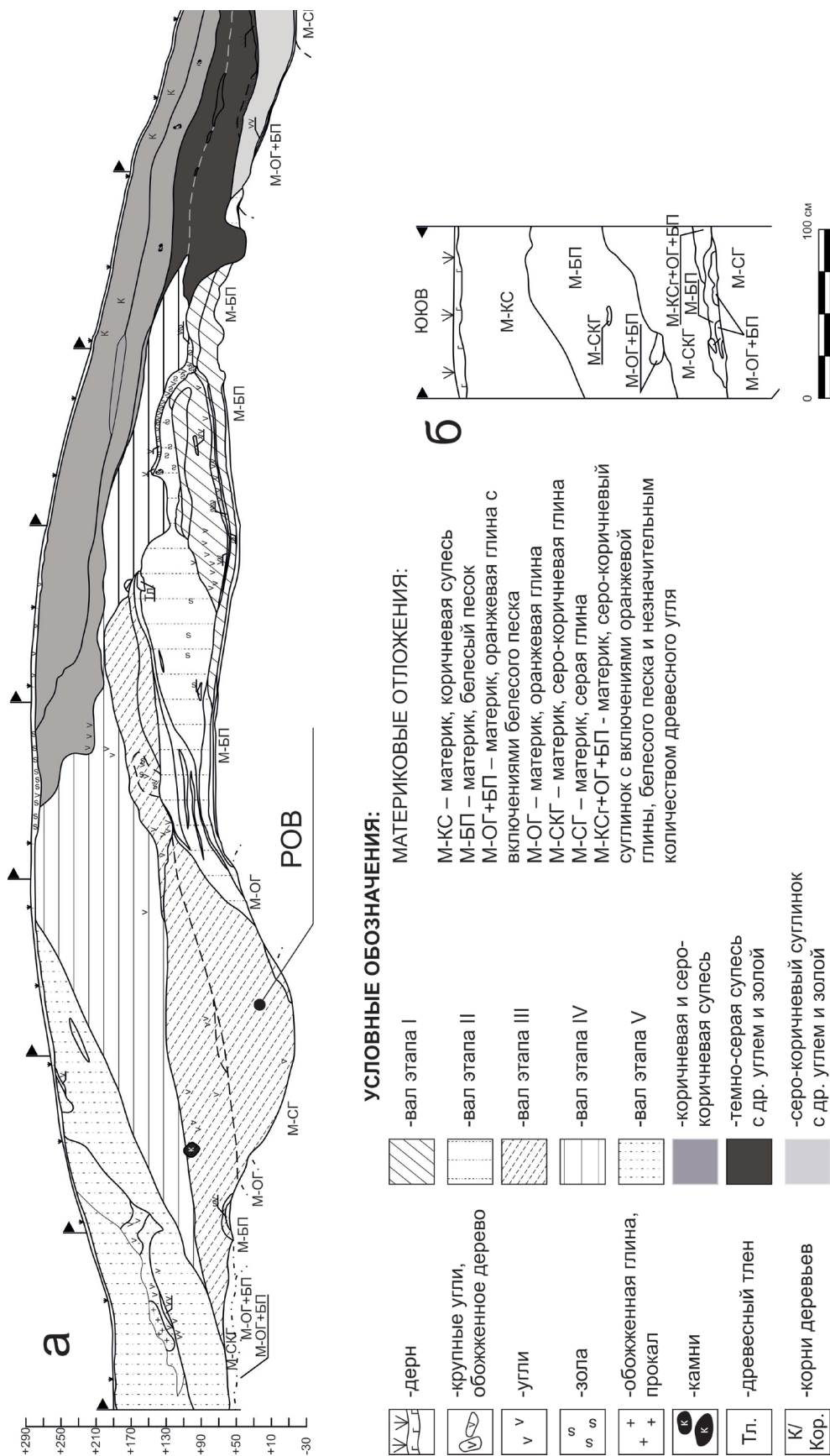


Рис. 3: а. разрез культурного слоя городища Унга 2; б. стратиграфия материковых отложений, зачистка ЮЮВ склона останца

Этап III. Возведение вала этапа III связано с засыпкой первого рва и смещением вершины вала в напольную сторону примерно на 1,5 м, ширина насыпи за счет засыпки рва увеличилась почти вдвое (Рис. 3, а). Грунт насыпи вала этапа III (суглинок с примесями материкового кварцевого песка, оранжевой глины и углистыми включениями) отличается большой плотностью, возрастающей сверху – вниз, чрезвычайно твердым оказался углистый слой коричневатого-серого суглинка в заполнении рва. Общая ширина вала этапа III 10 м, высота от уровня древнего горизонта дневной поверхности 1,4 м. Вероятно, на третьем этапе возведения насыпи, был вырыт второй ров, не попавший в границы раскопа.

Этап IV. На четвертом этапе объем насыпи увеличился почти вдвое за счет увеличения высоты (до 2,15 м от уровня древней дневной поверхности), вершина вала сместилась в напольную сторону на 2 м, общая ширина насыпи практически не изменилась (Рис. 3, а). Изначальная высота вала четвертого этапа, подвергавшегося «подрезке» с внутривальной стороны в раннесредневековое время, по-видимому, была значительно выше. Материалом для строительства вала четвертого этапа служил материковый грунт (белесый песок гляциального происхождения и коричневая покровная супесь) с равномерно распределенными включениями древесного угля.

В северном профиле на границе с внутривальным слоем серо-коричневой супеси прослежена горизонтальная «ступенька» (перекоп?) высотой 30 см и шириной 50 см, возле «ступеньки» в раннесредневековом слое серо-коричневой супеси найдена застежка-сюльгама (Рис. 5, 5), наиболее близкой аналогией является фибула с короткими усами, найденная при раскопках Поповского городища на р. Унже в постройке 3; датировка предмета — VII в. н.э. (Леонтьев, 1989. С. 85. Рис. 8,1). Напольный склон насыпи вала этапа IV, прослеженный в профилях, пологий без видимых

повреждений. Край насыпи, с внутривальной стороны перекрывающий нижний горизонт слоя темно-серой супеси, в котором найдено большинство фрагментов сетчатой и штрихованной керамики, перекрыт верхним горизонтом того же слоя, в котором сетчатая керамика уже практически не встречается.

Этап V. На пятом этапе вал был вновь расширен в напольную сторону (Рис. 3, а), материалом для строительства служил главным образом материковый серо-коричневый суглинок гляциального происхождения, по-видимому, выбиравшийся из обновлявшегося (второго?) рва, прослеженного в нескольких метрах к 3 от раскопа; аналогичный по составу слой зафиксирован при зачистке материковых отложений на Ю осыпи останца (с напольной стороны от вала) на глубине 0,8-1,2 м от уровня современной дневной поверхности под горизонтами белесого кварцевого песка и покровной коричневой супеси (Рис. 3, б). В толще насыпи пятого этапа прослежена прослойка серовато-бурого суглинка с тленом, углем и крупными фрагментами обгоревших ветвей деревьев (Рис. 3, а), являются ли эти остатки свидетельством укрепления внешнего склона насыпи (путем частичного прокаливания) или использования бытового мусора при ее возведении, сейчас сказать затруднительно. На IV и V этапе строительства вала, целенаправленное прокаливание, по-видимому, уже не использовалось.

Границы между отдельными прослойками вала этапа I-IV ровные и четкие, следы почвообразования не прослежены. Состав подсыпок и малочисленность массового материала свидетельствуют в пользу того, что материалом для строительства земляных укреплений городища Унжа 2 служил материковый грунт: на первом, втором и третьем этапе использовалась главным образом покровная супесь с примесью (в различных пропорциях) белесого песка и оранжевой глины гляциального происхождения, на четвертом этапе

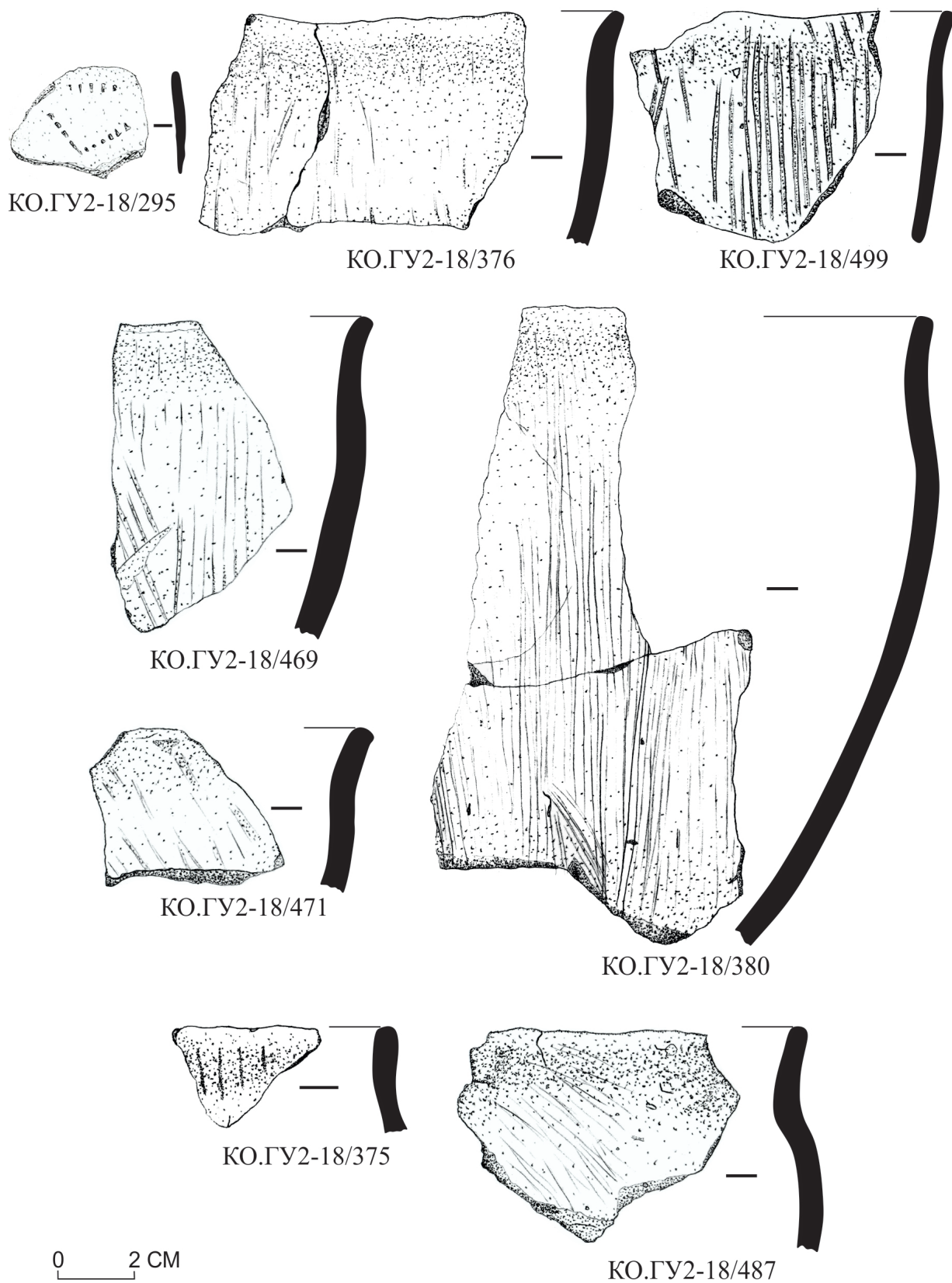


Рис. 4. Прорисовки посуды из насыпи вала городища Унжа 2: 295 – из пятого пласта; 376, 499, 375, 380 – из шестого пласта; 469, 471 – из десятого пласта; 487 – из заполнения рва

основным строительным материалом служил белесый песок и, наконец, на последнем этапе возведения насыпи использовался серо-коричневый суглинок. Грунт, вероятно, брался у подножия вала с напольной стороны и во время рытья рвов, одновременно выравнивалась и подсыпалась внутривальная площадка, подсыпка (под постройку?) была прослежена на внутривальной площадке под нижним горизонтом слоя темно-серой супеси (Рис. 3, а). Сложную структуру материковых отложений наглядно демонстрирует профиль осыпи останца, защищенный во время археологических работ 2018 г. (Рис. 3, б), аналогичная «пятнистая» структура материковых отложений прослежена после зачистки материка раскопа.

Датирующее вещевые находки в насыпи не обнаружены, массовый материал представлен немногочисленными фрагментами лепной гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамики эпохи раннего железного века; всего найдено 27 фрагментов лепной керамики: 16 обломков штрихованной посуды, 10 гладкостенной и 1 сетчатая стенка с мелкоячеистой фактурой отпечатков, 1 гладкостенная стенка орнаментирована мелкозубым гребенчатым штампом (Рис. 4, №295); профилированные части сосудов представлены 6 венчиками штрихованных сосудов, в том числе 5 венчиками усеченноконических сосудов (Рис. 4, №№376, 380 469, 471, 499) (тип 3, подтип 1, вариант 3 по И.Г. Розенфельдт) и 1 прямым плавно отогнутым венчиком (Рис. 4, №375); сосуды данных типов характерны для I (нижнего) слоя VIII-IV вв. до н.э. Щербинского городища (Розенфельдт, 1974. С. 167).

Изучение хронологии сетчатой керамики по-прежнему остается актуальным для территории Костромского Поволжья. Судя по аналогиям в материалах дьяковской культуры верхняя граница бытования сетчатой и штрихованной керамики в регионе должна очерчиваться в рамках III в. до н.э. – III в. н.э. (Смирнов, 1994. С. 92). На городище

Отмичи сетчатая керамика предварительно датирована V-III вв. до н.э. (Исланова, 2008. С. 46.), штрихованная и сетчатая керамика Дьякова городища исчезает в IV-III вв. до н.э., нижний горизонт II (верхнего) слоя Щербинского городища, датированный IV в. до н.э. – III в. н.э., соответствует последнему периоду употребления, как сетчатой, так и штрихованной посуды (Розенфельдт, 1974. С. 186). Крупнорябчатая керамика с четкими разреженными отпечатками, представленная в материалах городища Унжа 2 единичными фрагментами, датируется в Поочье началом I тыс. н.э. и сосуществует с профилированными гладкостенными сосудами (Сыроватко, 2009. С.123).

Штрихованная керамика известна на памятниках Поволжья (Розенфельдт, 1974. С. 165; Патрушев, 2016. С. 211), ранних городищах дьяковской, ананьинской и городецкой культур (Смирнов, 1952. С. 46; Черных, Ванчиков, Шаталов. 2002. С. 29.), в комплексах «текстильной» посуды Вологодской, Ленинградской областей, Карелии и Эстонии (Розенфельдт, 1974. С. 165; Патрушев, 2016. С. 211). Керамика со следами заглаживания гребенчатым инструментом была найдена в слое погребенной почвы Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 109, 471. Рис. 173). Посуда со штрихованной поверхностью характерна для I (нижнего) слоя Щербинского городища, датированного временем от VIII-VII по IV в. до н.э. (Розенфельдт, 1974. С. 182-186). На схожую тенденцию увеличения количества штрихованной керамики «сверху-вниз» указывает И.В. Исланова для городища Отмичи (Исланова, 2008. С. 46). Керамика со штриховкой доминирует в ранних слоях городища Ростиславль, земляные укрепления которого начали возводить не ранее III в. до н.э. (Сыроватко, 2009. С. 132; Коваль, 2011. С. 49-50). Штрихованная керамика широко представлена на памятниках раннего железного века Костромского Поволжья (Розенфельдт, 1974. С. 152; Археологическая

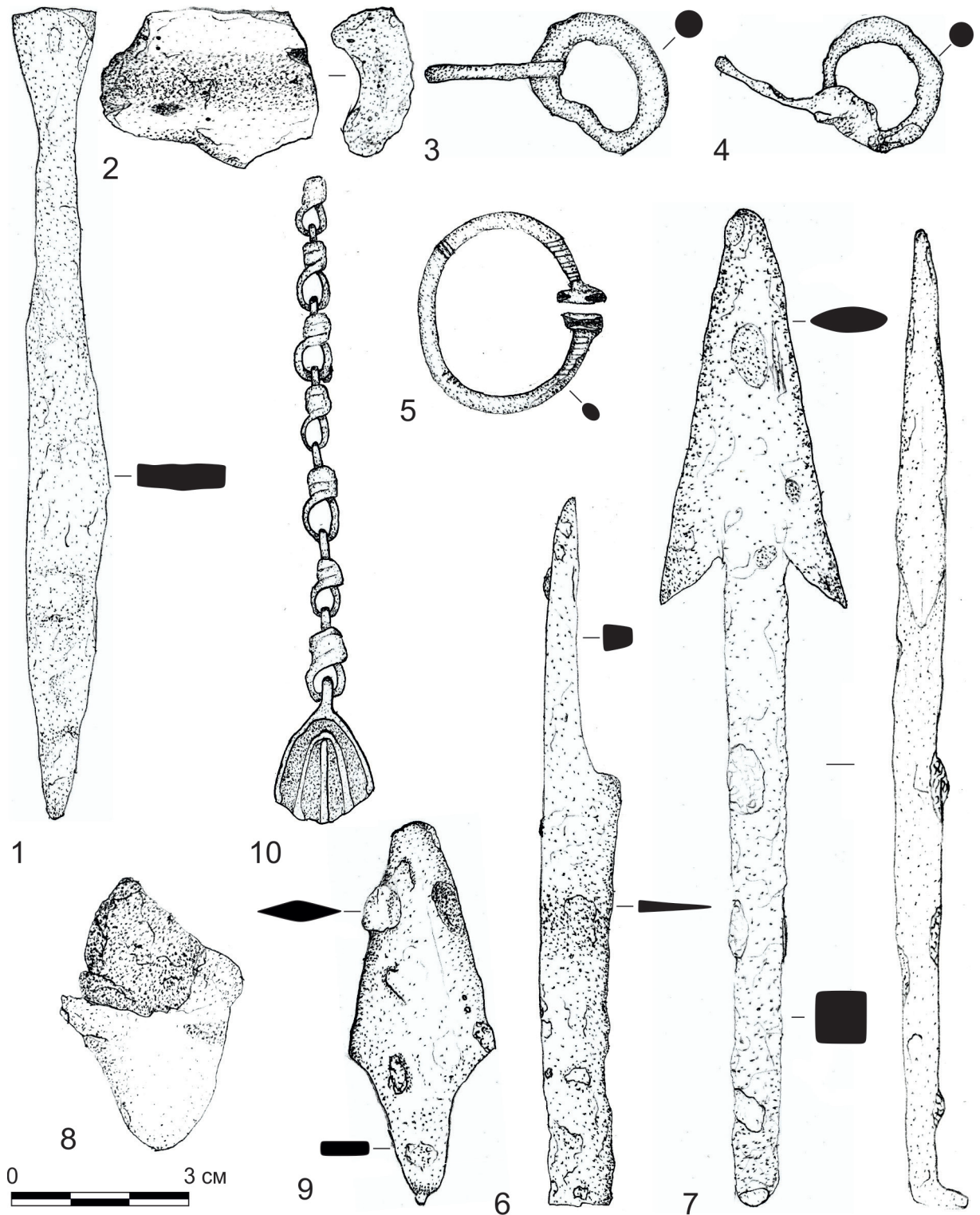


Рис. 5. Наиболее выразительные находки из верхнего слоя городища Унжа 2:
1 – долото(?), железо; 2 – стенка тигля (сопла?), глина, фрагмент; 3 – пряжка, железо; 4 – пряжка, железо; 5 – сьюльгама, медный сплав;
6 – нож, железо, фрагмент; 7 – наконечник дротика, железо, фрагмент; 8 – донце тигля, глина, фрагмент; 9 – наконечник стрелы,
железо; 10 – привеска, медный сплав.

карта России..., 1999. С. 41-42); в сочетании с сетчатой известна в материалах Брюхова городища (Коллекция №18028), фрагменты посуды со штрихованной поверхностью и неглубокими бороздчатыми расчесами встречаются в материалах среднего горизонта (IV-I вв. до н.э.) культурного слоя Одоевского городища (Коллекция №№15306, 15307).

Вал перестал насыпаться не позже рубежа эр - начала I тыс. н.э., на внутреннем скате насыпи этапа IV отложился культурный слой - верхний горизонт слоя темно-серой супеси с лепной гладкостенной профилированной керамикой; лощеная и подлощенная керамика, характерная в основном для III-IV вв. - сер. I тыс. н.э. (Розенфельдт, 1974. С. 177; Коваль, 2011. С. 52), на городище Унжа 2 не выявлена. Керамический материал, найденный в насыпи этапов III-IV, связанной с масштабными строительными работами по засыпке первого рва и увеличению размеров вала, представлен штрихованной и сетчатой керамикой. По мнению К.А. Смирнова, массовая перестройка дьяковских укреплений происходила в III-II вв. до н.э. (Смирнов, 1994. С. 92). Нижний горизонт слоя темно-серой супеси, для которого характерно преобладание штрихованной и сетчатой керамики над гладкостенной, перекрыл край внутреннего ската насыпи этапов I-II. В древнейшем ядре вала, подвергшемся целенаправленному прокаливанию, керамический материал представлен единичными фрагментами.

Технология прокаливания подсыпаемого грунта при строительстве земляных укреплений широко применялась на памятниках раннего железного века лесной и степной зоны; по-добные приемы строительства неоднократно описывались исследователями. Начало периода прокаливания валов коломенских городищ относится к II-I вв. до н.э., по мнению Б.А. Фоломеева этот прием использовался и ранее в IV-III вв. до н.э. (Сыроватко, 2009. С. 88-89). На ближайшем к городищу Унжа 2 Поповском

(Ухтубужском) городище VI-VII, IX вв. при строительстве вала технология прокаливания грунта не использовалась (Леонтьев, 1989. С. 14).

Во второй половине I тыс. н.э. на внутривальной площадке городища отложился слой серо-коричневой супеси, перекрытый перемешанным слоем коричневой супеси (Рис. 3а, Рис. 5). С этим периодом связано хозяйственное освоение внутреннего ската вала (подрезка с целью расширения жилой площадки). Найденные в верхних слоях раннегончарная (древнерусская) керамика и привеска-лапка XII-XIII вв. (Рис. 5) свидетельствуют в пользу того, что площадка городища продолжала использоваться в период функционирования летописного города Унжа (Унжа упоминается в Московском летописном своде под 1219 г. (ПСРЛ, 1949. С. 116).

Предварительный анализ стратиграфии, планиграфии, массового и индивидуального материала позволяет сделать следующие выводы:

I. Вал насыпался в несколько этапов, каждый из которых сопровождался смещением вершины насыпи в напольную сторону.

II. Древнейшее ядро вала, его основание и первый ров предварительно датированы IV-II вв. до н.э., в конце этого периода первый ров был засыпан, а вал досыпан и расширен в напольную сторону, остатки второго(?) рва зафиксированы в 9 м от 3 края раскопа.

III. Насыпь сооружена из материкового грунта; при строительстве древнейшей части вала применялась технология прокаливания насыпаемых слоев, прослеженная в планах и разрезах по чередующимся прослойкам угля и обожженных суглинков и супесей. Многочисленные включения угля в составе песчаной подсыпки вала этапа IV, возможно, свидетельствуют о пережитках применявшейся ранее технологии.

IV. Следов перестройки укреплений площад-ки в раннесредневековый и

средневековый период, когда городище насыпи вала в это время в качестве использовалось в качестве жилой площадки, оборонительного сооружения остается выявлено не было, вопрос об использовании открытым.

Список литературы:

1. Археологическая карта России: Костромская область, 1999. / Сост. К.И. Комаров; под ред. Ю.А. Краснова. М.
2. Ильин М.Е., 1994. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Национального музея Республики Марий Эл в Макарьевском районе Костромской области в 1994 г. Йошкар-Ола. // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.
3. Исланова И.В., 2008. Городище Отмичи (Раннеславянский мир. Выпуск 11.) М.
4. Коваль В.Ю., 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.
5. Коллекция №15306, 15307. Одоевское городище. Шарьинский район Костромской области // Фонд археологии КМЗ ОФ (ОГБУК КГИАХМЗ).
6. Коллекция №18028. Городище «Курган» у д. Брюхово в Галичском районе Костромской области // Фонд археологии КМЗ ОФ (ОГБУК КГИАХМЗ).
7. Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М.
8. Леонтьев А.Е., 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М.
9. Паспорт селища Унжа 1 / Сост. Ю.Н. Урбан. 1982. // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.
10. Паспорт селища Унжа 2 / Сост. Ю.Н. Урбан. 1981. // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.
11. Патрушев В.С., 2016. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. №3 (17). Казань.
12. Полное собрание русских летописей. Том XXV. 1949. М-Л.
13. Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
14. Сатурин А.А., 2016. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
15. Сатурин А.А., 2018. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2017 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
16. Сатурин А.А., Щербаков В.Л., 2017. Предварительные результаты археологической разведки на территории летописного г. Унжи в 2017 году // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время (к 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова). Кострома.
17. Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья / МИА №28. М.
18. Смирнов К.А., 1994. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 4.
19. Сыроватко А.С., 2009. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.
20. Урбан Ю.Н., 1981. Отчет об археологической разведке в Костромской области. // Архив ИА РАН. Р-1 9806.
21. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргъжское городище на реке Вятке. М.
22. Щербаков В.Л., 2017. Археологические исследования летописной Унжи в 2014-2015 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.
23. Щербаков В.Л., 2016а. Отчет об археологических раскопках селища Унжа I XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
24. Щербаков В.Л., 2016б. Отчет об археологических раскопках селища Унжа I XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
25. Щербаков В.Л., 2014. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. Кострома. // Архив КГИАХМ.
26. Щербаков В.Л., 2016в. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.

САКРАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ КАМНЯ НА РЕКЕ ЛАПШАНГА В ВАРНАВИНСКОМ РАЙОНЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Четвертаков Е.В.

Дальнеконстантиновский районный музей, Нижний Новгород

Аннотация: Описываемые в тезисах сакральные и почитаемые комплексы из камней были обнаружены и обследованы в ходе разведочных работ, проведённых в период 2012-2019 гг. под руководством Е.В.Четвертакова. Выводы автора позволяют отнести выявленные комплексы к разряду святилищ, оставленных населением, проживавшим в Костромской губернии и соблюдавшим свои традиционные языческие верования и обычаи. Данное население можно соотнести с компактной группой лапшангских маришцев.

Ключевые слова: Сакральные комплексы, святилища, маришцы, Лапшанга.

SACRED STONE COMPLEXES ON THE LAPSHANG RIVER IN VARNAVINSKY DISTRICT OF NIZHNY NOVGOROD REGION

Chetvertakov E.V.

Dalnekostantinovskiy district museum, Nizhny Novgorod

Summary: The sacral and revered stone complexes described in theses were found and investigated as a result of archaeological exploration activities carried out from 2012 to 2019 under the leadership of E.V. Chetvertakov. The author's conclusions're allowed to refer the detected complexes to the category of sanctuaries left by the population living in the Kostroma province and observing their traditional pagan beliefs and customs. This population can be correlated with the compact group of lapshang Mari.

Key words: Sacral complexes, sanctuaries, Maris, Lapshanga.

Описываемые в статье сакральные и почитаемые комплексы были обнаружены и обследованы в ходе разведочных работ, проведённых отрядом экспедиции музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского, а затем участниками экспедиции Дальнеконстантиновского районного музея в 2012-2019 гг. под руководством Е.В. Четвертакова (*Четвертаков, 2012. С. 8-19*).

Район изысканий в географическом плане располагается на восточной периферии ландшафтного района Ветлужского право-бережья и включает в себя участок р. Лапшанга (правый приток р. Ветлуги) в районе д. Хмелевой Варнавинского района Нижегородской

области. Данный район входит в область Заволжской эрозионно-денудационной сниженной увалистой возвышенности Белолухских увалов. Разведка проходила на территории, рельеф которой определяют днепровские отложения. Местность представляет собой обширное ледниковое плато, поверхность которого сильно эродирована и денудационно снижена. Плато представляет собой в основном ровную субгоризонтальную поверхность с затруднённым стоком вод, в силу чего водораздельные участки плоские, относительно невысокие, сильно заболоченные и трудно проходимые. На поверхности встречаются валуны (остатки морен), что достаточно ярко определяет

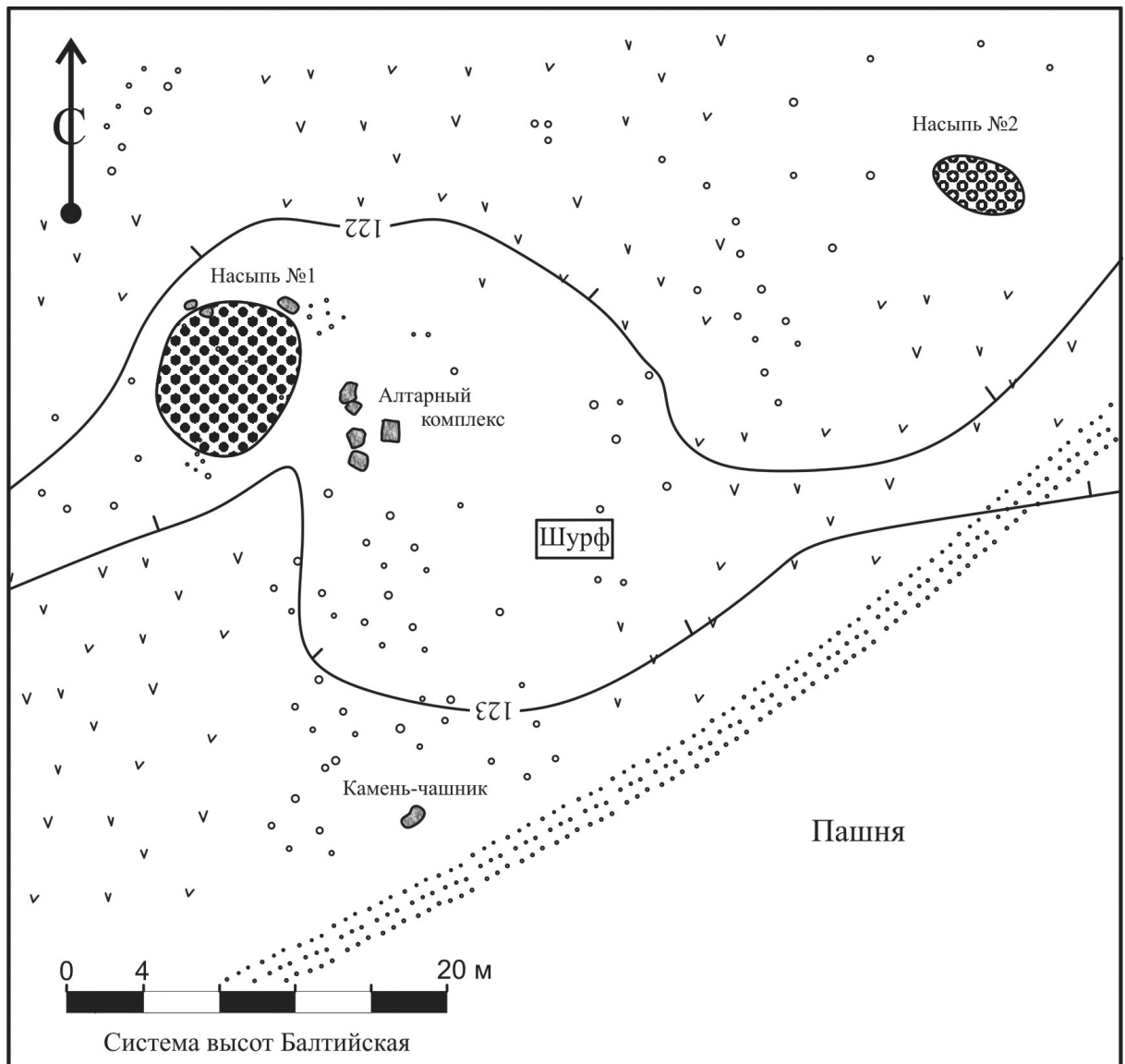


Рис. 1. Святилище Хмелевая 1. План.

ландшафтный облик района. Данная специфика определяется размещением данного района в створе Лялинской конечно-моренной гряды – одной из осцилляций ледника днепровского горизонта. Валунуны как коллювиально сниженные остатки морен лежат в данном районе повсеместно на поверхности или под почвенным покровом. В целом плато малоисследованно и трудно доступно, а поэтому таит довольно много неописанных на должном уровне мест и достопримечательностей из камня, к примеру, так называемая «каменная

мостовая» в русле реки Аграфенка, Большой Хмелевский валун или даже крупные валуны в фундаменте полуразрушенной церкви Иоанна Богослова в с. Хмелевая (Смирнов. 2013. С. 402,405).

Первый обнаруженный объект – святилище Хмелевая 1 – находится на краю правобережного плато р. Лапшанга поблизости от д. Хмелевая (Рис. 1).

Участок, который занимает памятник, расположен на высоте около 60 м над долиной р. Лапшанга (около 121-123 м абс. выс. по балтийской системе). Площадь святилища, определённая исключительно

по наличию визуальных объектов и по области распространения подъёмного материала, равна 400 м². Поверхность памятника пок-рыта мхом, на территории произрастают кустарники и деревья (ель, береза, осина). Непосредственно к северу от святилища начинается заболоченный береговой склон р. Лапшанги, в юго-восточной части памятника находится распаханное поле, в юго-западной части - заболоченный пролесок.

На территории памятника обнаружено несколько визуальных объектов из камней, которые подтверждают сакральный характер памятника. Подробная петрографическая характеристика комплекса

была подготовлена кандидатом геолого-минералогических наук Б.И. Фридманом (Четвертаков, 2013. С. 73-82).

В центральной части святилища обнаружено сложение из камней, которое можно охарактеризовать как алтарный комплекс, состоящий из 5-и камней (Рис. 2).

Камень №1, идентифицированный в качестве алтаря, представляет собой валун шокшинского песчаника с ровными гранями и параллельными боковым граням жилами, с также ровными горизонтальными сколами, по поверхности камня прикры-тыми гидроксидами железа и марганца. Песчаник сильно

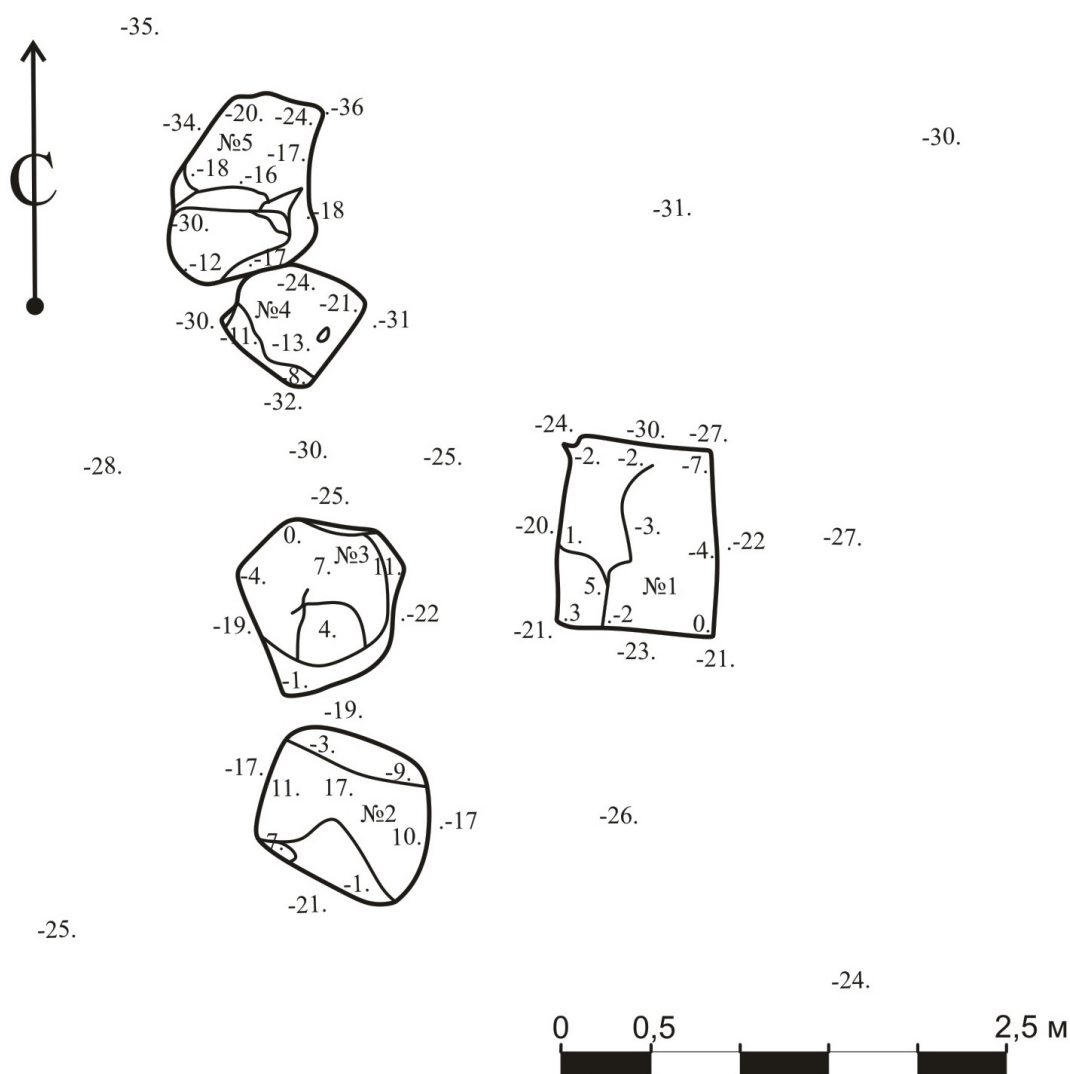


Рис. 2. Святилище Хмелевая 1. Алтарный комплекс. Схема.

метаморфизованный, кварцитовидный, мелко-среднезернистый, светло-серый с синеватым оттенком, с отдельными многочисленными зёрнами серого с красноватым оттенком цвета, размером до 0,1-0,2 мм, заключёнными вместе с наполнителем из крупноалевритовых зёрен кварца в основную массу зёрен мелкоалевритового размера, являющихся цементом песчаника. Песчаник сливной, очень крепкий. Самые крупные зёрна кварца, обычно более тёмноокрашенные по отношению с другими имеют угловато-окатанную удлинённую форму. Поверхность всех зёрен хорошо отшлифована. Камню присуща слабо выраженная горизонтальная параллельная верхней его поверхности тонкая слоистость с мощностью слойков до 1-2 мм. В породе встречается примесь мелких алевритовых зёрен тёмноцветных минералов в количестве до 1%.

Форма камня уплощённая, толщина выступающей из земли части – 21-34 см. Верхняя поверхность – подквадратная, его габаритные размеры – 105(по линии юг-север)х90 см. Западная грань камня сориентирована строго по направлению юг-север, восточная находится к оси под углом около 70 к западу. Южный и северный края камня параллельны и направлены под углом около 86° по отношению к более длинному восточному краю. Направленность боковых граней камня совершенно точно отражает характер внутренней трещиноватости исходной породы. Этот факт подчёркивается наличием жилы светлого белого (молочного) кварца, которая пересекает верхнюю поверхность камня под углом в 65°, практически параллельно его боковым (южной и северной) граням.

К западу от алтаря на одной линии (её направление находится по отношению к оси юг-север под углом около 100 к востоку) выложено еще 4 камня (далее -

№2-5). 2 южных из них сближены (№2 и №3), а 2 северных даже незначительно налегают один на другого (южный край более северного камня (№5) налегает на край южного камня (№4) в этой паре). Между двумя парами камней оставлен небольшой проход шириной около 75 см. Ситуационно западная грань камня №1 находится в 75 см к востоку от восточной грани камня №3.

Камень №2 представляет собой песчаник тёмно-серый с поверхности, кварцевый, крупнозернистый, с отдельными ещё более крупными кристаллами полевого шпата, с ямчато-полированной поверхностью, свойственной дырчатым кварцитам Кировской области (окрестности пос. Свеча). Ямчато-полированная текстура свойственна и внутренней структуре камня, в которой проявляется игольчато-пластинчатая минера-лизация золотисто-жёлтого флогопита – минерала группы слюд. Камень выступает над поверхностью земли на 38 см, его габаритные размеры – 90(по линии юг-север)х95 см.

Камень №3 представляет собой валун сиенита-светло-серый, добелого бледным желтоватым оттенком, с порфирированной структурой. Выступают отдельные крупные кристаллы калий-натриевого полевого шпата – ортоклаза, размером до 1-2 см. Ортоклаз практически белый с хорошо выпаженой совершенной спайностью. Залегают в общей мелкокристаллической массе, в которой доминируют мелкие кристаллы ортоклаза, кислых плагиоклазов (натрий-кальциевые полевые шпаты), преимущественно альбита, и розовато-серого кварца. Кристаллы общей массы имеют размеры 0,01-0,05 мм. На долю кварца приходится не более 5% объёма породы. Тёмноцветных минералов совсем мало: глазомерно много менее 1%. Представлены, главным образом, рого-вой обманкой. Камень выступает над поверхностью земли на 36 см, его

габаритные размеры – 95(по линии юг-север)х90 см.

Камень №4 самый светлоокрашенный из всех камней алтарного комплекса и трудно поддающийся определению. Это валун песчаника - метаморфизованный светло-серый, до белого, кварцевый, кварцитовидный, сливной, сцементированный кварцевым цементом, мелко-среднезернистый с редкими зёрнами тёмноцветных минералов, с пятнами более тёмного серого с коричневатым оттенком цвета, размером до 3 мм; в пятнах встречаются отдельные более крупные кварцевые зёрна, с размером до 1 мм. Местами наблюдается явление вторичной метаморфизации, заключающееся в образовании серии столбцов правильно ориентированных групп уплощённых зёрен, разделённых ровными поверхностями скола, между которыми образуются жеоды трещинного типа с ровными гранями, полностью заполненные мелкими кристалликами горного хрусталя. Камень выступает над поверхностью земли на 24 см, его габаритные размеры – 70(по линии юг-север)х70 см.

Камень №5 представляет собой валун песчаника - шокшинский, кварцитовидный, тёмно-серый с бледно-розоватым оттенком, сливной, метаморфический, кварцевый, мелкозернистый, алевритистый, с редкой (одно зерно на 100-200 зёрен кварца) вкрапленностью тёмноцветных минералов, преимущественно роговой обманки. Неясно выражена дугообразная ориентация зёрен тёмного цвета в обрамлении цемента облекания из молочно-кварца. На поверхности камня наблюдается тонкая корка загара, в которой зёрна приобретают коричневый оттенок. Камень выступает над поверхностью земли на 24 см, его габаритные размеры – 100(по линии юг-север)х80 см.

Камни №2-5 алтарного комплекса мож-

но интерпретировать как своеобразные столы для подношений.

Обследование щупом площадки алтарного комплекса дало основание предполагать наличие под дёрном и мхом вымостки из валунов, что возможно определить точно лишь при проведении археологических раскопок. Вымостка из камней характерна для некоторых марийских святилищ, так она была выявлена в слое XVIII-XIX вв. Ирмарского жертвенника (*Данилов, 1986*).

В 20 м к югу от алтарного камня был обнаружен валун, который можно отнести к так называемым камням-чашникам, или камням с выемками (*Шорин, 1991. С. 78*). Он представляет собой песчаник шокшинский розовато-серый, кварцевый, переходящий в кварцево-полимиктовый сливной, с очень незначительным количеством частичек тёмноцветных минералов, которые распространены дисперсно, тонкозернистый, метаморфизованный, с едва заметной тонкой горизонтальной слоистостью.

Поверхность камня ямчатая с диаметром отдельных ямок около 3-5 см с раковистым изломом. В восточной части камня на его верхней поверхности находится ориентированная с юга на север полоса, представляющая собою дорожку более крупных ямок, покрытых иссиня-чёрным налётом гидроксидов марганца, являющуюся следом стока из ямки в ямку воды, попадающей на поверхность камня. Форма камня-чашника серповидная. Северо-западная его сторона естественно практически вертикально «об-рублена» с изгибом поверхности под углом 133°. Высота над землёй - около 30 см, размеры – 120х55 см.

На территории святилища были обнаружены также 2 валунные насыпи.

Валунная насыпь №1 находится к западу от алтарного комплекса. Её восточный край находится в 2,5 м от камня №5 алтарного комплекса. Насыпь сложена из

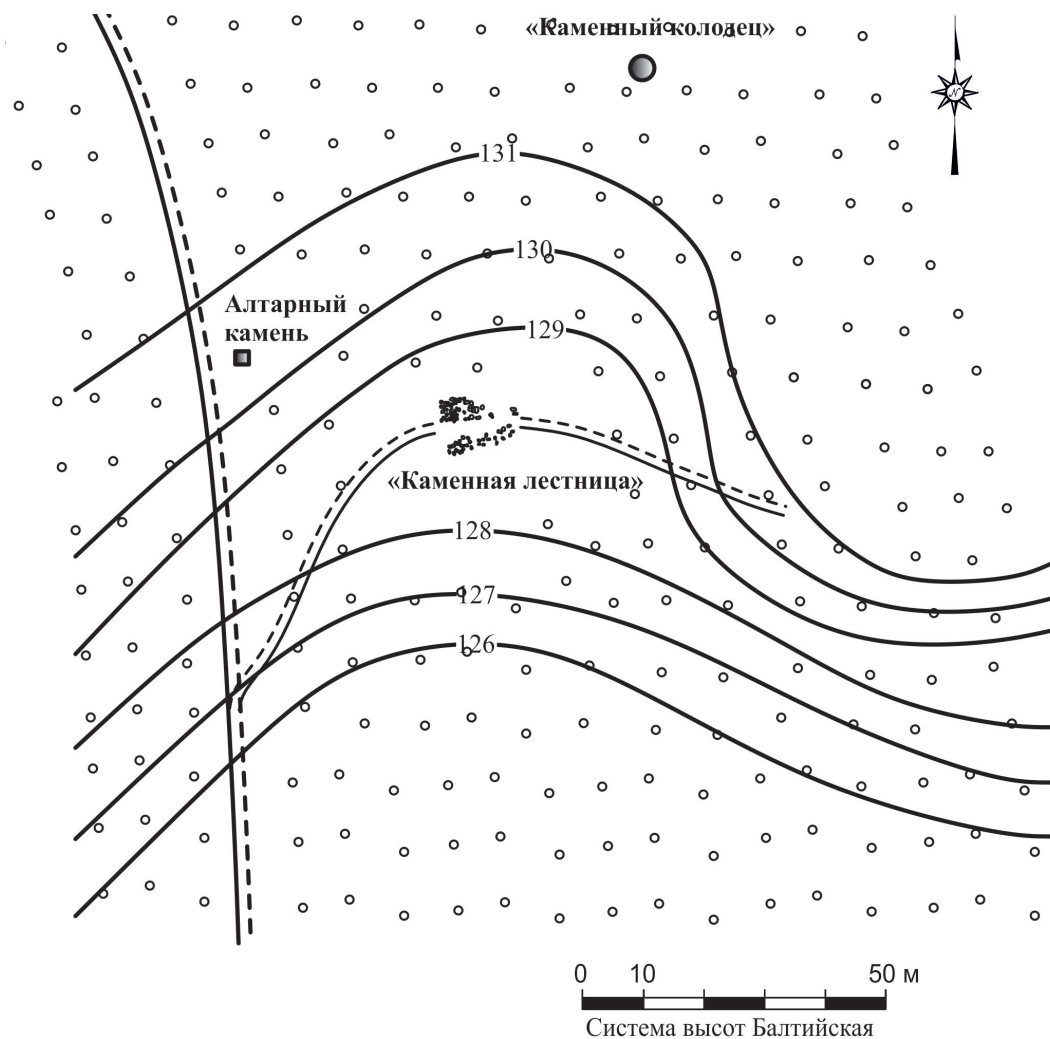


Рис. 3. Святилище Хмелевая 2. План.

камней небольшого размера, но имеет с северной стороны обкладку из более крупных валунов. В плане гряда имеет подовальную форму, будучи несколько вытянутой по линии юго-запад – северо-восток. Размеры насыпи – 8,5х6,5 м, её высота не превышает 0,5 м. При расчистке поверхности насыпи ото мха был обнаружен фрагмент железного котла, а также несколько железосодержащих шлаков.

Валунная насыпь №2 находится к северо-западу-западу от алтарного комплекса. Её юго-западный край находится в 30 м от камня №1 алтарного комплекса по линии азимута 650. Насыпь сложена из камней небольшого размера. В плане

насыпь имеет подовальную форму, будучи несколько вытянутой по линии северо-запад – юго-восток. Размеры насыпи – 5х3 м, её высота не превышает 0,5 м.

Интерпретация валунных насыпей затруднена: они могут интерпретироваться как жертвенные, надгробные, культовые или просто неясного характера. Без раскопок, только визуально, однозначно определить назначение «валунных сложений» невозможно. В данном случае, валунные насыпи могли возникнуть в ходе ритуального приношения камней на территорию святилища (Кирпичников, 1992. С. 70). Основной ареал распространения каменных «куч» ограничен территорией Южной Карелии, Южной и Западной



Рис. 4. Святилище Хмелевая 2. Въезд («каменная лестница»). План.

Финляндии, Приладожьем и островами Белого моря. На территории Карелии валунные насыпи являются отдельным элементом погребальной традиции вплоть до начала XX в. (Шахнович, 2005). Зачастую валунные груды соседствуют с камнями-чашниками, что фиксируется на некоторых святилищах карелы (Сакса, 1984. С. 117).

При обследовании территории памятника был собран подъёмный материал, среди которого можно отметить следующие выполненные из железа находки: несколько фрагментов котлов и сковород, пробой, кованые гвозди, два крюка для подвешивания, пряжка от конской упряжи, а также фрагмент крышки от котла.

В результате проведённых работ памятник археологии Хмелевая 1 предварительно можно отнести к разряду святилищ, оставленных марийским населением, компактно проживавшим на территории

Костромской губернии вплоть до конца XIX в. (Первая всеобщая перепись..., 1903. Л. 9). Более точная датировка и характеристика памятника возможны только в случае проведения дополнительных археологических изысканий. Предположительно святилище могло быть действующим вплоть до основания в XIX в. села Хмелевого, а точнее, до постройки в 1888 г. в нём Христорожественской церкви и организации церковного прихода (Баженов, 1911. С. 391-392), после чего его территория могла подвергнуться вырубке и частичной распашке.

В данном тексте необходимо упомянуть еще об одном почти неизученном комплексе, который мы с большой вероятностью относим к сакральным. Данный объект находится на противоположном берегу Лапшанги относительно расположения описанных выше – в 1 км к северо-западу от святилища Хмелевая 1. Впервые указания

этого необычного места мы находим в статье В.И. Смирнова «Паны, клады и разбойники», вышедшей в 1921 году (Смирнов, 1921. С. 31). Автор указывал, что вблизи села Хмелево на реке Лапшанга известны остатки разбойничьего притона, на территории которого находится пещера, выложенная камнем, а также каменный колодец и каменная лестница. В настоящее время эта территория, расположенная на возвышенном ровном левобережном плато реки, известна среди местного населения как «Разбойничья гора». Проведенные в период с 2014 по 2019 год осмотры выявил здесь целый комплекс, состоящий из нескольких объектов и сложений из камня (Рис. 3). Ниже приводим краткий их перечень.

Проезд от используемой и в настоящее время грунтовой дороги на территорию сакрального комплекса обозначен двумя групповыми сложениями валунов (Рис. 4). Данные сложения расположены по обе стороны от легко угадываемого проезда и образуют систему расположения валунов, которая грубо повторяет рядный принцип. Северное сложение состоит из 5 условных рядов, выложенных вдоль проезда из 44 камней. С восточной стороны данного сложения располагается камень-чашник (или камень с выемками). Сложение к югу от проезда имеет также рядный способ расположения: 3 условных ряда по 10 камней. Всего в южном сложении насчитывается 30 камней. Именно этот комплекс на въезде на территорию мольбище по-видимому местное население называло «каменной лестницей», известной нам по данным, переданным В.И. Смирновым.

На территории святилища имеются еще ряд объектов, которые могут указывать на сакральную организацию его пространства:

- отдельно стоящий валун с плоской поверхностью, который мог использоваться в качестве алтаря или стола для подношений;

- сложение из крупных валунов, которое можно соотнести с упомянутым В. Смирновым «каменным колодцем» (к настоящему времени сложение потеряло первоначальную форму из-за антропогенного влияния и падения на него деревьев).

На территории комплекса был собран подъемный материал, представленный изделиями из железа: звенья цепи, крюк для подвешивания, согнутый из железного дрота, сапожные подковки (в т.ч. врезная с пластиной в виде скобы), а также скоба для скрепления деревянной конструкции.

Все указанное выше позволяет отнести выявленный памятник к разряду святилищ, оставленных предположительно марийским населением, проживавшим в Костромской губернии и соблюдавшим свои традиционные языческие верования и обычаи. Более точная датировка и характеристика памятника возможны только в случае проведения дополнительных изысканий на его территории.

В целом обнаружение на довольно компактной территории нескольких сакральных и почитаемых объектов позволяет выделить особый ландшафтно-исторический район, который можно обозначить как «Лапшангский сакральный край», и требует разработки научной программы по всеобъемлющему его изучению.

Список литературы:

1. Баженов И.В., 1911. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома.
2. Данилов О.В., 1986. Отчёт о раскопках Ирмарского жертвенника в Куженерском и Звениговском районе в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №11738.
3. Кирпичников А.Н. и др., 1992. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 64-74.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 18. Костромская губерния, 1903. СПб.
5. Сакса А.И., 1984. Комплекс археологических памятников у д. Ольховки // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
6. Смирнов В.И., 1921. Паны, клады и разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению лесного края. Вып. 26. Кострома. С. 4-6.
7. Смирнов С.А. и др., 2013. О Варнавинском природно-историческом охранном комплексе в связи с открытием сакрального комплекса «Хмелевая роща» // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность. Н. Новгород. С. 397-405.
8. Четвертаков Е.В., 2012. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Ветлуги в Варнавинском и Воскресенском районах Нижегородской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
9. Четвертаков Е.В., Фридман Б.И., Здобников П.П., 2013. Святилище Хмелевая-1 в Варнавинском районе Нижегородской области // Культурный слой. Вып. 2. Н. Новгород. С. 73-82.
10. Шахнович М.М., 2005. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск. С. 260-277.
11. Шорин М.В., 1991. Вопросы классификации и датировки культовых камней // КСИА. Вып. 205. С. 77-82.

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ Г. НЕРЕХТЫ

Щербаков В.Л.

Автономная некоммерческая организация «Центр историко -культурных исследований и проектирования», г. Кострома

Аннотация: В статье рассматривается история возникновения системы расселения в окрестностях города Нерехты на основании письменных, картографических и археологических источников.

Ключевые слова: Археология, письменные источники, Средневековье, Новое время, сельские поселения.

ABOUT THE TIME OF THE EMERGENCE OF THE MODERN SETTLEMENT SYSTEM NEAR THE CITY NEREKHTA

Shcherbakov V.L.

Autonomous non-profit organization “Center for historical and cultural research and design”, Kostroma

Summary: The article discusses the history of the rural settlement system near the ancient city of Nerekhta. The research is based on written, cartographic and archaeological sources.

Key words: Archeology, written documents, the Middle Ages, the Modern age, rural settlements.

Современная система расселения к северу от г. Нерехты представлена двумя видами населенных пунктов: крупные исторические села и деревни средних и крупных размеров, часть из которых запустела в последние два десятилетия (Рис.1). Разновременные картографические материалы демонстрируют высокую степень устойчивости поселений.

В качестве источника для изучения обозначенной темы выбрано историческое село Тетеринское и ближайшие к нему населенные пункты. Все они обеспечены не только картографическими материалами, но и письменными источниками Нового времени. На основании указанных источников представляется возможным констатировать: по крайней мере, с конца XVIII в. система расселения в

рассматриваемом районе оставалась статичной (*Генеральный геомет-рический план..., 1793; Смирнов, 1917*) (Рис. 2). Во второй половине XIX в. исторические карты, планы и списки населенных мест (*Списки населенных мест..., 1877. С. 305*) фиксируют те же населенные пункты, которые отмечены на Плане Генерального межевания по Нерехтскому уезду. Фактически до конца XX в. ситуация оставалась неизменной. В данном случае интересно проследить время формирования системы расселения. Учитывая, что письменные источники и картографические материалы не освещают интересующую нас тему в период ранее второй половины-конца XVIII в., большое значение имеют данные археологических исследований.

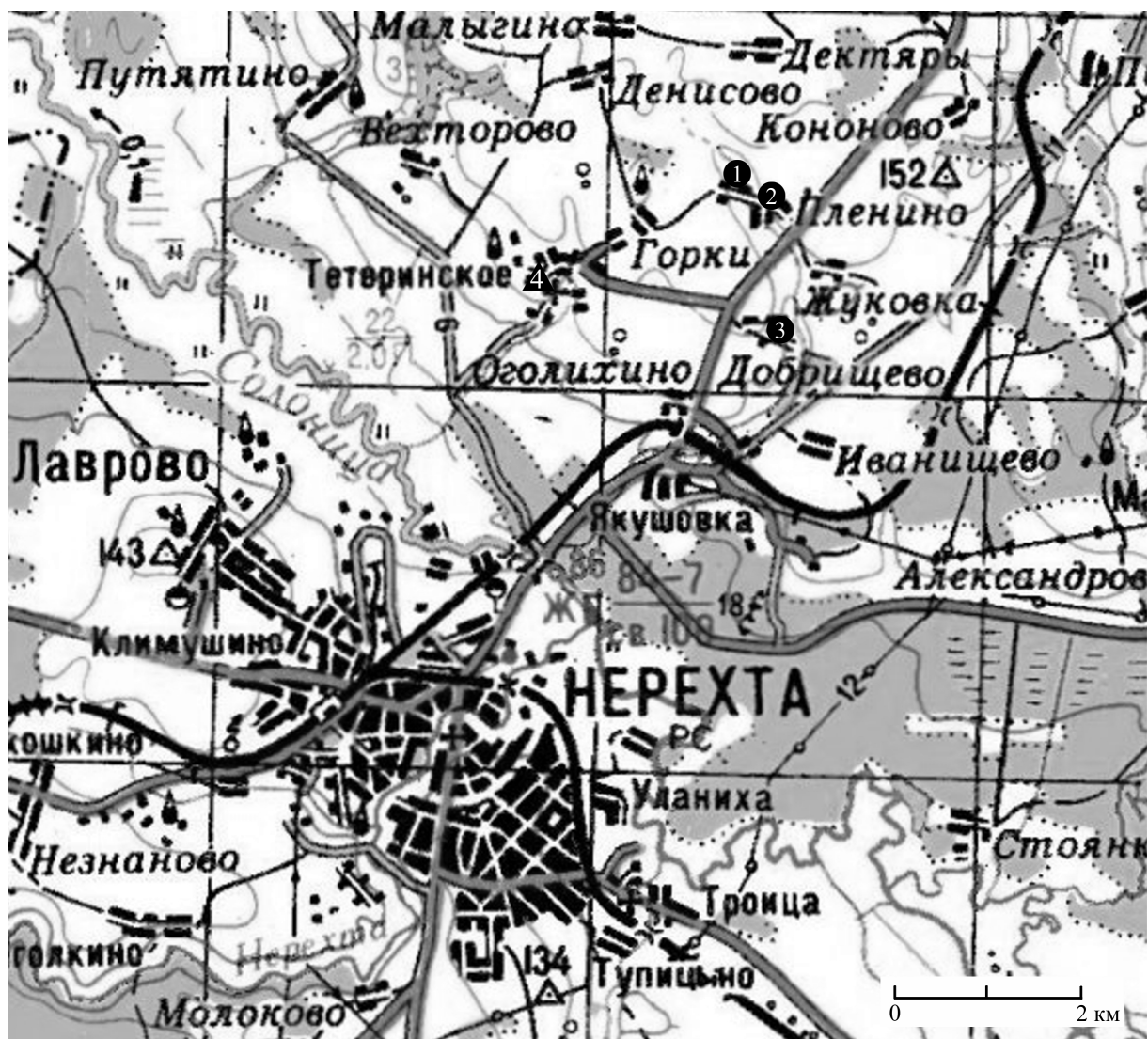


Рис. 1. Рассматриваемые в статье памятники археологии на карте вт.пол. XX в.: 1 – селище Кишкино, XVI-XX вв.; 2 – селище Пленино, кон. XV-XX в.; селище Добрищево, кон. XV-XX в.; 4 – селище Тетеринское, XIII-XX вв.

Археологические исследования селища Тетеринское, расположенного на окраине одноименного села, проведены экспедицией Костромского музея-заповедника под руководством автора в 2012-2014 гг. (Щербаков, 2013, 2014б, 2014в), разведочное обследование ближайшей округи села выполнено в 2013 г. (Щербаков, 2014а). Предварительно охарактеризуем имевшиеся на момент начала разведочных работ 2013 г. данные:

Сведения о поселениях на обследованной территории содержатся в письменных источниках XVIII-XIX вв. Документы более раннего времени

упоминают крупное село Тетеринское, являвшееся центром Тетеринской вотчины Переславского Горицкого монастыря, в частности, опубликованы отрывки из писцовых книг 1627-1631 гг. (Костромского уезда..., 1912).

В 1763-64 гг. Тетеринская вотчина состояла из 14 деревень и нескольких пустошей; описание деревень Тетеринской вотчины было составлено в ходе ревизии 1744 г., упомянуты следующие деревни: Векторово, Денисово, Малыгино, Дехтерово, Кишкино, Пленино, Жуково, Добрынино, Иванышево, Бекнево, Якушевка, Оголихино, Горки, Пятино (Смирнов, 1917. С. 8-19).

Более точно локализовать указанные населенные пункты позволяет обращение к планам Генерального межевания Костромской губернии от 1793 г. (Рис. 2).

Сведения о населенных пунктах, входивших в состав Тетеринской вотчины Переславского Горицкого монастыря, относившихся к Тетеринскому приходу, содержатся в Списках населенных мест Российской империи (Костромская губерния) 1877 г., составленных на основании сведений 1870-1872 гг. (*Списки населенных мест, 1877. С. 305*).

В результате археологических работ 2012-2014 гг. уточнена хронология селища Тетеринское, а также выявлено три новых памятника археологии: селища Кишкино, Пленино, Добрищево (Рис. 1, 2).

Появление на месте современного села Тетеринского поселения во второй половине XIII в. мы склонны связывать с оттоком населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в периферийные районы в связи с неоднократными походами монголо-татар. На отток населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в связи с ордынскими походами исследователи обращали внимание и раньше (*Кучкин, 1984. С. 122*). Упоминание в литературе несохранившегося курганного могильника вблизи села Тетеринского (*Археологическая карта России..., 1999. С. 319*) не является достаточным основанием для отнесения времени возникновения поселения к XII-XIII вв. (общая хронология средневековых курганов Костромского Поволжья) (*Рябинин, 1986*).

Выявленные селища Кишкино, Пленино и Добрищево приурочены к небольшой речке Даниловке (Добрищевке), расположены на окраинах одноименных современных деревень (Рис. 1, 2).

Относительно деревни Кишкино известно следующее:

В описании деревень Тетеринской

вотчины, сделанном в ходе ревизии 1744 г. значится: «Во оной деревне по крестьянскому расположению считается 13 тягол, в них в каждом по 3 души» (*Смирнов, 1917. С. 13*). Описаны также монастырские и крестьянские угодья и денежные суммы, отправляемые в Горицкий монастырь (*Смирнов, 1917. С. 13-14*). Деревня Кишкино обозначена на плане генерального межевания Костромской губернии от 1793 г. (*Генеральный геомет-рический план..., 1793*). В списках населенных мест Российской империи (Костромская губерния) 1877 г., составленных на основании сведений 1870-1872 гг., в числе населенных пунктов, расположенных по левую сторону почтовой дороги из Нерехты в Кострому при речке Даниловке, названа деревня Кишкино, состоящая из 29 дворов с населением в 158 душ обоего пола (*Списки населенных мест, 1877. С. 305*).

В ходе разведки из трех шурфов и при сборе подъемного материала получена небольшая коллекция керамики (91 фр.). Время возникновения поселения – не ранее XVI в. Представленные в коллекции венчики сосудов находят близкие аналогии во Владимирской посуде XVI-XIX вв. (*Щербаков, 2014а*) (Рис. 3).

Сведения о деревне Пленино содержатся в описании деревень Тетеринской вотчины 1744 г.: «Во оной деревне по крестьянскому расположению считается 9 тягол, в них в каждом по 3 души» (*Смирнов, 1917. С. 14*). Упомянуты монастырские и крестьянские угодья и денежные суммы, отправляемые в Горицкий монастырь (*Смирнов, 1917. С. 14*). Деревня Плевина обозначена на плане генерального межевания Костромской губернии от 1793 г. в тесном соседстве с деревней Кишкино (*Генеральный гео-метрический план..., 1793*). В списках населенных мест Российской империи (Костромская губерния) 1877 г., в числе населенных

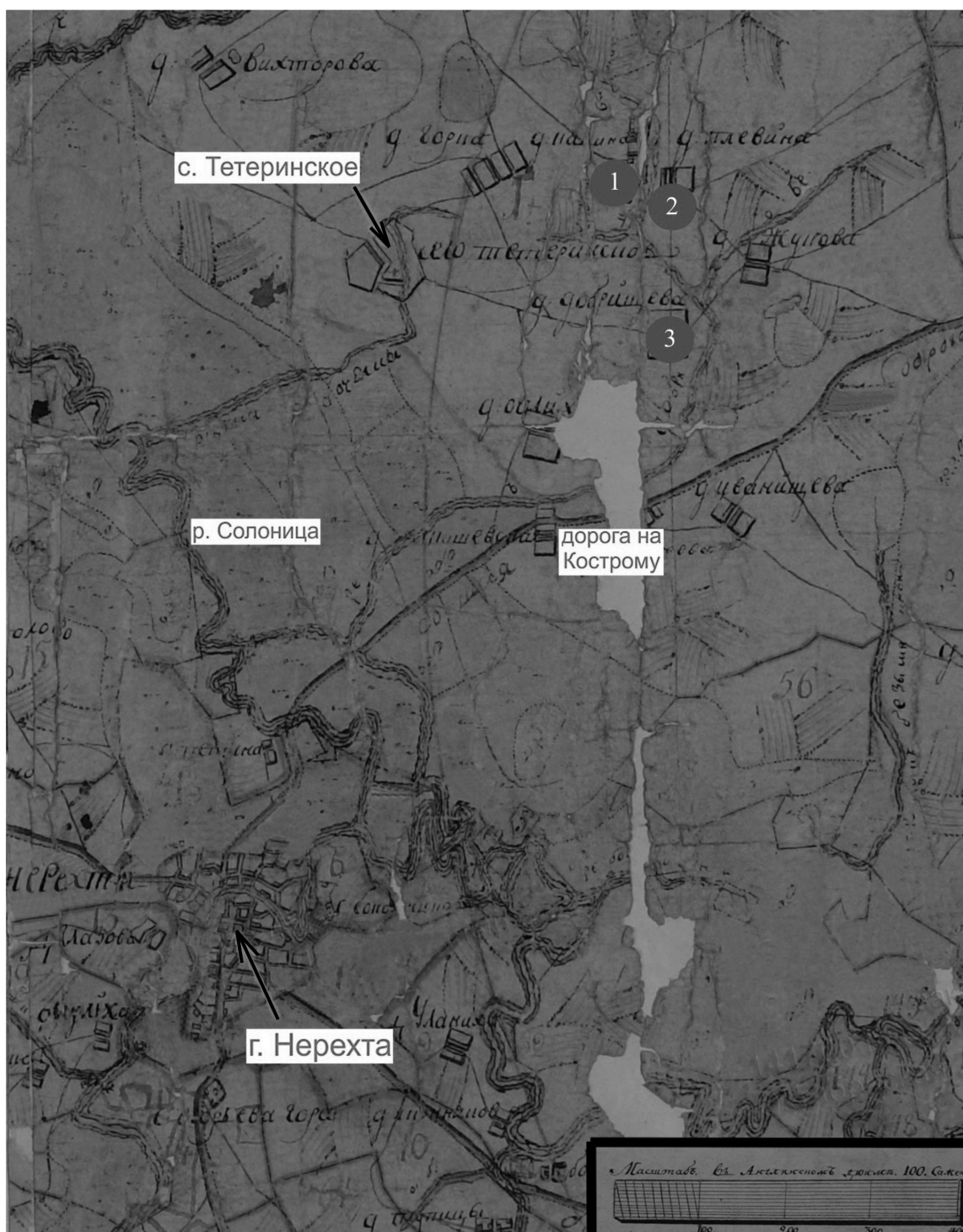


Рис. 2. Фрагмент Плана Генерального межевания по Нерехтскому уезду 1793 г. с указанием мест расположения выявленных в 2013 г. памятников археологии: 1 – селище Кишкино, XVI-XX вв.; 2 – селище Пленино, кон. XV-XX в.; селище Добрышево, кон. XV-XX в.

пунктов, расположенных по левую сторону почтовой дороги из Нерехты в Кострому при речке Даниловке, названа деревня Пленино, состоящая из 21 двора с населением в 123 души обоего пола (*Списки населенных мест, 1877. С. 305*).

В ходе разведки из трех шурфов, одного обнажения культурного слоя и при сборе подъемного материала получена коллекция керамики (149 фр.). Время возникновения поселения – не ранее второй половины-конца XV в. В коллекции

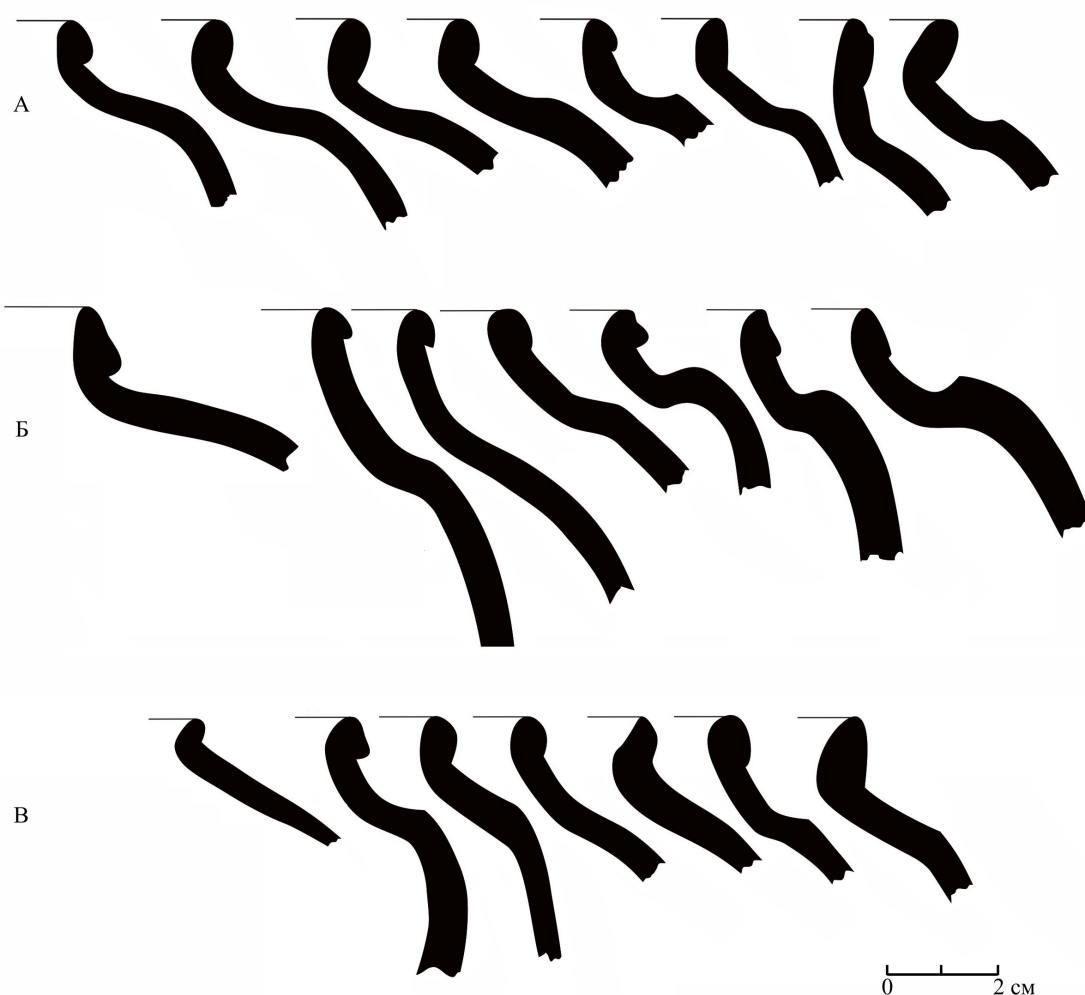


Рис. 3. Образцы массового материала (керамики) из коллекций селищ Кишкино (А), Пленино (Б), Добрищево (В).

представлены венчики сосудов, имеющие аналогии в посуде, бытовавшей с XV-XVI вв. во Владимире, Твери, Новгороде (Щербаков, 2014а) (Рис. 3).

Деревня Добрищево (Добрынино):

Сведения содержатся в описании деревень Тетеринской вотчины (1744 г.): «Во одной деревне по крестьянскому расположению считается 29 тягол с половиною, в каждом тягле по 3 души, а в половине 2 души» (Смирнов, 1917. С. 15). Описаны монастырские и крестьянские угодья и денежные суммы, отправляемые в Горницкий монастырь (Смирнов, 1917. С. 15). Численностью населения и количеством дворов деревня Добрищево уже в середине XVIII в. превосходила центральное село вотчины – Тетеринское. Деревня Добрищева

обозначена на плане генерального межевания Костромской губернии от 1793 г. (Генеральный геометрический план..., 1793). Деревня значится в списках населенных мест Российской империи (Костромская губерния) 1877 г. в числе населенных пунктов, расположенных по левую сторону почтовой дороги из Нерехты в Кострому при речке Даниловке, на тот момент Добрищево состояло из 21 двора с населением в 123 души обоего пола (Списки населенных мест, 1877. С. 305).

В ходе разведки из трех шурфов, одного обнажения культурного слоя и при сборе подъемного материала получена небольшая коллекция керамики (73 фр.). Время возникновения поселения – не ранее второй половины - конца XV в.

В коллекции представлены венчики сосудов, имеющие аналогии в посуде, бытовавшей с XV-XVI вв. во Владимире, Твери, Новгороде (*Щербаков, 2014а*) (Рис. 3). Кроме того, обнаружен фрагмент глиняного пряслица, отнесенный к эпохе раннего железного века. Других материалов этого периода не выявлено.

Из приведенных данных явствует, что во всех случаях археологического обследования поселений в округе села Тетеринского, известных по источникам XVIII в., на территории одноименных современных деревень выявлены селища, возникшие во второй половине или в конце XV/XVI в. Таким образом, именно к этому периоду следует относить возникновение современной системы расселения на обозначенной территории. Очевидно, что эта система не связана с более ранним периодом (XIII-XIV вв.). Все выявленные поселения локализуются на водораздельном участке вблизи небольшого водотока, полноводного только в период весеннего паводка.

Возникновение новых поселений, на наш взгляд, напрямую связано с отдельным эпизодом истории Тетеринской вотчины: в первой трети XV в. Тетеринская вотчина была передана Андреем Хрулем (Остеевым) Переславскому Горицкому монастырю. В монастырском синодике

после 6928 (1420) г. записано: «Село Тетеринское октября в 1 день дал Андрей Романович Остеев по деде своем Александре и по бабе своей Марье и по отце своем Романе, и по матери своей Вассе» (*Титов, 1902. С. 12*). Развитие новой монастырской вотчины ознаменовалось заселением пустовавших участков в XV-XVI вв. К сожалению, материалы середины XV в. при ограниченном объеме исследований выделить не представляется возможным, для однозначного определения их наличия/отсутствия требуется проведение дополнительных изысканий. Возникшие деревни позднее, в документах XVIII в. (до секуляризации), фигурируют именно в контексте характеристики владений монастыря (*Смирнов, 1917*).

Полученные результаты подчеркивают целесообразность активного использования картографических материалов для определения перспективных с точки зрения заселения в период Позднего Средневековья - Раннего Нового времени участков. Как показали проведенные исследования, современные населенные пункты вплоть до последнего десятилетия XX в. развивались непосредственно на месте возникших в конце XV/XVI в. поселений без какого-либо значимого пространственного смещения.

Список литературы:

1. Археологическая карта России: Костромская область, 1999. / Сост. К.И. Комаров; под ред. Ю.А. Краснова. М.
2. Генеральный геометрический план городу Нерехте и уезду, состоящему в Костромском наместничестве. Сочинен в Нижегородской межевой конторе в 1793 году. Копия. URL: <http://www.starayakarta.com/plany-generalnogo-mezhevaniya-rgm> (дата обращения 08.02.2017).
3. Костромского уезда: дворцовые, вотчинные, помещичьи, патриаршьи, монастырские вотчины и поместные села, погосты, деревни и пустоши с их церквями и церковными землями по пожалованным грамотам, по писцовым, переписным, дозорным, отказным и другим документам XV-XVIII вв. Выпуск пятый, 1912. / Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. М.
4. Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.
5. Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
6. Смирнов М., 1917. Костромские вотчины Переяславского Горицкого монастыря (материалы) // Исторический сборник. Кострома.
7. Списки населенных мест Российской империи. Костромская губерния, 1877. СПб.
8. Титов А.А., 1902. Синодики XVII в. Переславского Горицкого монастыря. М.
9. Щербаков В.Л., 2013. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII-XIII, XV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. Кострома. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
10. Щербаков В.Л., 2014а. Отчет об археологической разведке в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
11. Щербаков В.Л., 2014б. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII-XIII, XIV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.
12. Щербаков В.Л., 2014в. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII-XIII, XIV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2014 г. Кострома. // Архив КГИАХМЗ.

СЕКЦИЯ 2.
История Костромского края
и сопредельных территорий в древности,
Средневековье и в Новое время в свете
письменных источников

ВОТЧИНЫ НИКОЛО-ШАРТОМСКОГО МОНАСТЫРЯ В XV-XVII ВВ.

Бутрин Е.С.

ГБУ ИО «Государственный архив Ивановской области»

Аннотация: В статье рассматривается процесс территориального формирования комплекса вотчинных владений Николо-Шартомского монастыря и их хозяйственного развития в XV-XVII вв. Автор приходит к выводу о заметном влиянии территориального расположения вотчин на систему их управления, а соответственно – и экономическое развитие.

Ключевые слова: Николо-Шартомский монастырь, Шуя, Плес, Юрьеvec, князя Шуйские, вотчинное хозяйство.

THE PATRIMONY OF THE NICHOLAS-SHARTOM MONASTERY IN XV-XVII CENTURIES

Butrin E.S.

State budgetary institution of the Ivanovo region

“State archive of the Ivanovo region”

Summary: The article discusses the process of territorial formation of the complex of patrimonial possessions of the Nikolo-Shartomsky monastery and their economic development in the XV-XVII centuries. The author comes to the conclusion that the territorial location of the estates has a noticeable effect on their management system and on economic development.

Key words: St. Nicholas-Shartom monastery, Shuya, Ples, Yuryevets, princes of Shuysky, patrimony.

В нашей статье мы постараемся проанализировать процесс территориального формирования вотчин Николо-Шартомского монастыря и рассмотреть особенности хозяйственного управления ими. К середине XVII в. этот монастырь являлся третьим по количеству дворов в епархии: согласно переписным книгам 1645-1647 гг. за ним числился 621 двор, а по переписным книгам 1678 г. – 515 дворов

– в Шуйском, 37 – в Костромском и 26 – в Юрьеvecком уездах (*Перечневая роспись, 1897. С. 12; Новосельский, 1949. С. 120*). Процесс образования данного вотчинного хозяйства никогда специальному анализу не подвергался.

Первое упоминание Николо-Шартомского монастыря относится к середине XV в.: одним из свидетелей данной грамоты вдовы суздальско-

нижегородского князя Даниила Борисовича Марии Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Омутское 1444 г. был шартомский архимандрит Конон (*Акты, 1958, № 444. С. 485–486; Черепнин, 1951. С. 140*). В.А. Кучкин полагает, что участие Конона в этом акте обусловлено расположением монастыря на наследственных землях князей суздальских (*Кучкин, 1984. С. 203–205*). А уже 27 ноября 1452 г. шартомский архимандрит Александр получил жалованную тарханную и несудимую грамоту от великого князя Василия II на монастырский двор, «поставленный внутри города» в Плесе и д. Ярцево «на Плесе», данную монастырю неким Тимофеем Константиновым. (*Акты, 1964, № 96. С. 133–134*). В описи монастырского архива марта 1764 г. упоминаются еще два акта, относящиеся к владениям монастыря в этом городе: грамота великого князя Ивана III 1496/97 г. «о строении двора в Плесе» и митрополита московского Даниила «о строении церкви в Плесе» 1532/33 г. (*ГАИО, ф. 22, оп. 1, д. 4, л. 214 об.–217*). Первый из них, очевидно, не дублирует грамоту 1452 г.: в той речи идет об уже возведенном дворе, получающем ряд иммунитетных привилегий, а также деревне Ярцево. Отмеченный в описи акт санкционировал строительство нового двора. А возведение церкви свидетельствует об исключительном значении, придаваемом монастырскими властями своему опорному пункту в этом городе – важном центре волжской торговли

Это подтверждается получением в том же районе следующей вотчины монастыря: Есип Дмитриев Акинфов в своей известной духовной, «явленной» митрополиту Ионе 5 марта 1459 г. «приказал» «великому Николе в дом на Шартму» свои вотчинные деревни Акинфовское и Чертовское и купли – Софонтьевское и Перекладовское (*Акты, 1964, № 100. С. 137–138*). При этом

«рожь и ярь» в д. Чертовском поступала в Шартомский монастырь, а вот имущество в с. Акинфове распределялось по иному. По 10 осмин «ржи и яри», а также вол предназначались игумену Воскресенского монастыря, еще два вола отходили в Шартомский монастырь, а остальную «рожь и ярь», вола и корову следовало «продати». Как свидетельствует опись 1764 г., данный документ на тот момент в подлиннике хранился в монастыре. А 8 августа 1463 г. архимандрит Иоанникий получил от новоявленного государя – Ивана III – жалованную тарханную и несудимую грамоту на целый ряд пунктов. В ней упоминается пустошь Микольская межа в Плесском уезде – что дал «Федор Васильевич по Иване Коварце по Парховском», а также целый ряд пунктов в «Дору в Залесье»: деревня Григория Ярлыкова «со всем, что к ней потягло», приданные к ней неким Никитой Семеновичем пустоши «Королятик и иные», данная Иваном Васильевичем Махуковым по брату Дмитрию пустошь Хлябовская «с лесом и пожнями», а также пустоши Песьяково и Лихолаево, данные казначеем Яковом (*Акты, 1964, № 97. С. 133–134*).

До настоящего времени считалось, что все упомянутые в документе пункты входили в состав Плесского уезда (*Кабанов, 2010. С. 22*). В действительности анализ формуляра свидетельствует о том, что пустошь в Плесском уезде и пункты «в Дору» относятся к разным административным единицам: они получили неодинаковые иммунитетные привилегии, плесская пустошь располагалась на территории «наместников плесских», а земли в Дору, лежавшие «впусте от мору» – дорских волостелей. Часть пустошей, упоминаемых в этом документе, уверенно идентифицируется в числе монастырских вотчин Шуйского уезда по валовой переписи 1627-1630 гг.: д. Королятино

располагалась на рч. Лемешку, на границе с землей с. Ярлыкова, д. Хлябово – «на суходоле», на границе с землями помещиков Суздальского уезда, рядом с ней располагалась и пустошь Лихолаево (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11329, л. 224–226, 676 об. –699). Подлинник этой грамоты также хранился в монастыре согласно описям марта 1764 г. и 12 июля 1767 г. «за черною восковою печатью на красном шелковом шнуре» в «весьма ветхом» состоянии (ГАИО, ф. 22, оп. 1, д. 4, л. 289–292 об.).

В 1484/85 г. монастырю потребовалась защита привилегий, предоставленных ему два десятилетия назад: в этом году по челобитной архимандрита Максима Иван Иванович Молодой дал указную грамоту «с прочетом» шухомошским волостелям – кн. Василию и Ивану Семеновичам Несвицким с запрещением «рушить» жалованные грамоты Ивана III на монастырские села в Шухомошской волости (ГАИО, ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 2–2 об.). В этой волости, входившей в «Плесскую осаду», располагались села, данные монастырю Е.Д. Акинфовым, а также, возможно – д. Ярцево и пустошь Никольская межа, упоминаемые в актах 1452 и 1463 гг. Новая несудимая грамота была выдана шартомскому архимандриту Константину великим князем Василием II Ивановичем почти сразу после вступления на престол – 18 марта 1506 г. Этот документ был адресован суздальским и костромским наместникам, которым подчинялись волостели Шухо-мошской волости и Ермолинского стана, предписывая им не судить и не взимать корма с монастырских крестьян. Акт был подтвержден архимандриту Тихону Иваном IV 28 июля 1538 г., подлинник его «за красною печатью» хранился в монастыре в 1764 г. А вот в списке рукописей монастыря 16 мая 1836 г. упоминается уже копия (Акты, 1964, № 98. С. 135–136; ГАИО, ф. 22, оп. 1, д. 78, л. 195 об. –196).

В отмеченном документе речь идет о селениях Шухомошской волости – селе Акинфово с деревнями (Апраксино, Чертовское, Блудово и Зарубино) и Ермолина стана – деревнях Кошелево и Корелятино. Валовая перепись 1627–1630 гг. позволяет уверенно локализовать эти вотчины и определить их происхождение. Первые четыре деревни входили в акинфовскую вотчину монастыря в Шухомашской волости Костромского уезда, но статус деревни сохранила лишь д. Чертовка («Чертовская тож»), одна деревня запустела («Блудово, Пупок тож»), остальные превратились в пустоши («Опраксино, Лукьяново тож» и «Зубарева, Зарубино тож»). В этой же вотчине находились и две других деревни, обозначенные в данной Е.Д. Акинфова 1459 г. – Софонтьевское («пустошь, что был починок Софонцов») и Перекладовское («пустошь Деревенька, Перекладовское тож»). А в шуйских писцовых книгах А.И. Векова при описании кошелевской вотчины монастыря и вовсе сделана ссылка на «жалованную грамоту великого князя Василья Ивановича» 1506 г. Согласно писцовым книгам, к этой вотчине относились кроме деревень, упомянутых в грамоте, дд. Юрьева, Сносная («Слоботка тож»), Зименки, Якушина, Берсениха, Пазухина, Пашкино (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 10958, л. 984–989 об.; д. 11329, л. 225–228).

Следующий монастырский акт известен лишь по упоминанию в описях 1764 и 1767 гг. Это грамота Василия III 1523/24 г. по челобитью монастырского старца Лариона Михаилу Гагину «о размежевании земли с селцом Игнатовским» Суздальского уезда «за черною восковою печатью на одном столпце ветхая». Ее адресат уверенно идентифицируется с известным участником мятежа кн. М.Л. Глинского, перешедшим на московскую службу в ноябре 1508 г. (Зимин, 1970. С. 68–73). Согласно составленному А.Л. Грязновым атласу Суздальского уезда, земли с. Игнатовского на северо-западе

границили с Костромским уездом (*Грязнов, 2014. С. 3, 4*). На деле группа деревень в этом направлении отождествляется с калачевским комплексом шуйской вотчины Николо-Шартомского монастыря по переписи 1627-1630 гг. Входили в нее, кроме с. Калачева на р. Молохте, деревни Алешковская, Семейкова, Торохова, Козлякова, Избытова, Выгузова, Хлябова, пустоши Рылово, Серебряная, Отякова, Лихолаева и Монакова, а также отхожая пустошь Сумарокова на рч. Нозоге в Суздальском уезде (*РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11329, л. 220 об. –225*).

Два пункта из этой части монастырской вотчины фигурируют уже в разобранной выше грамоте 1463 г., а «отхожая» пустошь на р. Нозоге заставляет обратиться еще к одному документу, известному лишь по описи 1764 г.: духовной Дмитрия Андреева Карпова «на пожни по речке по Нозоге, за печатью черною, писма Ивана Махутова». Акт оказался не датированным, что свидетельствует о древности (единообразный формуляр духовной ко времени его создания не был окончательно выработан), а имя писца совпадает с именем вкладчика, пожертвовавшего Шартомскому монастырю пустошь Хлябовскую, также фигурирующую в акте 1463 г. Подобное совпадение «имени и места» трудно признать случайным.

Следующим крупным приобретением монастыря стало с. Чернцы с деревнями – вотчина кн. М.В. Горбатого-Шуйского. Оно было отказано обителю по духовной князя (объявлена митрополиту 17 июля 1535 г.) «опричь тех деревень, в которых живут слуги». Деньгами монастырь получил от Горбатого 10 руб. (*Акты, 1998, № 35. С. 90–93*). А в январе 1536 г. душеприказчики Горбатого – кн. В.В. Шуйский, И.Ф. Оболенский, дворецкий И.Ю. Поджогин и дьяк Т.М. Раков оформили данную грамоту на эти земли архимандриту Тихону. Из доходов с

вотчины Тихон должен был «кормити братью и весь монастырь» дважды в году – на Николу Вешнего и «Михайлово чудо» (*Сборник, 1879, № 1. С. 1*). Подлинник документа «за тремя печатми» отмечен в описи 1764 г. Согласно писцовым книгам 1627-1630 гг., в которых сделана ссылка на данную 1536 г., к Чернцам тянули 20 деревень и 14 пожен (*РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11329, л. 228–237 об.*).

Аспустя полтора десятилетия монастырь получил еще одно значительное пожалование из рода Горбатовых: 25 января 1551 г. кн. Мария Петровна, жена Ивана Борисовича Горбатого по духовной «приказала» в Шартомский монастырь «улус Шилехшу» Юмохотцкой волости Юрьевецкого уезда с 36 деревням и починками «со всеми угоди и с лесы бортными». Еще до этого в монастырь был отправлен «кон ворон» и 10 руб. «по душам» своего мужа Ивана Борисовича, его брата Андрея и родителей – Бориса Ивановича и Настасьи Федоровны. Княгиня завещала «положить тело свое грешное» в Николо-Шартомском монастыре, рядом с телом супруга (*Лихачев, 1895, № 7. С. 21–24*). «Ветхий» подлинник акта на двух листах согласно описям 1764 и 1767 гг. хранился в монастыре, но затем был изъят в Коллегию экономии. Более никаких данных о «шилехшенской» вотчине монастыря не имеется. Можно предположить, что Юмохотская волость (оставшуюся часть ее с селом Даниловским-Решмой княгиня завещала Троице-Сергиеву монастырю) была выкуплена у духовных феодалов наследниками Горбатовых. Жалованной грамотой Михаила Федоровича от 13 апреля 1614 г. оно было возвращено вдове кн. В.Ф. Скопина-Шуйского Елене Петровне вместе с ее родовой вотчиной – Кохомской волостью Суздальского уезда (*Документы, 1994. С. 360*). Но вскоре эта волость была обращена в дворцовое ведомство – возможно, в связи с возвращением из

польского плена И.И. Шуйского, в апреле 1620 г. получившего свои бывшие вотчины в Суздальском уезде (*Памятники, 1984, №115. С. 155; Готье, 1906 С. 595*).

В мае 1553 г. шартомский архимандрит Иона получил по своей челобитной несудимую грамоту царя Ивана IV на ряд деревень «села Горицкого». Архимандрит сообщал, что по смерти кн. Дмитрия и Василия Ивановичей Горбатовых последний «написал в духовной по себе и по своему брате и по всех прародителях монастырю в наследие» горицкие деревни своей вотчины. Оба Горбатовых «легли у Николы Чюдотворца на Шархтме», где погребаются «изстаринны все их прародители». Выморочные вотчины Горбатовых, включая с. Горицы, были отписаны на государя, и монастырские власти просили оградить их от произвола «суздальских наместников и волостелей». В духовной В.И. Горбатого действительно перечислялись «горицкие деревни», переданные монастырю «без выкупа». Эти земли были описаны специально направленным подьячим Игнатием Дюпиным и переданы монастырю. Всего акт зафиксировал 17 «горицких» деревень, в которых имелось 356 четвертей пашни («а земля средние не дошла, а из худые вышла») и 315 копен сена (*РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 1920, л. 35–36*). В 1764 г. он хранился в монастыре «за красною печатью», но к 1836 г. от него осталась лишь копия. В писцовых книгах 1627-1630 гг. эта часть вотчины отделена от других специальным указанием на жалованную грамоту 1553 г. и включает 8 деревень и 8 пустошей. Все они, кроме д. Тимофеевки, находят соответствие в акте 1553 г. Одна деревня получила второе название («Молчановка, Демково тож»), изменились названия превратившихся в пустоши деревень: Бобровка стала «Дубровкой, Боровской тож», а Киселевская – «Кислиным». Две деревни грамоты 1553 г. – Бакшеево и Драчливец –

анalogии в 1627-1630 гг. не находят (*РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11329, л. 216 об. –220*).

Шилекшенская вотчина находилась во владении монастыря не слишком долгое время, но позволила занять «рыболовный плацдарм» на левом берегу р. Волги, в Сокольской волости Юрьевецкого уезда. Шартомский архимандритом Тихоном (исполнял должность в 1618-1621 гг.) была подана челобитная с изложением зложключений монастырской вотчины на «Соколских горах за Волгою». Согласно ей, монастырь владел этими землями («деревни и починки, селища и займища и пустоши, и рыбные ловли, озера и истоки и заводи») «исстари». Они были зафиксированы за ним в «книгах писца Никиты Облезова» 1553/54 г. Но в 1583/84 г. «Николины вотчины на Соколских горах» были отняты у них «силою» кн. И.Ф. Мстиславским: он захватил 9 деревень и починков «лутчие через землю и через деревни». Через два года по указу царя Федора I Ивановича Юрьевец был отписан у Мстиславского «на государя» Ф.Г. Баландой Савиным. Само это описание хорошо известно, как и перечень следующих после него «дворцовых управителей» г. Юрьевца с уездом (*Сироткин, 2005. С. 44–58*). Но до настоящего времени оно считалось эпизодом в серии одновременных описаний дворцовых волостей, тогда как челобитная Тихона свидетельствует об «отписи» Юрьевца у Ф.И. Мстиславского.

В ходе отписи Савин по челобитной монастырских властей произвел обыск о захваченных Мстиславским землях «юрьевецкими посацкими людьми и розными волостями» и получил сведения, что «те деревеньки и починки ставлены на монастырском лесу» и владение это «исстари монастырское». Вплоть до «государева указу» Савин передал управление этими землями «юрьевецким приказным людям». «О Николине дни

Вешнем» (9 мая) 1590 г. шартомские власти били челом о возвращении попавшей в дворцовое управление вотчины. Известный дьяк Д.П. Петелин получил приказ отказать земли монастырю, но «был посылан на государеву службу» и поручения не выполнил. В результате сокольская вотчина так и осталась не отдана монастырю «и по ся места» и архимандрит просил исправить это упущение «чтобы мы вконец не загибли» (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, д. 4, л. 27).

В составе требуемых земель называются три деревни – Мокеева, Пудова, Бочаж-ная и десять починков – Прудовой, Колобовской, Июнинской, Ховинской, Хмелеватой, Васильевской, Запрудный, Ведерников, Петров, Вятлов, что явно превышает заявленное выше число отнятых Мстиславским населенных пунктов. Следо-вательно, он захватил лишь часть вотчины, а дворцовое управление она попала в полном составе. Также в число отобранных Мстиславским земель входили озера: Росхотец, Большое и Малое Плоские, Долгое и «два озера ловных». Сокольская вотчина была отдана монастырю: 7 марта 1633 г. дьяки приняли 19 ал. за стрелецкий хлеб с вотчины Шартомского монастыря «с села Устья з деревнями» (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, д. 16, л. 23 а). Отметим, что описание этой монастырской вотчины М.А. Тихменевым 23 июня 1685 г. практически не дает совпадений с населенными пунктами, отмеченными в челобитной Тихона, за исключением д. Бочажное и оз. Плоское (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 536, л. 97-102 об.). Длительное запустение вотчины изменило ее структуру практически полностью.

Успешная атака кн. Ф.И. Мстиславского на монастырские вотчины была далеко не единственной. В описи 1764 г. значится «полюбовное письмо архимандрита Галасия да князя Семена Вяземского с товарищи о разделении земель села

Акинфиева з деревнями» 1577/78 г. Упомянутое здесь лицо вполне можно отождествить с суздальским помещиком из «литвы дворовой» кн. С.И. Вяземским, неоднократно упоминаемым в источниках 1550–1560-х гг. (*Тысячная книга, 1950. С. 146; Записная книга, 2004. С. 133; Акты, 1998, № 134, 224; Разрядная книга, 1966. С. 182*). Речь в этом документе идет, несомненно, о мировом соглашении по поводу не обмежеванных спорных земель. Поскольку акинфовская вотчина монастыря практически в неизменном виде дожила до валовой переписи 1627-1630 гг., можно думать, что наступление соседних помещиков во главе с Вяземским на ее границы было успешно остановлено.

Итак, в ходе валовой переписи 1627-1630 гг. в Шуйском уезде было зафиксировано пять вотчинных комплексов: располагавшийся непосредственно под монастырем «село Пупок з деревнями да село Веденское», «горицкие деревни», полученные по духовной кн. В.И. Горбатого в 1553 г., с. Калачево «з деревнями и с пустошми», «что было истари в вотчине за Злобою Ивановым сыном Колачевым», д. Кошелева «з деревнями и с пустошми», полученная по жалованной грамоте 1506 г. и наконец, чернецкая вотчина, переданная монастырю по духовной кн. М.В. Горбатого в 1536 г. Четко можно идентифицировать происхождение лишь двух комплексов: «горицких деревень» и чернецкой вотчины, полученных по духов-ным. Центральный комплекс, состоявший из сел Пупка «з деревнями» и Введенского «с пустошью», был «истари» пожалован обители кн. Шуйскими. При описании «кошелевской» вотчины монастыря писцы ссылаются на «жалованную грамоту» 1506 г., но она лишь фиксировала этот комплекс в его владении. Происхождение его позволяет уточнить грамота 1463 г., в которой речь идет о пустоши Королятик («и иных»), данных монастырю Никитой Семеновичем.

Грамота предоставляла обители право «перезывать» на них крестьян (исключая великокняжеских). Итогом реализации этого права стало появление д. Кошелево и Королятино, упоминаемых в акте 1506 г. А ко времени валовой переписи вокруг них сформировался полноценный вотчинный комплекс, включавший еще 7 деревень.

Самым сложным представляется происхождение «калачевского» комплекса. Для подтверждения прав монастыря писцу пришлось не только получить «сказки» от архимандрита, но и провести «обыск» в Шуйском уезде. Монастырские власти определяли эти земли, как «село Колочово з деревнями и с пустошми, да деревня Олешкова с пустошми, да деревня Семьинова», «исстари» принадлежавшие З.И. Калачеву. Два пункта этого комплекса фигурируют в грамоте 1463 г., как полученные монастырем от И.В. Махукова и казначей Якова. Здесь же, очевидно, располагались земли, полученные монастырем по духовной Д.А. Карпова. Упоминание еще двух пунктов после указания на с. Калачево «з деревнями и с пустошми» также свидетельствует об их разновременном приобретении монастырем. Указание на прежнего владельца (а также факт изменения названия деревень – Олешкова стала Олешковской, а Семьинова – Семейковым) предполагает, что имелись подтверждавшие это документы. Формирование этого комплекса имело сложный и длительный характер: часть земель была получена в виде пустошей, часть – уже населенных пунктов. З.И. Калачев был выделен из прежних владельцев, поскольку ему принадлежал центр комплекса – с. Калачево.

Подводя итоги анализа сложения вотчин Николо-Шартомского монастыря в XV-XVII вв., можно отметить, что наиболее значительными вкладчиками его являлись кн. Шуйские и Горбатые-Шуйские.

Горбатыми были пожалованы «Николу» первые вотчины – с. Пупки и Введенское, на территории непосредственно прилегавшей к монастырю. (Давыдов, 2013. С. 35-53; Давыдов, 2015. С. 34). С них началась территориальная экспансия обители: в Плесском уезде к 1452 г. была получена д. Ярцево, в Плесе выстроен монастырский двор, а на исходе XV в. – еще один. В 1459 г. в числе вотчин появляется с. Акинфово с деревнями, в это же время монастырь приобретает права на целый ряд пустошей и деревень мелких вотчинников (З.И. Калачев, Д.А. Карпов, И.В. Махуков, Никита Семенович, казначей Яков) в будущих «кошелевском» и «калачевском» комплексах. Право населять приобретенные пустоши, Шартомской обители было предоставлено в 1463 г., чем монастырь не преминул воспользоваться. А во второй четверти XVI в. монастырь получает три крупнейших вотчинных комплекса по духовным кн. Горбатов: чернцкий в 1535 г., шилекшенский – в 1551 г. и горицкий – в 1553 г. О судьбе второго из них сведений нет (вскоре был выкуплен родственниками кн. М.П. Горбатой), зато его появление позволило монастырю освоить сокольскую вотчину.

Обители неоднократно приходилось отражать посягательства на свои вотчины – как светских феодалов, так и великокняжеских волостей. И если шуйские и костромские вотчины удалось к началу XVII в. сохранить в целостности, то юрьевецкие оказались потеряны. Владение ими было восстановлено лишь в 1621 г. Что касается монастырского хозяйства, то валовая перепись 1627-1630 гг. фиксирует такую структуру: каждый земельный комплекс имел центр, в котором располагался опорный пункт монастыря (двор с дворником). Там же проживали монастырские служки и детеныши, а также «казенные» ремесленники

(кузнецы, плотники, портные, сапожники, шерстобиты, пастухи) и лица, отвечавшие за обработку вотчинной пашни («польщики», «нарядчики» и «житничные сторожа»). В комплексе мог иметься и второй вотчинный центр, причем если в одном случае структура населения обоих центров почти совпадает (с. Калачево и д. Семейково), то дд. Кощеево и Мирково явно были созданы для обработки монастырской пашни (в последней вообще не имелось крестьян). Обработка пашни вовсе не являлась приоритетной для служек и детенышей, а также монастырских ремесленников. Первые преимущественно занимались административным управлением, а вторые – ремеслом, имея крестьянские наделы. Вотчинная же пашня обрабатывалась крестьянами, специально являвшимися из деревень.

При этом шуйские вотчинные центры имели явно ремесленную специализацию: особенно выделяются с. Пупкии Введенское, включавшие 18 дворов ремесленников (во всей остальной вотчине – всего 5 подобных дворов), а также специальные «конюшенный» и «воловий» дворы. При этом в обоих селах обрабатывалось всего 105 четв. монастырской пашни и 96 четв. крестьянской. В то же время акинфовский

вотчинный комплекс, описанный в писцовых книгах П.И. Волинского 1628-1631 г., специализировался на хлебом производстве, включая 58 четв. монастырской пашни и 34 четв. крестьянской.

По сокольской вотчине монастыря данных валовой переписи не сохранилось и о хозяйстве ее можно судить лишь по описанию М.А. Тихменева 1685 г. В ней было организовано рыбное хозяйство монастыря: имелся монастырский двор, на котором в «ватаженной избе» проживали работники «застольные люди у рыбные ловли» – 16 чел., а также казенные портной мастер и кузнец.

Описания акнфовской и сокольской вотчин свидетельствуют о серьезном хозяйственном упадке: в первой, кроме села, осталась всего одна жилая деревня, во втором – пять. Эти процессы были вызваны не столько небольшим размером этих комплексов, сколько их отдаленностью от центра управления и введением хлебной и рыболовной специализации. В результате эти вотчины, весьма развитые в XVI в., оказываются в перманентном кризисе в следующем столетии: крестьяне покидают их, деревни и починки исчезают, запашка сокращается.

Список литературы:

1. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.
2. АСЭИ. Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.
3. ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 78.
6. Готье Ю.В., 1906. Замосковский край в XVII в. М.
7. Грязнов А.Л., 2014. Суздальский уезд в первой трети XVII в. Атлас. Владимир.
8. Давыдов М.И., 2015. К вопросу о времени основания Спасо-Кукоцкого монастыря // Суздальский сборник за 2014 год. Владимир.
9. Давыдов М.И., 2013. Князья Шуйские и суздальское общество накануне и во время Смуты // Суздаль в истории России. Владимир.
10. Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1994.
11. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
12. Зимин А.А., 1970. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. № 5.
13. Кабанов А.Ю., 2010. Город Плес и его окрестности в XV-XVII вв. // Плес: прошлое, реальность, будущее: сборник статей. Иваново.
14. Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.
15. Лихачев Н.П., 1895. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб.
16. Новосельский А.А., 1949. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. 4. М.-Л.
17. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 16.
18. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 4.
19. Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / Ред. С.И. Котков. Москва, 1984.
20. Перечневая роспись монастырских дворов // Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. Прил. 1.
21. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10958.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11329.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 536.
25. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920.
26. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
27. Сироткин С.В., 2005. Сотная грамота 1583/94 г. на посад Юрьевца Повольского // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.-СПб.
28. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Ред. А.А. Зимин. М.-Л., 1950.
29. Черепнин Л.В., 1951. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. М.

**«БЫЛИ НА КОСТРОМЕ ВОЕВОДЫ ПО ПОЛКОМ»:
ЗАПИСЬ О МЕСТНИЧЕСКОМ СПОРЕ ПЕРЕД БИТВОЙ НА ВЕДРОШИ
КАК ИСТОЧНИК О ДИНАСТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ ВТОРОЙ
ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА И О ПЕРЕХОДЕ РОСТОВСКОГО КНЯЖЕНИЯ
ПОД ВЛАСТЬ МОСКВЫ**

Городилин С.В.

Центр по истории Древней Руси ИРИ РАН, г. Москва

Аннотация: В статье рассматривается дошедший в составе разрядных книг фрагмент, содержащий данные о воеводах великокняжеской рати в неизвестном столкновении XV в. В ходе анализа данных делается вывод о его датировке 1440-ми — 1460-ми гг., а также приводятся аргументы в пользу известного позднейшим редакциям Разрядных книг отнесения старшего из воевод к князьям Ростовским.

Ключевые слова: Великое княжество Московское, Ростовское княжество, политическая история, князь Александр Федорович Ростовский, Кострома.

**«VOIVODES WERE IN KOSTROMA BY REGIMENT»: RECORD
OF A LOCAL DISPUTE BEFORE THE BATTLE NEAR THE VEDROSHA RIVER
AS A SOURCE ON DYNASTIC CONFLICTS OF THE SECOND QUARTER
OF THE XV CENTURY AND ON THE TRANSITION OF THE ROSTOV
PRINCEDOM TO THE AUTHORITY OF MOSCOW**

Gorodilin S.V.

*Center for the history of ancient Russia, Institute of Russian history
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Summary: The article presents a study of a text passage surviving as a part of several official service book and containing some information about voivodes of great princes' armies and their actions during an unknown war conflict in XVth century. As a result of the data analysis the author draws a conclusion concerning the date of the conflict which supposedly took place in 1440th - 1460th. The author also makes several arguments supporting assignment of the chief voivode to the Princes' of Rostov family - the notion that can be found in the later unofficial editions of official service books.

Key words: Grand Principality of Moscow, Principality of Rostov, political history, Prince Alexandr Feodorovich Rostovsky, Kostroma.

Восходящая к официальному Государеву Разряду Разрядная книга 1475-1598 гг. в части, касающейся событий русско-литовской войны 1500-1503 гг., рассказывает и о предварившем битву на Ведроши 14 июля 1500 г. интересном эпизоде. Московская рать во главе с боярином Юрием Захарычем, взяв

Дорогобуж, двинулась по направлению к Ельне, навстречу ей были посланы главные польские и литовские силы князя Константина Острожского. На Ведроши к рати Юрия Захарыча присоединилась другая русская рать, которую вел князь Данило Щеня. По указанию из Москвы в объединившемся войске Юрий возглавлял

Сторожевой полк, а князь Данило получал Большой. Это, однако, показалось неприемлемым принадлежащему к старомосковскому боярскому роду Юрию Захарьичу. Он, как сообщает Разрядная книга, «писал к великому князю, что ему в сторожевом полку быти немочно», и в тексте приведена даже прямая цитата из послания боярина: «То мне стеречи князя Данила»? (*Разрядная книга 1475-1598, 1966. С. 30*). С точки зрения уже сложившейся иерархии воеводских назначений Сторожевой полк был менее почетен и значим, нежели основные силы — Большой полк. Военная ситуация развивалась стремительно, при чем складывалась достаточно успешно для начавших войну русских сил, и ответ от великого князя Ивана Васильевича не заставил себя ждать: «И князь великий к нему приказал со князем Костянтином Ушатым: «Гараздо ли ты так чинишь, говоришь: в сторожевом полку быти тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом полку; ино не сором тебе быть в сторожевом полку» (*Разрядная книга 1475-1598, 1966. С. 30*). К своему выразительному ответу Юрию государь добавил и подкрепляющую его иллюстрацию из прошлого: «Да Юрью же велел сказать князю Костянтину Ушатому, что на Костроме были воеводы: в большом полку князь Олександр Федорович, а в передовом князь Иван Стрига, а в сторожевом Федор Давыдович». Этот пример был призван показать, что некогда ранее представителю не менее древнего и заслуженного рода, чем восходящие к сыну Андрея Кобылы Федору Кошке предки боярина Юрия, Акинфовичу боярину Федору Давыдовичу не было зазорным возглавить Сторожевой полк в то время, как Большим тоже командовал

некий судя по всему менее значимый тогда во внутримосковской «табели о рангах» князь.

Данный эпизод, завершившийся крупной московской победой в битве на Ведроши, затрагивался учеными лишь в связи с событиями русско-литовской войны и в связи с темой зарождения значимого для истории России раннего Нового времени института местничества (*Маркевич, 1888. С. 246; Зимин, 1970. С. 111; Алексеев, 1991. С. 210-211; Алексеев, 2009. С. 388-389; Володихин, 2017а; то же см.: Володихин, 2017б*). Однако и сам приведенный в процитированном Разрядной книгой великокняжеском внушении пример, представляющий собой, вероятно, фрагмент какой-то несохранившейся записи разрядного характера XV в., также видится самоценным источником. Достоверность его сведений очевидна: он присутствует в дошедших до нас текстах, восходящих к Государеву Разряду, попав туда из послания самого великого князя, а в послание — из бывших в распоряжении Ивана III документов. Но никто из историков пока что не ставил цели уточнить, к каким из известных военных столкновений его возможно отнести и каким периодом он может быть датирован (*высказано лишь мнение, что описанная там ситуация имела место «относительно недавно» [от июня 1500 г.]: Володихин, 2017а. С. 193; 2017б. С. 72*). Двое из троих указанных в нем великокняжеских воевод определяются уверенно: князь Иван Стрига — это крупнейший московский военачальник и администратор сер. — втор. пол. XV в. Иван Васильевич Стрига Оболенский, а Федор Давыдович — внук Ивана Андреевича Хромого, также боярин и воевода (*О них см.: Зимин, 1989. С. 48-49, 165, 168*). И в отношении их статуса внутри московской служилой элиты, и с точки зрения хронологии, и применительно к сфере их деятельности

это два сопоставимых и близких друг к другу персонажа, высокопоставленные деятели великокняжеской администрации и полководцы, активные участники московско-новгородской борьбы. Значит, связанные с приведенным фрагментом события относительно недавно произошли не могли: как минимум, их следует отнести ко времени до весны 1478 г., когда князь Иван Стрига умирает (Федор Давыдович продолжает упоминаться в начале 1480-х гг., а к 1492 г. уже несомненно скончался). Кроме того, при поиске вариантов датировки военных действий (или подготовки к ним), отраженных в нашем разряде, нужно учесть, что это явно были некие весьма значимые события. Такой вывод следует из приведенной в росписи трехполковой структуры войск и из чрезвычайно высокого личного и родового статуса воевод.

С учетом этого трудно ожидать, что прекрасно зарекомендовавший себя в войне 1456 г. с Новгородом князь Иван Стрига, который в 1461 г. получил по просьбе восстановивших отношения с Москвой псковичей их княжеский стол, с 1463 г. наместничал в присоединенном Ярославле и возглавил в 1467 г. московское войско в походе на Казань (а после покорения Новгорода еще и получил ответственный и почетный пост новгородского наместника) мог бы в каких-то обстоятельствах 1470-х или даже 1460-х гг. быть назначен воеводой лишь Сторожевого полка: к тому времени его заслуженный статус военачальника уже явно гораздо выше. Не менее странно в таком случае и то, что потребовавшие привлечения столь значимых военных ресурсов и командных сил обстоятельства остались без внимания подробно фиксирующих все важные детали первых десятилетий великого княжения Ивана Васильевича московских летописцев. Место нахождения войск, Кострома, тоже

не способствует датировке 1460-ми и тем более 1470-ми гг.: силы такого уровня там в то время могли быть сосредоточены лишь для похода на Казань или для отражения крупного казанского похода на верхневолжские города. Но русско-татарские отношения этого периода, зафиксированные летописанием, не знают о подобных масштабных событиях, за исключением лишь известных и описанных под 1467-69 гг., и там роль Ивана Стриги куда выше — вначале он возглавил крупные московские силы, двинувшиеся вместе с царевичем Касымом, а в апреле 1468 г. отразил нападение казанцев на костромские волости, совершив ответный рейд до Унжи (*ПСРЛ, 1921. С. 187*).

Таким образом, есть почва для предположения, что рассматриваемый фрагмент мог описывать события более ранние, нежели 60-е - 70-е гг. XV в.: в предшествующий период сер. 30-х - 50-х гг. того же столетия из-за бурных династических конфликтов в Московском княжеском доме в летописании имеется немало лакун, и возможность того, что за его рамками могли остаться какие-то военные приготовления, если они не завершились крупной битвой, ощутимо выше. Кроме того, в более ранний период для князя Ивана Стриги и Федора Давыдовича появление во главе Передового и Сторожевого полков куда вероятнее: это серьезные назначения для родовитых, но к тому времени еще молодых и недостаточно заслуженных и опытных членов московского двора.

Просопографически такое видится возможным: первые упоминания Ивана Стриги относятся как раз к обострению московского внутридинастического конфликта в 1446 г., когда тот вел переговоры с князьями Рязанскими об освобождении Василия Темного из заключения, затем он присоединяется к этому великому князю, а в 1449 г. вместе с Федором Басенком и с силами великокняжеского двора не

дает Дмитрию Шемяке занять именно Кострому. Столь ранних упоминаний Федора Давыдовича не имеется, но в походе 1471 г. на Новгород он вместе с известным полководцем князем Данилой Холмским уже возглавляет московские рати в первом столкновении с новгородцами, в 1472 г. лично отправлен великим князем навстречу Софье Палеолог с весьма деликатным поручением (*ПСРЛ, 2001. Стб. 171-174; 214*), и в 70-х гг. уже упоминается в боярском чине. В известном челобитье Геннадия Бутурлина Федору Давыдовичу его родовитый и заслуженный автор (*именовавшийся современниками «старым боярином» и умерший, как установил В.Д. Назаров, между концом 1464 и началом 1466 г.: Назаров, 1999. С. 182*) обращается к своему двоюродному племяннику Федору «господине», упоминая как современное посланию «печалование» Федора о его «брате» (двоюродном) Андрее Бутурлине, действовавшем в 1450-х гг. (*Веселовский, 1969. С. 22-23*). Все в целом это позволяет предположить для Федора Давыдовича (младший брат отца которого Роман Хромой еще в 1434 г. безуспешно оборонял Москву от Юрия Дмитриевича) солидную служебную предысторию в предшествующие 1470-м гг. десятилетия, не попавшую в поле зрения летописцев.

Для проверки гипотезы нужно уточнить сведения о третьем указанном в нашем фрагменте персонаже, «князе Олександре Федоровиче». Тут, однако, встречается затруднение: его родовое прозвище не указано. Из контекста ясно лишь, что это некий не столь значимый исходя из тогдашней московской служебной иерархии князь, возглавивший, однако по каким-то причинам Большой полк в то время, как родовитый представитель старомосковского боярства Федор Давыдович и член верно служащего Москве со времен Дмитрия Донского клана князей Оболенских, сын

близкого сподвижника и «большого воеводы» Василия Темного боярина князя Василия Ивановича Иван Стрига получили менее статусные назначения. Не удивительно, что родовая принадлежность князя Александра не указывается в официальных текстах разрядных книг: судя по всему, она была опущена и в цитируемом там послании великого князя. Это вполне понятно: и тот, кто привел этот пример, и те, кому он был адресован, видимо, знали о ком идет речь. Историки оказываются в худшем положении, во всяком случае, для 1470-х гг. князя с таким именем и отчеством, по своему опыту и положению способного возглавить главные силы великокняжеской рати, просто не находится. В указателях к публикациям официальных разрядных книг происхождение князя Александра также не определялось (*Милюков, 1901; Разрядная книга 1475-1598, 1966*). Вместе с тем, оно появляется в тексте Разрядной книги 1475-1605 гг.: в рассматриваемом фрагменте там упомянут «князь Олександр Федорович Ростовской» (*Разрядная книга 1475-1605, 1977. С. 62*).

Опереться на это без всякой проверки, однако, не представляется допустимым: РК 1475-1605 — это не Государев Разряд, а сложившаяся позднее частная редакция (*см.: Анхимюк, 2005*), и в данном случае мы явно имеем дело не с сохраненным чтением раннего протографа, а с его последующим уточнением. Опущенные в официальном тексте родовые прозвища в РК 1475-1605 проставлялись при редактировании на протяжении всего памятника с очевидной целью: облегчить практическое пользование им при получении информации, важной в местнических счетах. Так, в нашем фрагменте уточнена не только принадлежность князя Александра («Ростовской»), но и князя Ивана Стриги («Оболенской»).

Уверенно предположить в данном случае лишь произвольное решение переписчика, не понявшего, о каком

именно князе идет речь в протографе, не дает высочайшая актуальность для тогдашних пользователей сведений Разрядных книг о назначениях вне зависимости от их хронологической отдаленности — напротив, наиболее ранние записи часто были более важными. Редакторские уточнения фиксировали существующую традицию родовой памяти, опираясь на действующую практику интерпретации содержания разрядов и на данные родословных книг, и с учетом их практической значимости вносились весьма ответственно. Эти обстоятельства препятствуют и версии об ошибке писца: если бы тот просто смешал нашего князя Александра с нередко встречающимся в записях первых десятилетий XVI в. князем Александром Владимировичем Ростовским, то должен был бы откорректировать и отчество князя. Но вместо того здесь, как и в ранних редакциях Разрядной книги, в РК 1475–1605 гг. сохраняется более нигде в разрядах не фигурирующий князь Александр Федорович.

Отнестись с определенным доверием к предложенному варианту родовой принадлежности князя и хотя бы сопоставить его вероятность с прочими возможными позволяет то, что князь Александр Федорович Ростовский вправду существовал, хоть и не попадал больше в разрядные записи, поскольку действовал в чуть более ранний период. Речь идет о сыне последнего княжившего в Ростове князя Сретенской ветви Федора Андреевича, родоначальнике князей Щепиных Александре. Он известен не только родословным, но и летописям, поскольку начиная с 1409 г. трижды оказывается из руки великого князя на княжении во Пскове, пробыв там в общей сложности, как отмечает летописец, 12 лет и завоевав доверие псковичей (*Псковские летописи*, 1955. С. 128).

Насколько можно судить, именно при нем прекращается власть князей Сретенской ветви Ростовского дома в их отчинном городе, так как известны ростовские денги с именем его отца Федора, чеканившиеся до конца 1410-х или даже до начала 1420-х гг., но чеканки от имени Александра уже не велось, а к концу великого княжения Василия Дмитриевича относится и первый прецедент выдачи великим князем жалованной грамоты ростовскому боярину на село в Ростове. Александр Федорович в это же время, незадолго до кончины Василия, садится на псковский стол второй раз, и еще раз возвращается туда же в 1428 г., уже при Василии Васильевиче, пребывая в Пскове с сыном Дмитрием (от второй жены, дочери московского боярина Федора Кутуза Марии). Из-за обострения конфликта за великое княжение между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем князю Александру пришлось навсегда покинуть Псков, уехав 28 февраля 1434 г. «съ всею челядью своею на Москву» (*Псковские летописи*, 1955. С. 44). Неизвестно даже, доехал ли он тогда до Москвы, поскольку 20 марта того же года Василий потерпел поражение от своего дяди у Николы на Горе в Ростовской земле и бежал, а 1 апреля изгнанный со своего стола великий князь уже прибыл в Новгород, Москву же на время до своей кончины 5 июня того же года занял Юрий. Более никаких точных известий о князе Александре не дошло: известен пересказ грамоты о вкладе, сделанном в ростовский Богоявленский монастырь «княгиней Марьей княж Александровой Федоровича да сыном ее князем Дмитрием Александровичем по князе Александре Федоровиче и по всем своем роде», но там нет даты (*Иустин*, 1862. С. 61). Предполагалось, что Александр умер вскоре по возвращении из Пскова (*Стрельников*, 2009. С. 59), но единственным основанием

предположения было отсутствие последующих известий о князе. Следовательно, препятствий тому, чтобы ожидать, что период жизненной активности Александра Федоровича мог превысить отводимую ему таким образом всего лишь четверть века (с 1409 по 1434 г.) на десять или на пятнадцать лет (учитывая, к примеру, что от женитьбы до кончины его деда Андрея Федоровича прошло шесть десятилетий), не имеется. Князь Александр, собственно говоря, принадлежал примерно к тому же поколению, которое начинало действовать в 1400-х — 1410-х гг., что и писавший Федору Давыдовичу в 1450-х — нач. 1460-х гг. Геннадий Бутурлин.

Если верен вариант происхождения «князя Александра Федоровича», предложенный РК 1475-1605, то неизбежен вывод, что Александр Ростовский и спустя какое-то время после возвращения из Пскова остается высокопоставленным соратником Василия Васильевича, получая под свое начало значительные великокняжеские силы и превосходя по статусу представителей приближенных к великому князю московских титулованных и нетитулованных родов. В этом смысле его положение сына ростовского владетельного князя Сретенской ветви оказывается вполне сопоставимым с положением таких же сыновей последнего владетельного князя Борисоглебской ветви того же княжеского дома, оказавшихся на московской службе более чем полувеком позже — Дмитрия и Александра Владимировича Ростовских. Характерно, что все эти ростовские князья - и Александр Федорович с сыном Дмитрием Щепой, и Владимир Андреевич с сыновьями Александром и Дмитрием - в своей московской службе оказываются связанными с Псковом.

Принятие версии, по которой князь Александр Федорович из нашего фрагмента принадлежит к Ростовскому дому, позволяет также уточнить контекст давно известных загадочных земельных сделок сына князя Александра Ростовского Дмитрия в чужом для ростовских князей Бежецком Верху (*АСЭИ, 1952. №147, 148. С. 111-112; Каштанов, 1970. №5. С. 347; №16. С. 371-372*). Тот в период между возвращением с отцом из Пскова в 1434 г. и временем, когда бежецкими землями владел князь Василий Ярославич (1454-1456), купил у тамошней вотчинницы комплекс земель без населения, но вскоре вдруг расстался с ними в пользу Троицкого монастыря. С учетом того, что сохранились как грамота, по которой Дмитрий отдал эти земли вкладом, так и грамота, по которой он их продает инокам, приходится предположить, что его расставание с куплей, вероятно, было спешным и отчасти вынужденным. В случае, если Александр Федорович Ростовский был верным соратником великого князя Василия, наиболее вероятным представляется связать появление Дмитрия Щепы в этом регионе с его службой там Василию Васильевичу (возможно — в статусе великокняжеского наместника), которому Дмитрий служит так же, как и его отец, а продажу так и не освоенной в хозяйственном смысле пригородной вотчины и уход князя из Бежецкого Верха — с переходом власти в нем к кому-то из других князей Московского дома. Одним из моментов, когда это могло произойти, является известное «поимание» великого князя в 1446 г., после чего среди его приверженцев понятным образом возникает ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Не сложившаяся служебная карьера внуков и правнуков Александра Федоровича — князей Щепиных-Ростовских может быть в этом случае объяснена кончиной

князя Александра в период до полной победы Василия Темного, когда верность великому князю еще нельзя было эффективно конвертировать в доходы, земли и в фиксацию своего высокого положения, а также подорвавшим ресурсы всех ростовских князей разорением их родовых земель в округе Ростова и на севере — в Присухонье и Подвинье в ходе военных столкновений 30-х - 40-х гг. XV в. Кроме того, единственный внук Александра Федоровича, известный лишь родословным Семен Дмитриевич Щепин, имел прозвище «Горбатый», что могло быть связано с реальным физическим недостатком, помешавшим карьере и не позволившим сохранить унаследованный служебный статус, что предопределило невыгодные стартовые условия и для сыновей князя Семена.

В случае, если отнесение князя Александра Федоровича к Ростовскому дому все же представляет неверную догадку позднейшего редактора Разрядной книги, возможен и еще один вариант его происхождения. Хорошо известен ярославский князь Александр Федорович, упомянутый под 1434 г. как союзник великого князя Василия Васильевича в борьбе с Василием Юрьевичем, и до 1463 г. занимавший ярославский стол, а затем продавший его следующему великому князю московскому. Александр Федорович умер в 1471 г., а его сын Данила Пенко в 1490-х гг. занимает высокие воеводские и наместничьи посты и даже является обладателем двора в Московском Кремле. Менее статусные князья Ярославского княжеского дома участвовали уже в военных кампаниях против Казани 1467-1469 гг., и можно предположить, что расставшемся со своим княжением давнему союзнику великих князей тоже мог быть предоставлен значимый воеводский пост в соседнем с родовыми землями регионе. Вместе с тем, это

вызывает уже приводившиеся возражения, связанные с отсутствием в период 1463-1471 гг. в Костроме настолько значимых военных приготовлений (за исключением известных, в которых места для князя Александра Ярославского вроде бы не находится) и с уже слишком высоким в то время воеводским и администраторским статусом князя Ивана Стриги, предполагающим большую вероятность его верховенства в описываемой фрагментом структуре войска. Применительно же к периоду до 1463 г. вероятность предоставления Большого полка князю, не находящемуся на великокняжеской службе, а занимающему самостоятельный стол, видится чрезвычайно малой.

Указанное в рассматриваемом фрагменте место средоточения великокняжеских войск, главными силами которых командовал князь Александр Федорович, Кострома, позволяет предположить тот фронт, на котором предполагались боевые действия. Им могло быть направление вниз по Волге, и тогда самым ожидаемым противником становятся татары из казанского (или нижегородского) регионов. Но не менее возможным, учитывая, как сказано, что московско-татарские отношения 40-х — 60-х гг. XV в. весьма подробно освещены летописцами и еще одно обострение, вызвавшее концентрацию в Костроме столь крупных сил, вряд ли осталось бы незамеченным, видится и другой фронт: отражение врага, движущегося из-за Волги, из Галича, Вятки или Устюга. Тогда вероятным противником неизбежно станут враждебные Василию Васильевичу князья Московского дома, а сами события должны быть отнесены ко времени до завершения борьбы с ними.

Обратной стороной убедительности этих двух интерпретаций отраженных источником событий становится, однако, затруднительность их точного датирования. Ситуаций, когда значительные

великокняжеские силы в подобных обстоятельствах могли быть стянуты к Костроме, на протяжении 30-х — 60-х гг. XV в. не так мало, и наша краткая роспись воевод может быть приложима к многим из них (хотя 30-е гг. все же видятся маловероятными). Кострома в это время стала воротами из Заволжья в центральные московские земли, и частота ее упоминаний в контексте значимых Северо-Восточной Руси военно-политических событий напоминает

кон. XIII — перв. четв. XIV вв. когда еще недавно бывший отчиной великого князя Василия Ярославича регион, раз за разом оказываясь в центре внимания, приобрел статус одного из ключевых центров великокняжеских владений. Источником, позволяющим более рельефно и точно выявить роль Костромы в событиях 1430 - 1460-х гг., может служить и дошедший благодаря спору о местах воевод перед битвой на Ведроши небольшой фрагмент, ставший предметом настоящей статьи.

Список литературы:

1. АСЭИ. Т. 1. М., 1952.
2. Алексеев Ю.Г., 1991. Государь всея Руси. М.
3. Алексеев Ю.Г., 2009. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.
4. Володихин Д.М., 2017а. Конфликт российских полководцев в 1500 г.: князь Д.В. Щеня против боярина Ю.З. Кошкина. У истоков формирования военно-политической элиты России // Проблемы национальной стратегии. № 3 (42). М.
5. Володихин Д.М., 2017б. Характер конфликта полковых воевод князя Д.В. Щени и боярина Ю.З. Кошкина в 1500 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5 (Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования (57)).
6. Зимин А.А., 1970. Источники по истории местничества в XV - первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 г. М.
7. Зимин А.А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.
8. Иустин, архим., 1862. Описание Ростовского Богоявленского Авраамиева мужеского второклассного монастыря Ярославской епархии. Ярославль.
9. Каштанов С.М., 1970. Очерки русской дипломатики. М.
10. Маркевич А.И., 1888. История местничества в Московском государстве в XV — XVII вв. Одесса.
11. Милуков П.Н., 1901. Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М.
12. Назаров В.Д., 1999. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
14. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
15. ПСРЛ. Софийская Вторая летопись. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.
16. ПСРЛ. Типографская летопись. Т. 24. Пг., 1921.
17. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966
18. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
19. Стрельников С.В., 2009. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб.

«ОТПИСКА О КАЗНЕНИИ ЖОНКИ ФЕДОСЬИ» В СВЕТЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ТОТЬМЫ И СОЛИГАЛИЧА

Копытков В.В., Кузнецов А.В.

Культурно-исторического центра «Светоч» (Москва – Вологда)

Аннотация: В статье, на материалах архивного дела, рассказывается о трагической судьбе тотемской крестьянки Федосьи, обвинённой в 1674 г. в колдовстве и сожженной за это на костре. Прослеживаются тесные связи между жителями Тотемской земли и Солигалича, существовавшие в XVII в.

Ключевые слова: Афонка Куракин, ведьма, Зашугомская волость, Тиксенская волость, Тотьма, Солигалич, Федоска.

“A RESOLUTION ON THE PUNISHMENT OF FEDOSIA” IN THE LIGHT OF TOTMA AND SOLIGALICH RELATIONSHIPS

Kopytkov V.V., Kuznetsov A.V

Cultural and historical center “Svetoch” (Moscow - Vologda)

Summary: In article on materials of archives, tells the tragic story of totemskiy peasant Theodosia, in 1674 accused of witchcraft and burned at the stake for that. Close ties between the inhabitants of Totem land and Soligalich, which existed in the XVII century, are traced.

Key words: Afonka Kurakin, witch, Saugoma parish, Liksnensky parish, tot'ma, Nizhniy Novgorod, Fedoska.

В 1674 г. в Тотьме на реке Сухоне была казнена огнём «жонка Федосья». Первым на этот исторический факт обратил внимание известный русский историк С.М. Соловьёв в своём труде «История России»: «сожжена была в срубе, при многих людях, женщина Федосья, по оговору в порче: при казни она объявила, что никого не портила, но что перед воеводою поклепала на себя, не претерпя пыток» (Соловьёв, 1870. С. 160). Чуть позже это сообщение слово в слово перепечатал в своей книге «Город Тотьма», изданной в 1886 г., один из первых тотемских краеведов В.Т. Попов (Попов, 1886. С. 38). Спустя несколько лет случай с Федосьей использовал в качестве иллюстрации к нравам русского общества XVII в. известный бытописатель С.В. Максимов в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» (Максимов, 1903. С. 116-117). В дальнейшем различные советские историки и краеведы

лишь повторяли фразу о казни Федосьи либо из труда С.М. Соловьёва, либо из книги С.В. Максимова, не добавляя ничего нового. А что же произошло в Тотьме в 1674 г. на самом деле?

Все подробности тотемской трагедии можно было бы узнать из материалов следственного дела, которое велось в 1673–1674 гг. в Москве в «Разбойном приказе». Однако нам, к сожалению, указанный источник обнаружить пока не удалось. Тем не менее, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде «Приказных дел старых лет» сохранился другой документ, касающийся этих событий – «Отписка» об исполнении указа, отправленная в октябре 1674 г. царю Алексею Михайловичу тотемским воеводой Иваном Волконским и подьячим Григорием Зыковым. На обратной стороне документа отмечено, что

в Москву он был доставлен «декабря в 29 день с тотменином послужным человеком с Макарком Пивоваровым» (РГАДА. Ф. 141. Л. 1-2).

Из текста «Отписки» видно, что жительница Тотьмы «жонка Федоска» была задержана и посажена в тюрьму «за воровство» (в старину так именовали широкий круг преступлений, а не только кражу) ещё при воеводе Фёдоре Андреевиче Квашине, который правил в Тотьме в 1673 г. Федосью обвинили в том, что она наслала «порчу» на некую Татьянку, невестку Бориски Линькова из Тиксненской волости. Следуя законам того времени, обвиняемую подвергли жестоким пыткам. Не выдержав истязаний палача, несчастная Федоска во всём «винилась», то есть признала свою вину. После чего из Тотьмы в Москву последовал запрос о её наказании (РГАДА. Ф. 141. Л. 1-2).

Согласно «Соборному Уложению 1649 г.» отравление «зельем» квалифицировалось как умышленное убийство, и виновный в нём подлежал казни. Наказание за колдовство было страшным: по указу 1653 г. «ведьмы», «колдуны» и их приспособления для предсказаний и сглаза (отреченные, гадательные, еретические книги) требовалось сжечь, а дома снести. Виновных лиц велено было как «врагов божьих» жечь в срубах. Исследователи отмечали, что жертвами таких «ведовских» дел чаще всего были женщины. По представлениям того времени, именно они легче всего входили в сношения с дьяволом и иной нечистой силой. Женщин обвиняли в том, что они портят погоду, посева, что они виновницы голода и неурожая, что они могут насылать болезни и порчу на других людей (Грекулов, 1964. С. 30-32). С.В. Максимов в качестве примера такого рода наказания привёл следующее: «При царе Алексее, старицу Олену сжигают в срубе, как еретицу, с чародейскими бумагами и кореньями, после того,

как она созналась, что портила людей и некоторых из них учила ведовству» (Максимов, 1903. С. 116-117).

Оставленной «для покаяния» в тотемской тюрьме Федосье оставалось лишь ждать исполнения своей горькой участи. Тюрьма в Тотьме располагалась в стенах старинного, построенного ещё при царе Иване Грозном острога (возобновлённого в 1613 г.), стоявшего на вершине плоского холма при впадении реки Песьи Деньги в Сухону. Кроме тюрьмы, в остроге находились также воеводский двор, две деревянные церкви (Богородицкая и Богоявленская), колокольня-четверик, часовня, колодезь и осадные дворы «лучших» людей из посада Тотьмы и Усолья. Здесь, в остроге, и провела Федосья несколько месяцев... Решивший её судьбу царский указ «за приписью» дьяка Семёна Домашнева был доставлен в Тотьму 25 августа 1674 г. (Кузнецов, 2010. С. 108-109; РГАДА. Ф. 141. Л. 1-2).

Рассматривая содержание последовавшей на этот указ «Отписки», обратимся к «Переписной книге Тотьмы и уезда 1676–1678 гг.», которая также находится на хранении в РГАДА, и отметим, что в данном источнике ни в одной из деревень Тиксненской волости крестьянин Бориска Линьков не значится. (РГАДА. Ф. 1209. Л. 148-179) Вероятно, вскоре после завершения следственного дела он перебрался на жительство в одну из соседних весей. Однако возможны и иные причины его отсутствия. Для нас же важно, что «Отписка» 1674 г. содержит первое известное документальное свидетельство о типичной тиксненской фамилии Линьков (в старину писалась и как Ленков, и Леньков). Упомянутый в ней Бориска вполне может быть предком всех современных Линьковых из деревень Тотемского района Вологодской области – Погорелово, Горбенцево, Фоминское и заброшенной уже Тетеревихи.

Тиксненская волость в XVII в. находилась в западной части обширного Тотемского уезда. Более двух десятков её деревень стояли по берегам рек Тиксна, Вопра и Лизна. Через Тиксненскую волость проходила важнейшая сухопутная дорога из Вологды на Тотьму (и далее – в Устюг). В центре волости находился Тиксненский Спасо-Преображенский погост, известный тем, что в первой половине XVII столетия на нём подвизался преподобный Вассиан Тиксненский – местночтимый святой. От этого погоста, расположенного при слиянии рек Вопра и Тиксна, до Тотьмы было 45 вёрст. В Тиксненской волости начиналась и другая важная дорога, которая вела в южном направлении. Около села Благовещенского (ныне – Красное) она пересекала реку Сухону, шла вдоль реки Толшмы (волость носила аналогичное название), затем через сухонско-костромской водораздел под названием Чаловы горы доходила до города Солигалича. От Тиксны до него было 70 вёрст. Соль Тотемская (Усолье Тотемское) и Соль Галицкая всегда были тесно связаны друг с другом через добычу и торговлю солью, а Тиксненская волость находилась как раз в самом важном узле этого торгового маршрута. В качестве любопытной взаимосвязи Тотьмы и Солигалича можно назвать также именование двух церквей Входа Господня в Иерусалим, которые располагались на въезде в каждый из этих городов, то есть в начале и в конце упомянутой выше торговой дороги. Кроме тотемского храма, в пределах всей Вологодской области есть ещё только одна Входиерусалимская церковь (в бывшем Сосновецком монастыре на реке Глушице; храм надвратный, что и объясняет его наименование), и этот факт лишней раз указывает на тесную связь Тотьмы и Солигалича в старину (*Кузнецов, 2010. С. 10*).

Далее в «Отписке» говорится, что «велено ее, Федоску, в том воровстве допросить, подлинно ли она Соли Галицкой Зашугомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря у крестьянина у Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась, и травы ей он указывал». В этой фразе имеется явная ошибка. Дело в том, что ныне заброшенная деревня Пензино (Пензина) стояла в старину в междуречье Тутки и Костромы к западу от города Солигалича, в пределах Березницкой волости. Прежде она в самом деле принадлежала монастырю, но не Троицкому, как указано в «Отписке», а московскому Успенскому Симонову (*Белоруков, 2000. С. 394*). Зашугомская же волость находилась к северу от Солигалича, на самой границе с Тотемским уездом, чуть в стороне от дороги, соединявшей Тотьму и Тиксненскую волость с солигаличскими землями. В списках деревень Зашугомской волости XVII–XVIII вв. деревня Пензина не значится, но церковный погост (а не монастырь) именовался там Троицким. Даже на картах Костромской губернии XIX в. вместо современного села Зашугомье регулярно писалось село Троицкое. Кто тут напутал: сама Федосья на допросе или подъячий с воеводой при составлении «Отписки», сказать уже сложно.

Упомянутый же в документе крестьянин Афонка Куракин, возможно, был «ведун», то есть знатоком трав, которыми он лечил людей. К таким знахарям во времена царя Алексея Михайловича светская и духовная власти относились враждебно. Часто дело доходило до преследования этих людей. Так, например, в 1647 г. Василий Носов из Царевской волости Тотемского уезда во время драки со своим братом Осипом назвал его «ведун», (*Богословский, 1909. С. 204*) о чём тут же свидетелями драки было донесено куда следует. И Осипу пришлось потом долго доказывать, что он не «ведун»...

Поэтому и в случае с Федосьей, возможно, обучившейся использованию лечебных трав у Афонки Куракина, последний также мог быть подвергнут наказанию.

К сожалению, цитируемый документ умалчивает, каким образом и при каких обстоятельствах тотемская «жонка Федоска» познакомилась с солигалицким «ведуном» Афонкой Куракиным. Ведь географически их разделяло расстояние более ста вёрст. Однако учитывая развитые торговые связи, существовавшие между Солигаличем и Тотьмой в XVII в., о которых свидетельствуют и «Таможенные книги» того периода, удивляться этому факту не приходится. В.А. Дудин в книге «Из истории Совети» приводит многочисленные примеры торговых операций жителей Солигалича и солигалицких волостей на рынке Тотьме. Кроме соли, туда везли изделия из дерева, в частности, домашнюю утварь, а также лён и сельскохозяйственную продукцию, особенно хлеб и мясо домашней птицы. Обрато привозили меха пушных зверей, рыбу; осуществляли различные имущественные сделки. Торговля стимулировала и развитие деревенских ремёсел и сельского хозяйства. В свою очередь, ремесленники и крестьяне, работая на рынок, способствовали развитию внутренней торговли, а значит, уменьшали замкнутость отдалённых уголков сельского мира тотемской и солигаличской земель (Дудин, 2014. С. 73-74).

Костромской краевед Д.Ф. Белоруков, автор книги «Деревни, сёла и города Костромского края», считал, что Федоска сама родилась в деревне Пензино (ныне – территория Солигаличского района). (Белоруков, 2000. С. 394) Но, по-видимому, слова из «Отписки» «велено ее, Федоску, в том воровстве допросить, подлинно ли она Соли Галицкой Зашугомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря

у крестьянина у Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась» Д.Ф. Белоруков истолковал неверно: в Пензине жил именно Афонка Куракин, а сама Федосья, как говорится в заголовке «Отписки», проживала в Тотьме: «о сделании допроса тотемского жителя жене Федосье и о казнении ее смертью» (РГАДА. Ф. 141. Л. 1-2). Каких-либо других сведений о её происхождении и социальном статусе в указанном источнике нет...

Вступивший в 1674 г. в должность новый тотемский воевода князь Иван Михайлович Волконский, исполняя полученный на запрос царский указ, повторно допросил находившуюся под стражей Федосью. При нём она показала, что Татьянку из Тиксененской волости «не портила, а кто ее испортил, про то не ведает». Также Федосья настаивала, что «у Афонаски Куракиных тако ж воровству она не училась и про то дело ни про што не ведает. А что, де, она перед воеводою перед Федором Квашниным в том воровстве винилась, будто тою жонку Татьянку испортила она, Федоска, и она, де, тем себя поклепала, говорила на себя напрасно, непретерпя пыток» (РГАДА. Ф. 141. Л. 2).

Тем не менее, воевода Волконский к оправданиям Федосьи остался равнодушен и, опираясь на «Соборное Уложение» и царские указы повелел женщину казнить: «зжечь в струбе при многих людех, чтоб то смотря иным людям впредь неповадно было так воровать и людей портить». Иными словами, воевода дал согласие на публичную казнь с «профилактическими» целями – «чтоб другим неповадно было» заниматься порчей и ведовством.

Заключительные строки «Отписки» звучат так: «И по твоему Великого Государя указу и по грамоте та жонка Федоска на Тотьме казнена смертью, сожжена в струбе при многих людех в нынешнем году сентября в 29 день» (РГАДА. Ф. 141. Л. 1-2).

Это была единственная огненная казнь человека в Тотме за всю её известную историю. Почему в XVII в. людей сжигали в срубках? Что за странный способ лишения жизни?

В Древней Руси у язычников существовал обряд огненного погребения в срубке или на костре, который был призван помочь усопшему сразу уйти в блаженные дали потустороннего мира. При первом русском царе Иване Грозном об этом обряде вспомнили снова, но стали применять его уже как способ казни к различного рода «еретикам», то есть к людям, чьи взгляды или действия отличались от государственной, а в особенности от религиозной, доктрин. Русская православная церковь в своё время восприняла ветхозаветную традицию погребения тел умерших в земле (сожжение мёртвых у древних евреев применялось только в качестве позорного наказания). Подобная позиция подразумевала важность захоронения тела умершего христианина и, соответственно, нежелательность сожжения тела (Карпов, 2008. С. 150-151).

Для сожжения обречённых рубились небольшие срубки, похожие на колодезные.

Иногда в них устраивалась даже дверца, иногда обходились без неё. Внутри срубка помещался осуждённый на казнь человек. Всё оставшееся пространство срубка заполнялось хворостом, паклей и смольём. В отличие от стран Западной Европы, где «ведьм» и «еретиков» инквизиция жгла преимущественно на открытых кострищах и страдания людей были видны собравшимся на площади зрителям, русский способ можно признать даже в чём-то «гуманным».

Где произошло тотемское «аутодафе»? В сохранившейся «Отписке» данных об этом нет. Но, можно предположить, что несчастную «жонку Федоску» сожгли там, где ныне в Тотме находится Торговая площадь. Известно, что в XVII в. по русским городам с очень плотной деревянной застройкой каждое лето издавались указы о запрещении топки печей в избах и каменок в банях, с целью предотвращения пожаров. И хотя Федосью казнили осенью, для сожжения в срубке, конечно же, требовалось открытое место, каким на тогдашнем тотемском посаде и была Торговая площадь, чуть пониже Климентовской деревянной церкви.

Ниже документ из РГАДА впервые публикуется полностью.

Приложение

1674 г. декабря 29. – Отписка Ивана Волконского да подъячего Григория Зыкова о сделании допроса тотемского жителя жене Федосье и о казниении её смертию¹.

(л. 1) «Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу холопы твои Ивашко Волконской² да подъячей Гришка Зыков³ челом бьют.

В прошлом, Государь, во 182 годе августа в 25 день⁴ прислана твоя, Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, грамота из Приказу Устюжской чети на Тотму к нам, холопом твоим, за приписью дьяка Семена Домашнева⁵.

¹ РГАДА. Ф. 141. (Приказные дела старых лет). Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1–2.

² Волконский Иван Михайлович – царский стольник и воевода. Умер в 1678 г. – Прим. авт.

³ Зыков Григорий – подъячий. – Прим. авт.

⁴ Дата 25 августа 1674 г. в переводе на новое летоисчисление соответствует 25 августа 1674 г. Все последующие даты, указанные в этом документе относятся также к 1674 г. Слова «в прошлом...» применяются здесь в соответствии со старым летоисчислением, когда календарный год на Руси начинался с 1 сентября. – Прим. авт.

⁵ Домашнев Семён Филатьевич – царский дьяк в 1668–1692 гг. – Прим. авт.

А в той Великого Государя грамоте написано: Велети б нам, холопом твоим, по твоему, Великого Государя, указу и по градицким законам на Тотме жонку Федоску⁶, которая была посажена в тюрму за воровство, что она испортила Тотемского уезду Тиксенской волости Борискову невестку Линкова, жонку Татьяну, и в том воровстве при воеводе при Федоре Квашиине⁷ с пыток винилась, казнить смертию – эжечь в струбе при многих людех, чтоб на то смотря иным людям впред неповадно было так воровать и людей портить.

А у казни, Государь, велено ее, Федоску, в том воровстве допросить подлинно ли она Соли Галицкой Зауругомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря у крестьянина у Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась и травы ей он указывал.

И по твоему Великого Государя указу велели мы, холопы твои, тою жонку // (л. 2) Федоску казнить и о том роспросить. И в роспросе, Государь, она, Федоска, про порчу Тиксенские волости Борисковы невестки Линкова, Татьянки, запыралась, а сказала, что, де, она ее не портила, а кто ее испортил про то не ведает. А у Афонаски Куракиных тако ж воровству она не училась и про то, де, дело ни про што не ведает. А что, де, она перед воеводою перед Федором Квашииным в том воровстве винилась, будто тою жонку Татьянку испортила она, Федоска, и она, де, тем себя поклепала, говорила на себя напрасно, непретерпя пыток. И по твоему Великого Государя указу и по грамоте та жонка Федоска на Тотме кажнена смертию, сожжена в струбе при многих людех в нынешнем во 183 году сентября в 29 день⁸. // (л. 1 об.) «Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу».

Далее здесь же помета другим почерком:

«<Доставлена в Москву> 183 году декабря в 29 день⁹ с тотменином послужным человеком с Макаркою Пивоваровым».

⁶ Феодосия – в заголовке архивного дела, составленном в XIX в. указано, что она «жена тотемского жителя». Однако в самом источнике указания об её происхождении и месте жительства нигде не приводится. На наш взгляд, вероятно, она уроженка всё той же Тиксенской волости, что и её жертва, или же из какой-то соседней веси. Обвинённая в преступлении, вряд ли «Федоска» сама была «ведьмой» или «знахаркой», которая занималась «порчей» людей на постоянной основе, тогда бы в источнике о том были указаны и иные свидетельства. Скорее всего, здесь замешана обычная женская месть сопернице, которую она пыталась извести с помощью «трав» и «порчи». Возможно, у этой «Федоски» были и какие-то другие мотивы, сподвигнувшие её на преступление. – Прим. авт.

⁷ Квашинин Фёдор Андреевич – в 1662 г. воевода Тверской, в 1673 г. воевода Тотемский, в 1680 г. воевода Гдовский. – Прим. авт.

⁸ Дата 29 сентября 1718 г. соответствует 29 сентября 1674 г. – Прим. авт.

⁹ Дата 29 декабря 1718 г. соответствует 29 декабря 1674 г. – Прим. авт.

Список литературы:

1. Белоруков Д.Ф., 2000. Деревни, сёла и города Костромского края: Материалы для истории. Кострома.
2. Богословский М.М., 1909. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Часть 1. М.
3. Грекулов Е.Ф., 1964. Православная инквизиция в России. М.
4. Дудин В.А., 2014. Из истории Совети. Кострома.
5. Карпов А.В., 2008. Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб.
6. Кузнецов А.В., 2010. Старая Тотьма на старой карте: Очерки исторической географии родного края. Тотьма-Вологда.
7. Максимов С.В., 1903. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.
8. Попов В.Т., 1886. Город Тотьма Вологодской губернии: Исторический очерк. Вологда.
9. Соловьев С.М., 1870. История России. Т. XIII. Изд. 2. М.
10. Отписка Ивана Волконского да подъячего Григория Зыкова о сделании допроса тотемского жителя жене Федосье и о казнении её смертию. // РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. 1674 г. декабря 29.
11. Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом переписи писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подъячего Емельяна Телицына 1676–1678 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050.

СОСТАВ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ МОНАСТЫРСКИХ ЦЕРКВЕЙ Г. ГАЛИЧА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Кузьмичёв И.А.

ОГБУК "Костромской музей-заповедник", г. Кострома

Аннотация: В статье представлены результаты анализа состава книжных собраний монастырских церквей г. Галича первой трети XVII в. по писцовым материалам и музейным коллекциям. Выявлены закономерности и масштаб распространения продукции Московского печатного двора.

Ключевые слова: Московский печатный двор, печатные книги, рукописи, монастыри.

COMPOSITION OF BOOK COLLECTIONS OF MONASTERY CHURCHES OF GALICH CITY IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY

Kuzmichyov I.A.

OGBUK "Kostroma Museum-Reserve", Kostroma

Summary: The article presents the results of the analysis of the town monasteries churches book collections in the first third of the 17th century in Galich. By using old property inventories of churches and modern museum collections the regularities and scale of distribution of products of the Moscow print yard are revealed.

Key words: Moscow Printing Yard, printed books, manuscripts, monasteries.

Изучение состава книжных собраний монастырских церквей г. Галича первой трети XVII в. продолжает освещаемую нами ранее тему «библиотек» галичских приходских церквей. В рамках настоящей работы мы продолжим оценивать влияние Московского печатного двора на провинциальные культурные центры, роль печатной книги в жизни монастырского прихода.

Исследователь печатной «московской кни-ги» М.А. Лебедь отмечает, что решить поставленные задачи «возможно только на основании изучения сохранившихся экземпляров инте-ресующих нас изданий» (Лебедь, 2011. С. 14). Мы не можем полностью согласиться с этим утверждением, и наше исследование опирается в большей степени на писцовую книгу г. Галича письма и меры кн. Никифора

Яковлевича Мещерского, Никиты Ивановича Беклемишева и подьячего Феоктиста Тихомирова 1627/28 – 1635 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92).

На посаде г. Галича в первой трети XVII в. находилось три монастыря, в каждом из которых имелось по две церкви: 1) Девичий Зачатьев-ский монастырь с храмом во имя зачатия св. Анны и церковью во имя св. Богоотец Иоакима и Анны; 2) Монастырь Василия Кесарийского с церковью во имя Василия Кесарийского и церковью во имя Введения Пресвятой Богородицы; 3) Монастырь Николая Чудотворца на Староторжье с храмом во имя Великого Чудотворца Николая и церковью во имя св. мученика архидиакона Стефана.

История перечисленных обителей изучена слабо. К XIX в. продолжал своё существование только Никольский

Староторжский монастырь, ставший с 1668 г. женским. На месте монастыря Василия Кесарийского, который, вероятно, был уничтожен пожаром в начале XVIII в., (Материалы для истории костромской епархии, 1895. С. 16-17) построили две каменные церкви, сохранившие свои старинные названия. Зачатьевский же монастырь был упразднён в 1759 г., так как «пришёл в изнеможение». (Упраздненные

монастыри Костромской епархии, 1909. С. 25) Двух стариц, единственных оставшихся жителей обители, перевели со всем хозяйством в Никольский Староторжский монастырь (Памятная книга для Костромской епархии, 1868. С. 131).

Для описания состава собраний монастырских церквей г. Галича, кроме разделения литературы на печатную

Таблица 1. Приходы Зачатьевского монастыря (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92. Л. 45 об.)

№	Наименование	Печатные	Рукописные
1.	Евангелие напрестольное	1	1
2.	Апостол		1
3.	Устав		1
4.	Полуоктай	2	
5.	Шестоднев		1
6.	Триодь постная	1	
7.	Триодь цветная		1
8.	Минея месячная	4	8
9.	Минея общая		1
10.	Служебник	1	1
11.	Псалтырь	1	
12.	Часовник	1	
13.	Пролог		1
14.	Трефологион		2
15.	Соборник		2 (?)
16.	Канон Ризе Господней в тетрадах		1 (?)
Итого		11	21

Таблица 2. Приходы монастыря Василия Кесарийского (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92. Л. 47 об.)

№	Наименование	Печатные	Рукописные
1.	Евангелие напрестольное печать литовская	1	
2.	Толковое евангелие		1
3.	Полуустав		1
4.	Шестодневец	1	1
5.	Триодь	2	
6.	Минея месячная	17	
7.	Минея общая	1	

8.	Псалтырь печать литовская	1	
9.	Часовник печать литовская	1	
10.	Пролог		1
11.	Трефологион		1
12.	Соборник		1 (?)
13.	Канон Ризе Господней в тетрадах		1 (?)
Итого		24	21

Таблица 3. Приходы монастыря Николы Чудотворца (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92. Л. 48 об.)

№	Наименование	Печатные	Рукописные
1.	Евангелие напрестольное		1
2.	Апостол печать литовская	1	
3.	Полуустав		1
4.	Шестоднев	1	
5.	Псалтырь «ветхоя»		2
6.	Ирмологий		1
7.	Триодь	2	
8.	Соборник		1 (?)
9.	Служебник печать литовская	1	
10.	Трефологион		1
Итого		5	7

продукцию и рукописи, возьмём самую широкую классификацию книг: 1) богослужебные, 2) книги для чтения.

В целом, приходы при монастырях г. Галича, в сравнении с посадскими церквями, имели более значительные книжные собрания, размер которых доходил до 32 экземпляров. Переписчик не всегда пояснял характер происхождения книги, поэтому некоторые экземпляры отнесены нами к рукописям лишь по косвенным признакам. Примерами могут служить «псалтырь ветхоя» и «ермолой» из приходов монастыря Николы Чудотворца. В одном случае нам помогает характеристика физического состояния предмета. Первый же печатный ирмологий появляется только в начале 40-х годов XVII в. (Казанцева, 1997). Аналогичным образом к рукописям были

отнесены: пролог (первое издание пролога (на сентябрь-февраль) вышло 29 августа 1641 г.) и «трефолой» (первое издание трефологиона на МПД относится к 1637-38 гг.).

В приходах Зачатьевского монастыря и монастыря Николы Чудотворца соотношение рукописей и печатных изданий на конец первой трети XVII в. было сопоставимо. На этом фоне и на фоне собраний посадских церквей сильно выделяются приходы монастыря Василия Кесарийского с резким преобладанием печатных книг.

Подавляющее число печатных экземпляров можно отнести к церковно-богослужебной литературе. Особенно впечатляет количество миней, что точно соответствует политике «книжной справы» патриарха Филарета, при содействии

которого был реализован проект издания годового цикла миней в 12 томах.

Некоторые особенности книжных собраний монастырских приходов г. Галича заслуживают отдельного внимания. Церкви при монастырях продолжали активно использовать рукописные евангелия и книги литовской печати. Последних насчитывается 5 экземпляров, в то время как подобный пример в приходских церквях города мы встречаем лишь единожды: «Апостол печатной литовской печать» (*РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92. Л. 40об.*). Постоянно встречаемое нами разделение книг на московскую и не московскую печати являлось, по всей видимости, обязательным условием описания книжных собраний. Полученная информация должна была лечь в основу исполнения указов о запрете, конфискации и замене книг «Кирилова слогу», изданных не на столичном Печатном дворе (*Драгункова, 2008. С. 62*).

В целом, состав библиотек во многом определялся потребностями церковной службы. Редко встречаются экземпляры, предназначенные для чтения. Во всех монастырских церквях г. Галича мы находим только одно рукописное толковое евангелие, два рукописных пролога и четыре сборника.

В собрании Костромского музея-заповедника на данный момент не выявлено ни одного экземпляра рукописной или печатной книги, принадлежавшей в XVII в. монастырским приходам г. Галича. С определённой долей осторожности выдвигают предположение, что древнейший известный письменный памятник города — Галичское евангелие хранилось в Никольском Староторжском монастыре. Нам известен пример использования рукописи на пергамене

в XVII в. Однако в этом случае писцы отметили материал, из которого была изготовлена книга. Поэтому у нас мало оснований считать отмеченное в таблице № 3 напрестольное рукописное евангелие «харатейной книгой».

Скучно представлен книжными памятниками один из древнейших, ближайших к городу Паисиевский монастырь. Основанный предположительно в XV в. на боярской земле, ко второй половине XVI в. он стал крупным вотчинником. По утверждению А.Г. Авдеева, среди всех обителей округа монастырь выделялся размерами своих владений. Только в Ровдином стане ему принадлежало: «три села, 35 деревень, 8 починков и 55 пустошей» (*Авдеев, 2001*).

В нашем распоряжении имеется три печатных книги второй половины XVII в., принадлежавших Паисиевскому монастырю: Акафистник 1693 г. Киев; Скрижаль 1656 г., Москва; Служебник с соборным свитком 1668 г., Москва. Все они, судя по многочисленным пометам XIX в., были частью обширной монастырской библиотеки.

Таким образом, в отличие от посадских церквей, в монастырских приходах Галича медленнее шёл процесс введения в обиход священно-богослужебных книг, изданных Печатным двором. Кроме того, продукция Московского печатного двора конкурировала не только с рукописями, но и с книгами «литовской печати», замена которых активно началась только в конце 20-х годов XVII в. Однако, с учётом огромного количества месячных миней, к концу первой трети XVII в. экземпляры, поступившие из Москвы, могли покрыть до половины общей потребности монастырских приходов в церковно-богослужебной литературе.

Список литературы:

1. Авдеев А.Г., 2001. Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV-XVII вв. // РД. Вып. 7. М. С. 314-347.
2. Драгункова М.С., 2008. Записи XVII века на евангелиях учительных московской печати XVII века в собрании Российской государственной библиотеки // Историческое обозрение. М. С. 62-66.
3. Казанцева М.Г., 1997. Печатный ирмологий и рукописная традиция // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург. С. 65-87.
4. Лебедь М.А., 2011. Судьбы московских служебных миней 1619-1630 гг. Издания и их владельцы в XVII в. // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. № 3. М. С. 12-21.
5. Материалы для истории костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церковей 1628-1710 и 1722-1746 гг. Кострома, 1895.
6. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92.
7. Самарянов В.А., 1868. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома.
8. Упраздненные монастыри Костромской епархии. М., 1909.

ИЛЕШЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ ПО ДОЗОРНОЙ КНИГЕ 1616 ГОДА

Кузьмичёва О.В.

ОГБУК "Костромской музей-заповедник", г. Кострома

Аннотация: На основе Дозорной книги 1616 г. в статье раскрываются некоторые аспекты хозяйственной жизни «черной» Илешевской волости, уточняется граница между Илешевской и Шишкелевской волостями Кологривской осады, а также вводятся в научный оборот новые ономастические сведения.

Ключевые слова: «Черная» волость, Дозорная книга, Илешево.

ILESHEVSKAYA VOLOST ACCORDING TO THE SURVEY BOOK 1616

Kuzmichyova O.V.

OGBUK "Kostroma Museum-Reserve", Kostroma

Summary: Based on the Sentinel book of 1616 the article reveals some aspects of the economic development of the "black" Ileshevskaya volost, clarifies the boundaries between the Ileshevskaya and Shishkelevskaya volosts of the Kologriv's siege and introduces new onomastic information into scientific circulation.

Key words: "Black" volost, Sentinel book, Ileshevo.

Древние Илешевские края упоминаются в письменных источниках с 1579 г., когда Иван Грозный готовился к военному походу на Ливонию и собирал войска с разных волостей. «Государь царь и великий князь Иван Васильевич, со всеми бояры приговорили ему прося у бога милости итить на свое государево дело иноземское на немецкую и Ливонскую земли». (*Разрядная книга 1475-1605 гг., 1984. С. 53; Древняя Российская Вивлиофика, 1790. С. 349*). Согласно текстам Разрядной книги 1475-1605 гг. разных изданий, Иван Васильевич собирал людей «и с Ышкелева/ Сышкелева», а также «из Лещова (- и из Лешева О)/ и из Лешова». (*Разрядная книга 1475-1605 гг., 1984. С. 62; Древняя Российская Вивлиофика, 1790. С. 352*).

Таким образом, в XVI веке упоминается только Шишкелев и Илешево как самостоятельные административно-территориальные единицы без прилегающих к ним земель. Их принято именовать погостами.

Вероятно, деления кологривских земель на волости в то время еще не было. Само понятие «волость» в отношении данных территорий появляется лишь в начале XVII века при новой династии Романовых, одной из первоочередных задач которой было выстраивание системы налогообложения. Решение этой задачи не представлялось возможным без грамотно составленных описаний различных населенных пунктов, существовавших на территории Российского государства. Дозорные, переписные, писцо-вые, межевые книги являются очень важными источниками в изучении истории XVII века.

В данной статье анализируется фрагмент «Дозорной книги городов Парфеньева и Кологрива и черных волостей Парфеньевской, Кологривской и Унженской осад письма и дозора Семена Федоровича Сытина и подъячего Леонтия Софонова», позволяющий пролить свет на отдельные аспекты хозяйственной жизни

Илешевской волости начала XVII в. (РГАДА. Ф. 1209 Поместного приказа. Кн. 345).

Описание Илешевской волости содержится на 25 листах книги (с 96-го листа по оборот 120-го листа включительно) и представляет собой стандартное для дозора перечисление 58 черных деревень, 12 починков и 1 пустоши. Далее пояснялось географическое местоположение, перечислялись владельцы дворов, указывались размеры пахотных земель (в четях), количество заготовленного сена в копнах (10 копен приходилось на 1 десятину), пашенный и непашенный лес (в десятинах) и количество вытей «в живущем» (единиц податного обложения, привязанных к площади земельного участка). Благодаря такому описанию можно проследить весь земледельческий цикл «лес — пашня — сенокос — и снова лес», в котором все земли постоянно находились в обороте, исключая тем самым бесконечную вырубку лесов.

1 выть в Илешевской волости, судя по Дозорной книге, включала в себя 14 четей пахотной земли «в дву потомуж». В системе трехполя, когда на разных полях засеивались по очереди озимые и яровые, а третье — оставалось «под паром», писцы указывали площадь «1 поля», подразумевая, что это лишь третья часть. Случаи, когда земля становилась перелогом, писцы указывали отдельно. Например, в Овсяникове большом «пашни паханые средние земли дватцат восемь чети да перелогом три чети с осминою в поле а в дву потому ж». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 99). В Бурдове — 14 четей, «да перелогом 2 чети». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 101об.).

Не отличаясь высоким плодородием, но не являясь в то же время слишком скудными, земли Илешевской волости принадлежали к категории «средних». На одну деревню приходилось от 10 до 20 четей пашенной земли. Наиболее крупными

по количеству обрабатываемой земли (более 20 четей) были деревни: Горка (37), Овсяниково большое (28 да перелогом 3 чети с осминою), Высокая (23), несколько деревень по 21 чети: Княгинино, Плоское, Еркино, Ивакино, Белоглазая, Слеповская, Раменка, Королево на речке Паломе, Шаева.

Меньше всего земли обрабатывали в починках (от 2 до 7 четей), а среди деревень — в Саватовице (5), по 7 четей — в Токареве, Минкине, Ярославцово, Ерганово. Вероятно, по причине малых площадей земли, именно эти деревни раньше, чем остальные, приходили в запустение.

Характерно, что и сенных покосов, а соответственно и заготавливаемого сена, было больше там, где земельные наделы были крупнее. В среднем на деревню приходилось от 12 до 20 копен. Больше всего копен указано в деревнях: Ивакино — 50 (примерно 5 десятин сенных покосов), Горка — 40, Слеповская — 38, Белоглазая — 35, Княгинино, Вонюх, Плоское, Раменка — 30, Плетешово, Овсяниково большое, Зеленино, Еркино — 25, Шаблово, Березник — 20. Всего писцы насчитали 1159 копен, что соответствует примерно 116 десятинам.

Стоит отметить, что размер земельных наделов, а соответственно и налог, не зависели напрямую от количества дворов в деревне. Так, например, 1 выть (с 14-ти четей) в Бурдове взималась с 10 дворов, в деревнях Улитино, Олешино, Суховерхово — с 7 дворов, в Шаблове, Урме, Березнике — с 6 дворов, в Деревеньке, Журавкине, Капустине, Павликове — с 5 дворов, в Тодине, Олонине, Белавине, Мичурине, Овсяникове меньшом — с 4 дворов. Налог зависел не от количества земель, а от их качества и от имущественного положения крестьян.

Помимо земельного налога, взимался оброк с мельниц в деревнях Княгинино и Шаево: «под княгининоу меленка

колотовка на речке на пеженге на оброке за онисимком букиным а оброку он платит с тое меленки по четыре алтына на год» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 96); под «шаевою меленка колотовка на речке на юросе за крестьянином за гришею рагозиным с товарищи на оброке а оброку ему платит тое меленку в государеву казну по три алтын по две денги на год». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 115).

Согласно Дозорной книге, некоторым крестьянам временно предоставлялись льготы за то, что они брали в обработку те земли, которые ранее находились «впусте», переводя их тем самым в категорию «в живущем». Так, например, крестьянин Гришка Степанов, получив две чети льготной земли, основал починок на месте пустоши Бояринцово. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 106об.). В то же время, если крестьянин получал в надел участок, который ранее обрабатывался, то льготы не предоставлялись. Например, в деревне Бурдово «сцол безвесно Симанко Чюпин», оставив пустым свой двор, который на пять лет перешел крестьянину «Федке Чюпину» (вероятно, родственнику) «бизо лготы». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 101об.). Также льготы не предоставлялись крестьянам вновь образованных починок, которых на 1616 год из 12 насчитывалось 4: Данилов, Федоровской, Завней, Зубарев.

Отражен в Дозорной книге и обратный процесс, когда починок становился пустошью. Такова была судьба починка Титкова на Унже. В нем числилось по Дозорной книге место дворовое, «пашни перелогом и лесом поросло середние земли две чети». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Лл. 113об.-114).

Всего в Илешевской волости было выявлено 1/8 (0,125) выти льготной земли, 3/8 (0,375) выти пустой земли. «В живущем» — 66,23 вытей.

По количеству дворов самым крупным из починок был починок Ковурцов.

(РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 107). В нем числилось 5 дворов, пашенной земли 14 четей, равнявшихся 1 выти. Самые крупные деревни по количеству дворов — Большое Овсяниково, Бурдово, Горка (по 10 дворов).

В Дозорной книге указывались только дворовладельцы, составы их семей определить невозможно. Дворы бобылей и бобылих указывались отдельно. Всего бобыльских дворов насчитывалось 68, крестьянских — 281. Среди крестьян в редких случаях встречается упоминание вида деятельности. Например, в деревне Еркино на реке Капустнице проживал токарь — Панфилко Сидоров сын (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 109об.), в деревне Горка на Княжей речке — кузнец Сабурко Власев сын (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 110), в Овсяникове меньшом — кровопуск Федка Парфенев сын. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 98об.). Интересно, что в деревне Шаблово, единственной из Илешевской волости, упоминается Иванко пономарь (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 101), двор которого посчитан в итоговой выписке отдельно как «двор попов». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 118об.).

Иногда в илешевских деревнях оказывались выходцы из других краев. Например, в Бурдове жил «бобыл федка чухломец» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 101об.), в деревне Павликово на речке Павлычовке — «еремка ондреев костромитин». (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 108об.).

Определенный интерес представляет анализ крестьянских фамилий с точки зрения широты распространения родственных связей. Например, в деревне Олоино жил крестьянин Федка Чирятев (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 108), а в Чежме — двое крестьян с похожей фамилией — Иванко Чирятив,

Нежданко Чирятин. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 345. Л. 108об.). Возможно они являлись родственниками, а деревня Олонино, о которой сейчас мало известно, находилась недалеко от Чежмы.

Большинство населенных пунктов, указанных в книге, упоминаются в исторических источниках впервые. Спустя более 400 лет, многие из них уже невозможно найти на карте, например Лучкино, Улитино, Ерганово, Токарева, Тимова, Родяково, Таширово. Однако некоторые сохранились до сегодняшнего дня в виде жилых деревень и поселков, другие же — стали урочищами относительно недавно и до сих пор «помнят» следы человеческой жизнедеятельности. Благодаря Дозорной книге 1616 года можно выявить границу между Илешевской и Шишкелевской волостями, которая проходила примерно между находившимися рядом деревнями Акатово (Шишкелевской волости) и Плетешово волости Илешевской, а также проследить маршрут писцов, как они двигались, где пересекали р. Унжу: Княгинино — Плетешово — Биричево — Давыдово — Мичурино — Овсяниково — Зеленино — Крутец — Шаблово — Бурдово — Урма — Ивтино — Дружинино — Вокшево — Тодино — Суховерхово — Екимцево — Березник — Судилово — Волехово — Шилекша — Павликово — Чежма — Горка — Ивакино — Пехарово —

Белолазово — Померекино — Слеповская — Яковлевское — Высокое — Белавино.

Большая часть деревень и починков располагались по берегам рек и речек. Упоминаются Унжа, Плетешовка, Урма, Пеженга, Вонюх, Журановка, Капустница, Долненка, Павлычовка, Чежма, Княжая, Палома, Минка, Юрос. Интересно, что в 1870-72 гг. Суховерхово значится на безымянной речке (*Список населенных мест по сведениям 1870-72 гг., 1877. С. 206*), к тому времени название уже утратилось, а Дозорная книга дает нам возможность восстановить название — Озерка.

Таким образом, Дозорная книга 1616 года является очень важным историческим источником, позволяющим нам проследить некоторые особенности социально-экономического развития территории Илешевской волости на момент «дозора», когда все ее земли были «черными», частично восстановить картину территориального деления волости по карте, расширить гидротопонимические знания; ввести в научный оборот имена дворовладельцев, что, несомненно, увеличит возможности генеалогического анализа. Публикация текста всей Дозорной книги, способной дать массу новых сведений для исследователей, является перспективным направлением научной деятельности.

Список литературы:

1. Разрядная книга 1475-1605 гг. Том III. Часть I. /под ред. Н.Г. Савича, В.И. Буганова. М., 1984.
2. Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся. /Изд. Н. Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Изд-е второе. Часть XIV. М., 1790.
3. Дозорная книга городов Парфеньева и Кологрива и черных волостей Парфеньевской, Кологривской и Унженской осад письма и дозора Семена Федоровича Сытина и подъячего Леонтия Софонова. 1616 г.// РГАДА. Ф. 1209 Поместного приказа. Кн. 345.
4. Список населенных мест по сведениям 1870-1872 гг. Спб., 1877.

К ИСТОРИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА ПЛЁСА

Левашова Л.В.

ГБУ ИО «Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Плёт

Аннотация: В статье представлены результаты исследования по истории одного из Плесских храмов – церкви Преображения Господня от XVII века до наших дней.

Ключевые слова: Плёт, церковь Преображения Господня, XVII-XX вв.

TO THE HISTORY OF THE CHURCH OF THE TRANSFIGURATION OF THE CITY OF PLYOS

Levashova L.V.

State budgetary institution of the Ivanovo region “Plyos state historical, architectural
and art museum-reserve”, Plyos

Summary: The article presents the results of a study on the history of one of the Polesie churches – the Church of the Transfiguration from the XVII century to the present day.

Key words: Plyos, Church of the Transfiguration, XVII-XX century.

На западной окраине старого Плеса на высоком волжском берегу стоит церковь Преображения Господня. Это место носит название «Пустынка».

В древности здесь был мужской Спасо-Преображенский монастырь. Он был основан неизвестным монахом задолго до первого упоминания о нем в документах 1667 года (РГАДА. Ф.235. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 2261. Л.1), находился на берегу Волги, под горою, на естественной террасе, ограниченной с севера склоном к реке Волге, с юга горой, а с запада глубоким залесённым оврагом, с протекающим по нему ручьем (Ойнас, 1997. Л. 30). Все строения монастыря в то время были деревянные и было в нем всего две церкви: холодная, во имя Преображения Господня, освященная в 1667 году, и теплая, во имя Сретения Пресвятой Богородицы, построенная по храмозданной грамоте Московского патриарха Иоакима в 1678 году и освященная

игуменом монастыря Герасимом в 1682 году (Ойнас, 1997. Л. 30).

В документах сохранились имена и последующих игуменов монастыря: до 1720 года монастырем управлял игумен Никодим, а с 25 октября 1720 года в монастырь определен игумен Моисей. В апреле 1721 года в монастырь, в котором числилось всего три монаха, назначен игумен Иона. В 1727 году в монастыре числилось пять человек: иеромонах и четыре монаха. Вотчин, земельных угодий и денежных доходов за монастырем не числилось, монахи питались от вкладчиков и от своих трудов. А вкладчиками были жители окрестных поселений: купцы и мещане плесского посада, рыбные ловцы плесской Рыбной слободы, крестьяне окрестных деревень и дворяне, владевшие имениями на тяготеющих к Плесу землях (Ойнас, 1997. Л. 30).

В 1728 году деревянная церковь Преображения Господня (холодная) сгорела. Службы стали поводиться в маленькой церкви во имя Пресвятой Богородицы Владимирской, но к 1734 году и она обветшала (РГАДА. Ф.235. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 2261. Л.1). Поэтому в 1737 году стараниями иеромонаха Иосифа, казначея монаха Варсонофия и вкладчиков монастыря на месте сгоревшей была построена новая деревянная Преображенская церковь (РГАДА. Ф.235. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 2261. ЛЛ. 3,5). В 1764 году монастырь был закрыт согласно манифесту Императрицы Екатерины II о секуляризации монастырских, церковных и архиерейских вотчин. Маленькие монастыри, не имевшие собственной земли, с небольшим количеством монахов, закрывались. Обитель опустела и стала называться пустыней.

По упразднению монастыря его территория была включена в территорию города Плеса. Преображенский храм стал приходским. В документах сохранились имена служителей храма за 1782 год: священника Степана Иванова, дьякона Ивана Григорьева, дьячка Ивана Иванова и пономаря Петра Иванова. Их дома стояли недалеко от храма с северной стороны (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 6911). Приход храма был сельскохозяйственный, приписаны к нему были деревни из ближайших окрестностей (*Краткие статистические сведения о церквях Костромской Епархии, 1911. Л. 183*).

В 1833 году, рядом с Преображенской церковью было открыто новое городское кладбище. Там же планировалась постройка кладбищенской церкви, но функции последней перешли к Преображенскому храму, который в 1840 году усердием благодетелей был перестроен в камне с каменной же колокольней, так как деревянная Преображенская церковь сгорела в 1839 году (Ойнас, 1997. Л. 32).

Построена была каменная Преображенская церковь по проекту архитектора А.И. Мельникова, автора памятников Минину и Пожарскому в Москве и Нижнем Новгороде (Борзов, 2010).

Сохранилось очень краткое описание храма за 1863 год: «Каменная, с такой же колокольней, построена в 1840 году. Престолы в славу Преображения Господня; в честь Божьей Матери, празднования Ее Иконы Владимирской и Святителя Николая. Причт состоит из священника, дьякона, дьячка и пономаря. Проценты с капитала – 150 рублей, поступают в пользу причта. Земли при церкви – 1,130 кв. саж. План и межевая книга в 1839 году сгорели. Прихожан мужского пола – 288 человек, женского – 352 человека, в том числе 2 раскольницы поповщинской секты. Дворов – 110. В приходе 8 селений на пространстве 2 верст от церкви; к сообщению прихожан с церковью препятствует река Волга. Церкви принадлежит торговая лавка, состоящая в приходской слободе Серково» (Беляев, 1863. Л. 146). В храме находились несколько частиц святых мощей, но каких святых – неизвестно (*Костромской календарь ... на 1872 год. Л. 5*).

В 1871 году в Преображенской церкви служили два священника – Левашов Аркадий (отчество неизвестно) и Метелкин Иоанн Алексеевич, а также дьякон Пospelов Иван Никитович (*Алфавитный список церквей Костромской епархии, 1871. Л. 75*).

С 1876 года священником в Преображенской церкви служил Иоанн Николаевич Бушневицкий; с 29 января 1867 г. он – протоиерей. За хорошую службу был награжден 15 апреля 1872 года скуфьей и камилавкой, но имел и взыскание: был оштрафован на 20 руб. за какую-то провинность. В 1879 году ему исполнилось 66 лет (*Алфавитный список церквей Костромской епархии, 1879. Л. 153*).

В сохранившихся метрических книгах Преображенской церкви записаны имена и последующих церковных служителей:

1876-1877 гг. – протоиерей Иоанн Бушневский, пономарь Василий Пружинский, дьячок Алексей Благовещенский (*Метрические книги... 1876-1877 гг.*).

1878-1884 гг. – протоиерей Иоанн Бушневский, дьячок Алексей Благовещенский (*Метрические книги... 1878-1884 гг.*).

1885-1886 гг. – протоирей Иоанн Бушневский, причетник Петр Воскресенский, дьякон Иоанн Чудетский (*Метрические книги... 1885-1886 гг.*).

1887 г. – священник Александр Лапшин, и. о. псаломщика Петр Воскресенский, с июля – псаломщик Александр Благовещенский (*Метрические книги... 1887 г.*).

1888-1891 гг. – священник Александр Назаретский, псаломщик Александр Благовещенский, с декабря 1891 г. псаломщик Николай Урсин (*Метрические книги... 1888-1891 гг.*).

1892 г. – священник Александр Назаретский, псаломщик Иван Урсин, с 25 мая священник Николай Островский, с 25 июля – иерей Иоанн Соколов, с сентября – священник Александр Пиняев (*Метрические книги... 1892 г.*).

1893 г. – священник Александр Пиняев, псаломщик Иван Урсин (*Метрические книги... 1893 г.*).

1894 г. – священник Александр Пиняев, псаломщик Иван Урсин, с 21 мая священник Матвей Пиняев (*Метрические книги... 1894 г.*).

1895-1896 гг. – священник Матвей Пиняев, псаломщик Федор Весновский (*Метрические книги ... 1895-1896 гг.*).

1897- 1901 гг. – священник Матвей Пиняев, псаломщик Александр Звездкин, с июля 1901 г. священник Иоанн Крылов (*Метрические книги... 1897- 1901 гг.*).

1901-1908 гг. – священник Иоанн

Крылов, псаломщик Александр Звездкин (*Метрические книги... 1901-1908 гг.*).

1909-1919 гг. – священник Иоанн Крылов, псаломщик Николай Островский (*Метрические книги ... 1909-1919 гг.*).

1920 г. – священник Иоанн Крылов, и. о. псаломщика Александр Крылов (*Метрические книги... 1920 г.*).

К сожалению, о них ничего не известно, за исключением священника Иоанна Крылова, который упоминается в Справочных книжках по Костромской губернии начиная с 1905 года, потому, что кроме церковной службы занимается еще и общественной деятельностью: в 1905 году он – законоучитель Плесского приходского училища, с 1907 по 1910 год – законоучитель и учитель пения женского Плесского приходского училища; с 1911 по 1916 год – законоучитель и учитель пения в Плесском мужском приходском училище и в это же время является наблюдателем от духовного ведомства в Плесском городском присутствии по налогу с недвижимых имуществ (*Справочная книжка... на 1905-1916 гг.*).

В 1911 году были опубликованы статистические сведения о церквях Костромской епархии, в том числе и о Преображенской церкви города Плеса: «Преображенская церковь г. Плеса каменная, с такою же колокольней, построена в 1849 г. усердием благотворителей, ограды нет. Кладбище вокруг церкви и ничем не огорожено. Престолов 3: в холодной а) в ч. Преображения Господня, в теплой б) правый в ч. Владимирской ик. Б. Матери, левый во имя свят. Николая чуд. Достойны внимания во храме две аппликовые, вызолоченные створы, устроенные в них скрижалей на двух тумбах, вм. аналоев. В них помещены две кипарисовые доски с иконными на них изображениями и с частями мощей угодников, на досках изображенных. С церковного капитала в

160 р. получается %% – 6 р. 50 к. В приходе есть попечительство для призрения детей бедных родителей и сирот, состоящее в ведении Министерства Вн. Дел и общество трезвости. Расстояние от г. Костромы – 52 в., от Нерехты – 55 в., от железнодорожной станции с. Серёда-Упино – 35 в., торговый же пункт, почтово-телеграфная станция, паромные пристани и больница в самом Плесе. Ближайшие церкви городские.

П Р И Ч Т: священник и псаломщик. Средства причта: казенное жалованье священнику – 294 р., псаломщику – 98 р.; проценты с капитала в 710 р. – 28 р. 17 к.; доход от богослужений и треб: священника 225 р., псаломщика – 85 р. Для священника имеется церковный дом. Земли под церковью и кладбищем, под дорогом и ручейком, усадьбой под домами и огородами 1678 кв. саж. Для кладбища впоследствии прирезано Плесской гор. Управой 1050 кв. саж. План на землю 1782 г. и отношения Плесской гор. Управы от 5 августа 1902 г. и от 26 июля 1906 г. хранятся в церкви. Частью земли пользуются члены причта.

П Р И Х О Ж А Н муж. п. 369, жен. п. 366. Приход сельскохозяйственный. В пределах прихода есть 3 раскольн. семьи страннического толка. Приходских селений 5, на расстоянии 4 в. от церкви. Сообщению препятствует река Волга в весеннее и осеннее время» (*Краткие статистические сведения о церквях Костромской Епархии, 1911. Лл. 208-209*).

В январе 1918 года вышел Декрет об отделении церкви от государства и постепенно начинает формироваться общественное антирелигиозное сознание; активисты начинают добиваться закрытия храмов. «Одним из этапов борьбы с церковью и хранителями веры в Плесе было инициирование отречения плесских священников. Г. В. Высотская вспоминает: «Ведь их собирали, всех священников, на Соборную гору, чтобы они отреклись,

расстрились. С Варваринской-то церкви в то время уже уехал на пенсию тоже какой-то дальний родственник Высотских – Лаговский [протоиерей Николай Александрович Лаговский]. Поэтому его там уже не было. А поп Костя был, видимо, предупрежден, он скрылся. А вот с Пустынки, с Соборной горы, с Воскресенской и Петропавловской их собрали четверых, предложили расстричься. Дедушка мой отказался. «Я, – говорит, – дал клятву, я расстригаться не буду, отрекаться не буду». С Воскресенской церкви – то же самое, а вот с Пустынки и Соборки эти публично на Соборной горе прилюдно расстриглись. В общем, этих вот двух священников, их обоих, и сослали.» (*Панченко, 2007. С. 114-115*).

Преображенская церковь в Плесе закрывается одной из последних, в 1939 году: «13 июня 1939 года принимается очередное решение о закрытии теперь уже Преображенской церкви: «Принимая во внимание ходатайство граждан города Плёса, президиума Плесского горсовета и Середского райисполкома, церковь закрыть и передать горсовету под клуб». Снова преподносится как желание граждан, хотя и в этом случае граждане обращаются с ходатайством к Калинину. Несколько строчек из жалобы: «В 1937 году все священники были высланы, вновь приглашенных до сего времени райисполком не регистрирует. 11 июля 1939 года в церкви была проведена ревизия имущества, но это был погром, иконы повалили на пол, забрали кресты и подсвечники. Община просит разрешить нам открыть храм, возвратить всё взятое и восстановить сломанную в 1938 году ограду. Церковь наша в лесу при кладбище и никому не мешает». И в этой церкви в нарушение предписанного, размещается столярная мастерская, на кладбище складированы пиломатериалы, опилки» (*Закаменная, 2007. С. 72*).

В 1982 году, по постановлению Совета министров РСФСР, образуется Плесский музей-заповедник, стали выделяться некоторые средства на реставрацию храмов, на их поддерживающий ремонт; были проведены работы по восстановлению перекрытий, крыш, куполов. Начиная с 1989 года, храмы вновь возвращаются верующим (*Закаменная, 2007*) и с 1990 года открыты для богослужения.

Преображенская церковь отошла к Иваново-Кинешемской епархии в 1991 году, и с января в ней возобновились

службы. За один первый год работы в храме сменилось 4 священника: Сергей Арбузин, иеромонах отец Иона, Андрей Львов, а с ноября – Игорь Зеленский, который служил там до 1998 года. В 1998 году священником в Преображенскую церковь был назначен Алексей Макаров, а затем отец Сергей. С 2007 года храм является подворьем Свято-Никольского женского монастыря, который располагается в городе Приволжске Ивановской области. Благоустраивается кладбище около храма, а в храме идут восстановительные работы и проводятся службы.

Список литературы:

1. Алфавитный список церквей Костромской епархии с показанием имен, отчеств и фамилий священников и дьяконов, состоящих при оных на лицо. Кострома. 1871.
2. Алфавитный список церквей Костромской епархии с показанием имен, отчеств и фамилий священников и дьяконов, состоящих при оных на лицо. Кострома. 1879.
3. Беляев И., 1863. Статистическое описание соборов и церквей Костромской Епархии. СПб.
4. Борзов В. М., 2010. Неизвестная постройка А. И. Мельникова в Плесе // Сборник ст. обл. научн.-практич. конфер. «Плес: прошлое, реальность, будущее...». Иваново.
5. Закаменная Е.Н., 2007. Судьба Плесских храмов в XX веке. Материалы VI Международной научной конференции. ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Иваново.
6. Костромской календарь или настольная справочная книжка для всех сословий на 1872 г. Кострома. 1872.
7. Краткие статистические сведения о церквах Костромской Епархии. Кострома. 1911.
8. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1876-1881 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 8. Д. 32.
9. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1882-1888 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 73.
10. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1889-1893 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 74.
11. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1894-1900 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 75.
12. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1901 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 87.
13. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1902 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 102а.
14. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1903 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 121.
15. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1904 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 140.
16. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1905 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 159.
17. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1906 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 175.
18. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1907 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 194.
19. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1908 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 214.
20. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1909 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 223.
21. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1910 г. // ГАКО. Ф. 1158.
22. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1911 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 256.
23. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1912 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 274.
24. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1913 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 292.
25. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1914 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 310;
26. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1915 г. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 339;
27. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1916-1918 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 76.
28. Метрические книги Преображенской церкви города Плеса 1919-1920 гг. // ГАКО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 77.
29. Ойнас Д. Б. Спасо-Преображенская мужская пустынь в городе Плесе. 1997. // АИО ПГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43.

30. Панченко Г.В., 2007. Гонения на церковь в Плесе в 20-30 гг. XX века по воспоминаниям очевидцев событий и их потомков. Материалы VI Международной научной конференции. ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Иваново.
31. РГАДА. Ф. 235. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 2261.
32. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Ед. 6911.
33. Смирнов Л.П. Плес. К истории города.// ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 12.
34. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1905. Кострома. 1905.
35. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1906. Кострома. 1906.
36. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1907. Кострома. 1907.
37. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1909. Кострома. 1909.
38. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1910. Кострома. 1910.
39. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1911. Кострома. 1911.
40. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1913. Кострома. 1913.
41. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1914. Кострома. 1914.
42. Справочная книжка и календарь Костромской губернии на 1916. Кострома. 1916.

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ ГОРОДА ПЛЁСА В XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Панченко Г.В.

ГБУ ИО «Плёсский музей-заповедник», г. Плёт

Аннотация: Статья посвящена ветряным мельницам города Плёса указанного периода. Вопросы их владельческой принадлежности, местоположения и пр. рассматриваются на основе архивных материалов и картографических материалов, а также натурных изысканий.

Ключевые слова: Плёт, водяная мельница, XIX-XX вв.

WIND MILLS OF THE CITY OF PLYOS IN THE XIX-EARLY XX CENTURIES

Panchenko G.V.

State budgetary institution of the Ivanovo region "Plyos museum-reserve", Plyos

Summary: The article is devoted to windmills of the city of Plyos of the indicated period. Issues of their ownership, location, etc. are considered on the basis of archival materials and cartographic materials, as well as field surveys.

Key words: History, Plyos, windmill, XIX-XX centuries.

Наряду с водяными мельницами в Плёсе в XIX-начале XX в. работали ветряные мельницы. Тема водяных мельниц с изучением мест, где они стояли, уже рассматривалась мною ранее и дала достаточно большой по объёму материал (Панченко, 2016. С. 27-43). Документов о ветряных мельницах, к сожалению, известно значительно меньше.

Сведений XVIII в. о них – совсем немного. Из описания города, составленного в 1787 году городничим И.И. Клементьевым, следует, что в городе было две ветряные мельницы: одна в 1 квартале, а именно в Троицкой слободе – «на выгонной земле мельница ветряная мучная плётского мещанина Нила Данилова Сутырина», другая во 2 квартале за рекою Шохонкой – ветряная мельница мещанина Якова Дмитриева Огурешникова» (Дело о росписании кварталов города Плёса и домов на 1787 год). В документе 1798 года о плётских купцах упоминается купец 3-й

гильдии с капиталом 2050 рублей Федор Федорович Токов, имеющий одну водяную и одну ветряную мельницу. Сообщается, что он привозит товара на 1780 руб., имеет «в отпуск» за морем или в России на 340 руб., торг ведёт «в здешнем городе» (Дело по предложению его превосходительства).

В журнале магистрата за 1834 год упомянута ветряная мельница в Плёсе. Фёдор Китаев предлагает в счёт долга крестьянину Ивану Кобелеву купленную у него шатровую мукомольную мельницу (Журнал 1834 г. Ч. 1. Л. 126). В том же журнале содержатся сведения о прошении дворовой жёнки Аграфены Яковлевой Масловой о прекращении дела о споре зятя её Фёдора Китаева и отца его Василия Китаева о мукомольной мельнице (Журнал 1834 г. Ч. 2. Л. 33). Где она стояла – неизвестно.

Ветряную мельницу в Заречье можно видеть на рисунке братьев Чернецовых, сделанном в 1838 году во время их

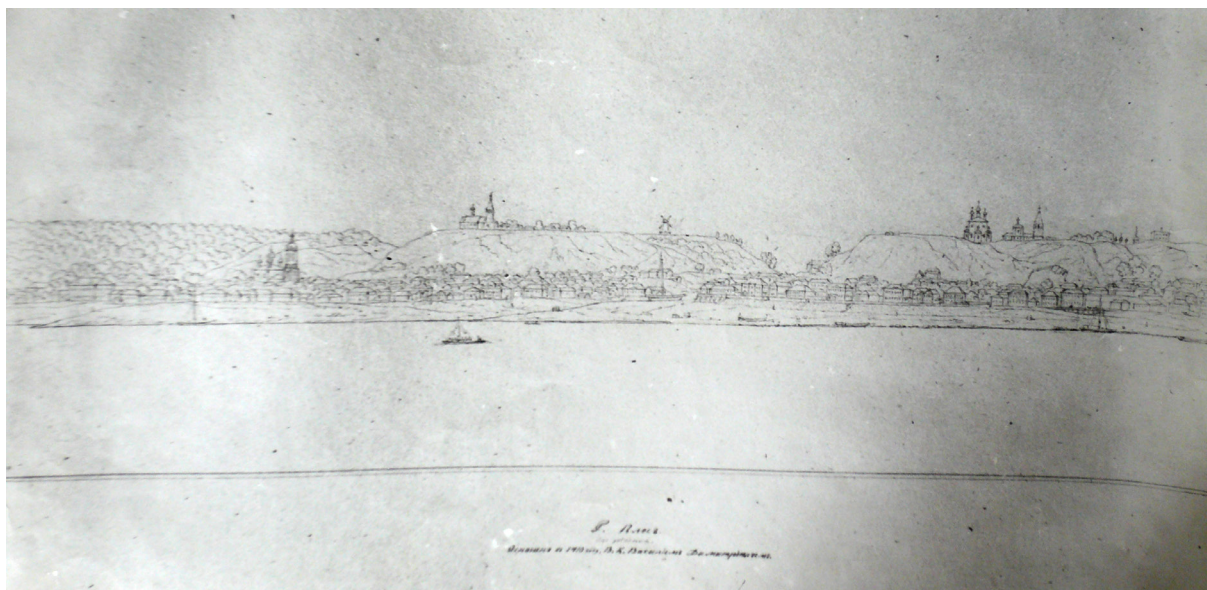


Рис. 1. Ветряная мельница слева от р. Шохонки на рисунке бр. Чернецовых. 1838 г.

путешествия по Волге (Рис. 1). Может ли это быть мельница Огурешникова – неизвестно.

В 1837 году рассматривался вопрос о том, «может ли выстроенная здешним мещанином Золотарёвым на месте площади шатровая ветряная мельница существовать на сим месте» (*Журнал 1837 г. Л. 154*). В 1840 году поступил указ из Костромского губернского правления, требовавший «отобрать объяснение от бывшего городского головы ... Частухина, при коем выстроена на площади здешним мещанином Иваном Золотарёвым ветряная мельница, и уничтожить самую сию мельницу» (*Журнал 1840 г. Л. 158*). Если мы посмотрим на план Плеса 1781 года, то увидим, что в верхней части города действительно планировалась площадь (Рис. 2) (*План Плеса до 1795 г.*). Сейчас на ее месте находится перекресток Пушкинского переуллка и ул. Свободы. Судя по всему, мельница была снесена, а вместо площади появилась квартальная застройка.

Журнал магистрата 1846 года содержит отношение Нерехотского суда «О продаже с торгов дома и мельницы мещанина Гурылёва» (*Журнал 1846 г. Ч. 2. Л. 261об.*). Где она находилась и какая была – ветряная или водяная – пока неизвестно.

В издании «Нерехотский уезд в 1857 году» среди частных заведений, устроенных на городской выгонной земле, упоминаются три ветряные мельницы (*Васьков, 1872. С. 6*). Одну из них мы видим на акварели А. Кореонова (Рис. 3).

В начале XX века их – четыре. В неопубликованной книге «Плес. К истории города» уроженец Плеса, краевед, брат писателя Н.П. Смирнова и сын последнего плесского городского головы Л.П. Смирнов пишет: «Четыре ветряных мельницы принадлежали разным владельцам. Одна из них принадлежала купцу Фомичеву – отцу плёсского приятеля Левитана. Она находилась у начала леса «Ключи», на опушке, и была выкрашена в тёмно-красный цвет, две другие стояли в поле, неподалёку от дороги на Яковлевское, а четвертая – за озером, называвшимся в Плесе «болотом» (о котором я уже упоминал). Это была, мельница Крупкина. При ней жила дочь хозяина – Фига Крупкина – предмет увлечения многих плесских жителей мужского пола» (*Смирнов Л.П. Плес. К истории города. С. 244*).

Одна из самых известных ветряных мельниц Плеса – мельница Федора Афанасьевича Фомичева. Ее можно видеть

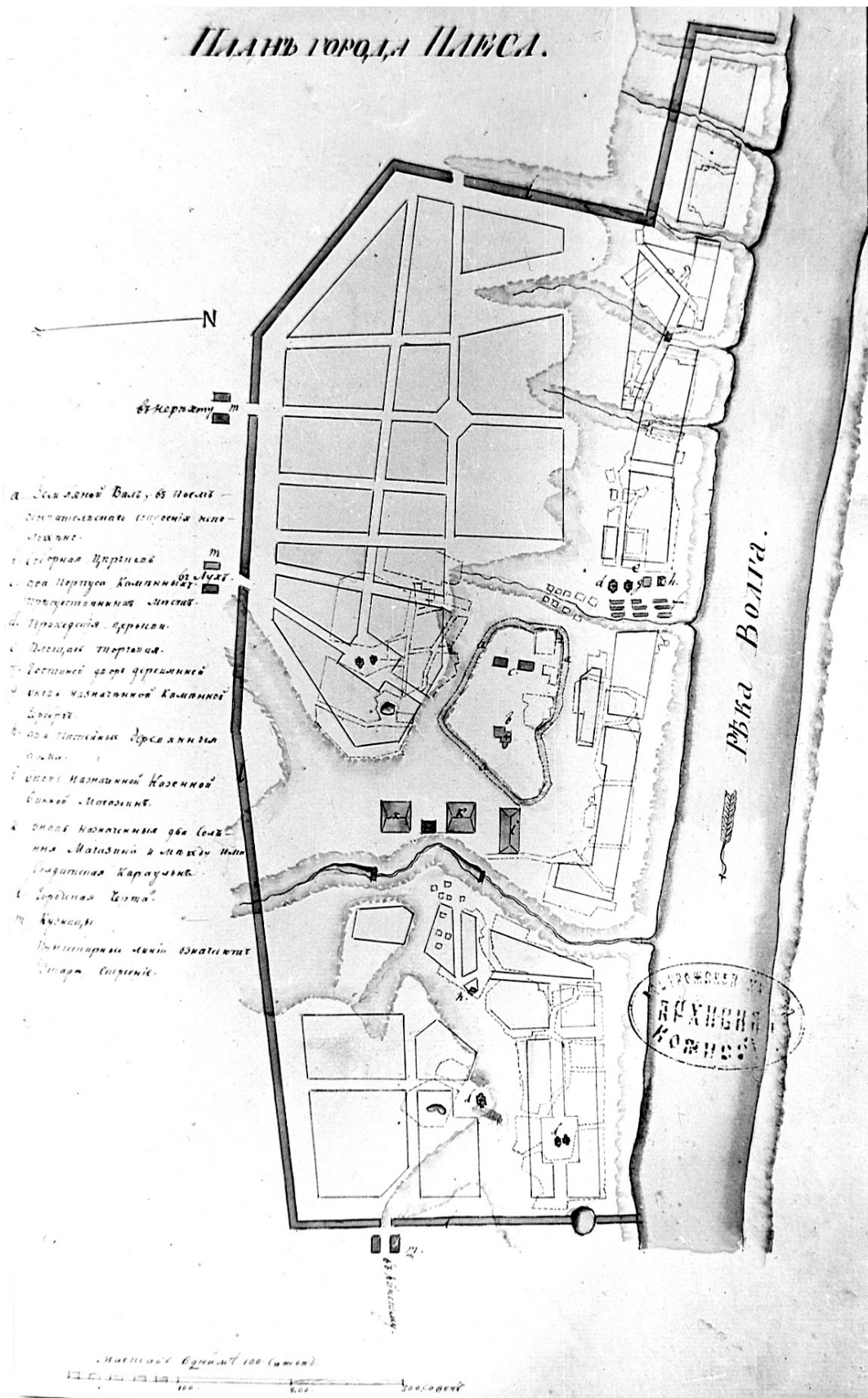


Рис. 2 План Плёса, утвержденный в 1781 году (РГАДА).

на работе Алексея Михайловича Корина «Плѣс. Красная мельница», написанной в 1896 году и хранящейся в Плесском музее-заповеднике (Рис. 4).

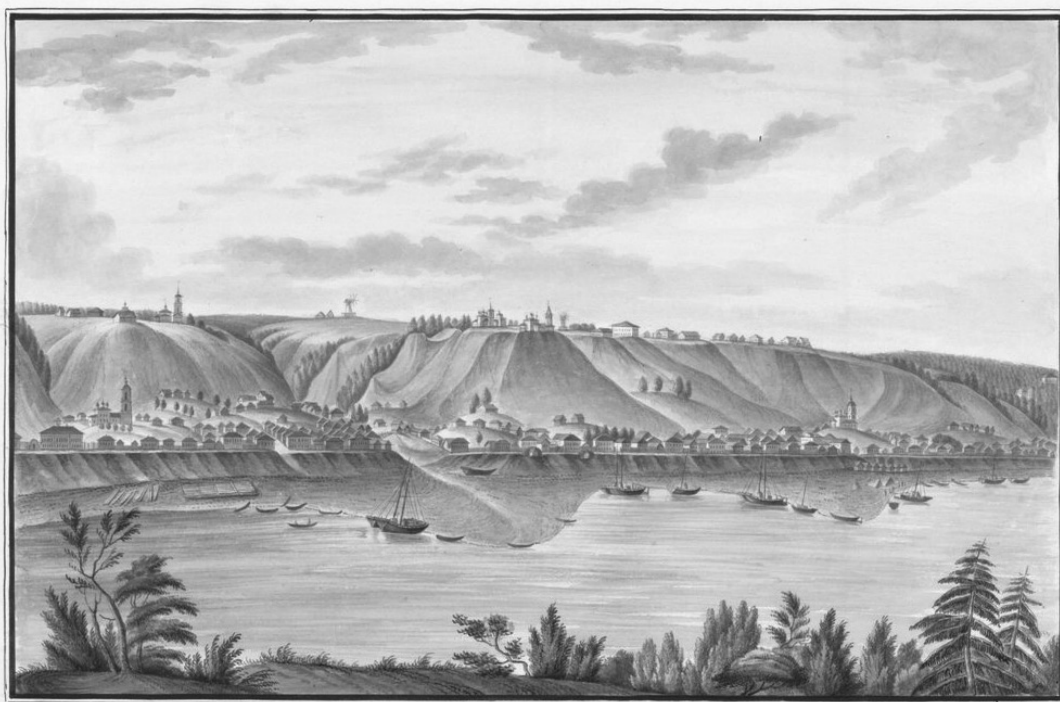
По воспоминаниям Г.Е. Лебедевой, правнучки Федора Афанасьевича Фомичева, усадьба Фомичевых занимала всю территорию современного туберкулезного санатория «Плес». Кроме мельницы в неё входили громадная конюшня, где держали хозяйских лошадей, пасека и яблоневый сад вокруг дома, в котором Федор Афанасьевич принимал гостей, дачников и даже укрывал революционеров (*Воспоминания Галины Евгеньевны Лебедевой 1919 г.р. Л. 1*).

В 1914 г. хозяйкой «Красной мельницы» была Анна Васильевна Фомичева, вдова Федора Афанасьевича Фомичева. При мельнице числились проживающими 5 человек мужского и 4 – женского пола (*Список всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе*).

Вероятно, именно эта ветряная

мельница вместе с хозяйственными постройками хорошо видна на фотографии, снятой С.М. Прокудиным-Горским в 1910 году (Рис. 5-6).

В описании фотооткрытки № 119 (Рис. 7) Л.П. Смирнов пишет: «Напротив Турбазы существует и теперь пруд, питаемый, очевидно, подземными ключами. Около него, до революции, существовала ветряная мельница. Кроме нее, в поле, было еще 3 ветряных мельницы. Одна, у входа в лес “Ключи”, принадлежала Ф.А. Фомичеву, была покрашена в красный цвет и на нашей памяти бездействовала. В поле близ дороги в с. Середу стояло еще две мельницы. Одна из них, видна с правого края фото, принадлежала Тачаеву и работала до конца 20-х годов нашего века. Мельница у пруда принадлежала Крупкину и работала до начала революции» (*Смирнов Л.П. Описание открыток с видами гор. Плеса. Собрание Л.А. Шлычкова. Л. 19*).



Посадъ Плесъ.

Рис. 3 Кореонов А. Посад Плѣс. 1857 г. Бумага, акварель (ГИМ).



Рис. 4 Корин А.М. Плѣс. Красная мельница. 1896. Холст, масло. 51x76 см.

В описании фотооткрытки № 155 (Рис. 8) Л.П. Смирнов поясняет: «Ярославская улица идет на горе, в Троицкой слободе, перпендикулярно Волге, вдали видна ветряная мельница, находящаяся в поле вблизи дороги на пос. Серeda (ныне г. Фурманов)» (Смирнов Л.П. *Описание открыток с видами гор. Плеса. Собрание Л.А. Шлычкова. Л. 23*). Имя владельца этой мельницы Л.П. Смирнов не называет. Очевидно, что это не мельница Фомичева, не мельница Тачаева, и не мельница Крупкина, фамилии которых краеведу известны.

Все четыре мельницы видны на фотооткрытке № 164 (Рис. 9).

Мельницы можно видеть и на плане Плеса начала XX века. Под номером 14 рядом с прудом изображена мельница П.И. Низова, позже Крупкина. Она располагалась примерно на участке современного д. 17 по ул. 1-я Запрудная. Имя Фиги Крупкиной, дочери мельника, кстати, упоминается в неоконченной повести

Н.П. Смирнова «Солнце неспящих». Он назвал ее там «бойкой белошвейкой».

Мельница неизвестного владельца, которую мы видим на фотооткрытке № 155 в створе Ярославской улицы изображена на плане под номером 15. Сейчас это территория автостоянки при въезде в город.

Мельница Тачаева в списке дворовых мест привязана к Столыпинской улице (Список всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе), а Смирнов указывает, что она стояла при дороге на Середу (ныне г. Фурманов, т. е. ее вероятное местонахождение – участок дома 41а по ул. Свободы).

К сожалению, часть плана, очевидно, была утрачена, на копии плана нет цифры 16, которой, судя по экспликации, обозначена мельница Фомичева. В «Списке дворовых мест» она указана по Троицкому переулку, от которого сохранился небольшой отрезок южнее участка современной плесской средней



Рис. 5 Мельница в левой части снимка С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.



Рис. 6 Фрагмент фотографии С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

школы. Сопоставляя всё изложенное выше, можно предположить, что на фотооткрытке № 164 – это должна быть крайняя слева мельница, крылья которой выглядывают из-за дома. На фотооткрытке № 119, где фото сделано немного с другого ракурса, эта мельница видна значительно лучше. При сопоставлении возможных видовых осей этих фото (они сделаны с северной оконечности Верхнего пруда), фото Прокудина-Горского и фотографии, снятой со склона Петропавловской горы над Никольским переулком (пер. Кирова) получается, что местонахождение мельницы Фомичева следует искать в районе дома по ул. Корнилова, 31а.

Итак, на фотооткрытке № 164 слева направо запечатлены мельницы Фомичева, Низова-Крупкина, неизвестного владельца и Тачаева.

Описание Московской промышленной области содержит указание на бытование в конце XIX века двух типов ветряных мельниц. «Простые разструсные мельницы, крестьянские ветряки Московской

области, обыкновенно первобытного устройства – это мельницы на козлах, самые распространенные, вследствие лёгкости и дешевизны их устройства. Такая мельница имеет два основания: одно неподвижное – лежащая на земле клетка из брусьев, венцов в пять, другое, вращающееся вокруг столба, утвержденного в центре нижнего основания и состоящее из 46 брусьев, в концах которых вдолблены столбы, вышиною в 2 саж. Столбы эти связаны вверху балками, служащими основанием крыши. К верхнему подвижному основанию прикреплены слуги, при помощи которых поворачивается весь корпус мельницы с механизмом для установки крыльев против ветра. У такой мельницы обыкновенно 4, иногда 6 или 8 крыльев. Ступенчатая лесенка и балкончик – необходимые наружные части мельницы. Менее распространены более совершенные шатровые мельницы или, так называемые голландские, которые устраиваются с твердым неподвижным основанием и корпусом, а



Рис. 7 Фотооткрытка № 119. Пруд и мельница. 1910-е гг.

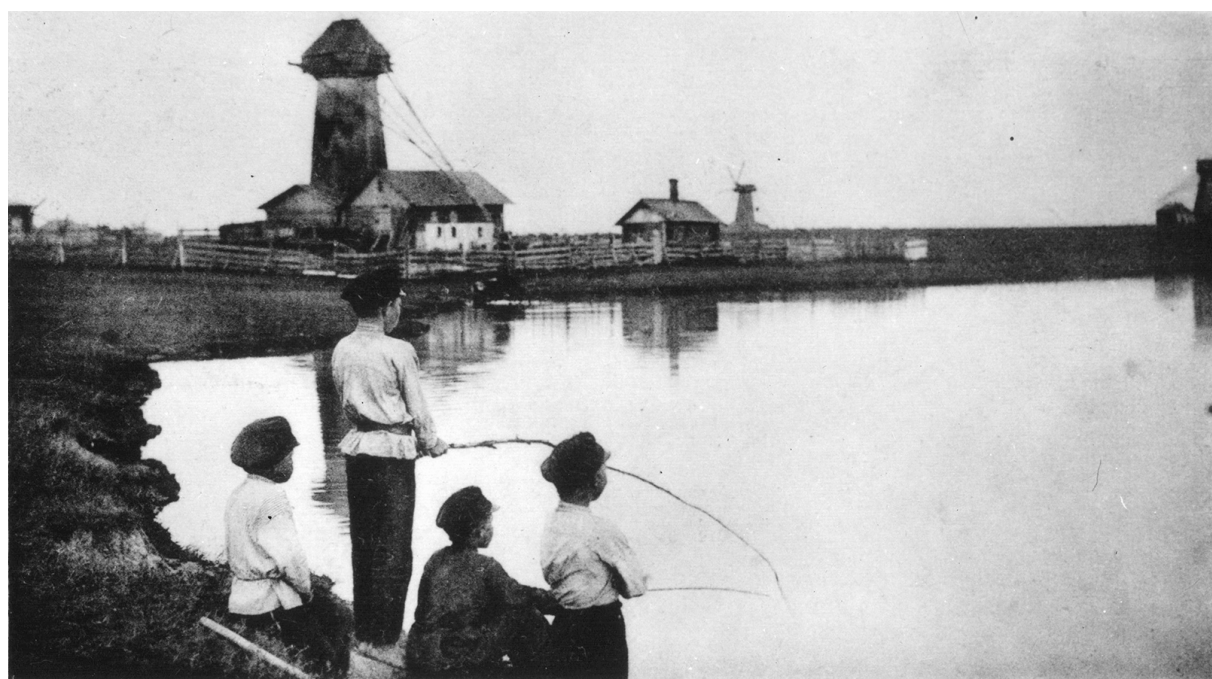


г. ПЛЕС.

155.

Ярославская улица.

Рис. 8 Фотооткрытка № 155. г. Плёс. Ярославская улица. 1910-е гг.



г. ПЛЕС.

164.

Пруд в Троицкой слободѣ.

Рис. 9 Фотооткрытка № 164. г. Плёс. Пруд в Троицкой слободе. 1910-е гг.

поворачивается по ветру только шатер с крыльями. Мельницы последнего типа более распространены в промышленной и особенно в переходной полосах области» (*Живописная Россия, 1899. С. 16*).

Как мы видим, все плёские ветряные мельницы, относились к типу шатровых ветряных мельниц или «голландских».

Как уже сообщалось выше, мельница Крупкина работала до начала революции.

В 1919 году по поводу взятия на учет мельниц в городе Плесе было решено, что «1) Мельницы и крупорушки, как частновладельческие, так и общественные, разделяются на две категории: во-первых, мельницы и крупорушки потребительские и общегосударственные, во-вторых, все прочие мельницы, имеющие местное значение. 2) Мельницы первой категории находятся в ведении местного Совнархоза. Из них паровые мельницы

с основным капиталом свыше пяти тысяч рублей, принадлежавшие акционерным товариществам, национализированы декретом о национализации (с. уст. с. 559), а все остальные мельницы национализируются по особому каждый раз постановлению Совнархоза» (*Протоколы исполкома 1919 г. Л. 108*).

Мельница Тачаева проработала до конца 20-х годов XX века.

В сведениях волисполкома за 1924 год в Плесе упомянута только одна мельница – паровая, принадлежавшая ЕПО (*Учреждения Плесской волости в 1924 году*). В отчете волисполкома за 1926 год указывается, что кроме нее в волости работало 12 ветряных мельниц (*Информационный отчет волкома за январь-март 1926 г. Л. 64*). Сколько из них было в Плесе и было ли – неизвестно.

Список литературы:

1. Васьков А.Ф., 1872. Нерехотский уезд в 1857 году. Кострома.
2. Воспоминания Галины Евгеньевны Лебедевой 1919 г.р. (г. Плес, ул. Корнилова, д. 15), записанные 30.01.2007 О.В. Наседкиной и Г.В. Панченко.// АИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87.
3. Дело о росписании кварталов города Плеса и домов на 1787 год, Описание, учинённое господином городничим премьер майором Иваном Ивановичем Клементьевым.// ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 73.
4. Дело по предложению его превосходительства господина советника и Костромского губернатора Бориса Петровича о присылке к его превосходительству о купцах, также о их капиталах и торгах и о прочем ведомости. Мая 3 дня 1798 г.// ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 159.
5. Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 6. Ч. 2: Москва и Московская промышленная область: Московская промышленная область. СПб.-М., 1899.
6. Информационный отчет волкома за январь-март 1926 г.// ГАИО. Партархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 671.
7. Журнал 1834 г. Ч. 1.// ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д. 333.
8. Журнал 1834 г. Ч. 2.// ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д. 334.
9. Журнал 1837 г.// ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 347.
10. Журнал 1840 г.// ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д. 369. Л. 158.
11. Журнал 1846 г. Ч. 2.// ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 407. Л. 261 об.
12. Панченко Г.В., 2016. К истории водяных мельниц города Плеса// XIV Плесские чтения. Иваново.
13. План Плеса до 1795 г.// ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 142.
14. Протоколы исполкома 1919 г.// ГАИО. Ф. Р-972. Оп. 1. Д. 46.
15. Смирнов Л.П. Описание открыток с видами гор. Плеса. Собрание Л.А. Шлычкова.// Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 3.
16. Смирнов Л.П. Плес. К истории города.// Архив ПГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 12.
17. Список всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе Нерехтского уезда.// ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12522.
18. Учреждения Плесской волости в 1924 году.// ГАИО. Ф. Р-969. Оп.1. Д. 22.

Список авторов

Анциферов Анатолий Леонидович (г. Кострома). ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», член КОО ВОО «Русское географическое общество», к.б.н., ст.н.с. отдела природы.

Бутрин Егор Сергеевич (г. Иваново). ГБУ ИО «Государственный архив Ивановской области», к.и.н., зам. начальника отдела публикации и использования документов.

Воробьева Екатерина Евгеньевна (г. Шуя). Некоммерческое партнёрство «Шуйская археологическая экспедиция».

Генинг Владимир Владимирович (г. Москва). ООО «Археологические изыскания в строительстве», к.и.н., советник генерального директора.

Городилин Сергей Владимирович (г. Москва). Центр по истории Древней Руси ИРИ РАН.

Горохова Анна Викторовна (г. Кострома). ОГБУ «Наследие», ведущий инженер научно-изыскательского отдела.

Гусаков Михаил Георгиевич (г. Москва). ООО «Археологические изыскания в строительстве», к.и.н., научный консультант

Копытков Василий Викентьевич (г. Зеленоград). Культурно-исторический центр «Светоч», заместитель генерального директора по научной работе.

Кузнецов Александр Васильевич (г. Тотьма). Действительный член Русского географического общества.

Кузнецова Валентина Николаевна (г. Санкт-Петербург). ФГБУК «Российский этнографический музей», к.и.н., научный сотрудник.

Кузьмичёв Иван Александрович (г. Кострома). ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», старший научный сотрудник.

Кузьмичёва Ольга Валентиновна (г. Кострома). ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных предметов, хранитель фонда «Ценная и редкая книга».

Лазарев Алексей Станиславович (г. Кострома). ОГБУ «Наследие», начальник научно-изыскательского отдела.

Левашова Любовь Валерьевна (г. Плёс). ГБУ ИО «Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», старший научный сотрудник.

Митрофанов Роман Владимирович (г. Кострома). ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», член КОО ВОО «Русское географическое общество», ст.н.с. отдела природы.

Несмиян Владимир Геннадьевич (г. Шуя). Некоммерческое партнёрство «Шуйская археологическая экспедиция», директор.

Несмиян Ольга Альбертовна (г. Шуя). Некоммерческое партнёрство «Шуйская археологическая экспедиция».

Панченко Галина Викторовна (г. Плёс). ГБУ ИО «Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», заведующая историческим отделом.

Патрик Галина Константиновна (г. Москва). ООО «Археологические изыскания в строительстве», научный консультант, реставратор.

Сатурин Алексей Александрович (г. Кострома). ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», заведующий отделом археологии.

Фомичева Виктория Владимировна (г. Кострома). ОГБУ «Наследие», инженер 1 категории научно-изыскательского отдела.

Четвертаков Евгений Валентинович (Нижний Новгород). Дальнеконстантиновский районный краеведческий музей, магистр истории, методист.

Щербаков Виталий Леонидович (г. Кострома). АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования», к.и.н., директор.

Список сокращений

- АИО ПГИАХМЗ** – Архив исторического отдела Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
- АСЭИ** – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
- ГАИО** – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО** – Государственный архив Костромской области
- ГИМ** – Государственный исторический музей
- ЗОРСА** – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества
- ИА** – Институт археологии
- ИАК** – Императорская археологическая комиссия
- ИГАИМК** – Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИРИ** – Институт Российской истории
- ИЯЛИ Коми НЦ УрО** – Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра
- КГИАХМЗ** – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
- КГУАК** – Костромская губернская ученая архивная комиссия
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- ЛОИА** – Ленинградское отделение Института археологии
- МАР** – Материалы по археологии России
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА ИИМК** – Научный архив Института истории материальной культуры
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ПГИАХМЗ** – Плещский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедника
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РА** – Российская археология
- РАН** – Российская академия наук
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- РД** – Русский дипломатарий
- СА** – Советская археология

Научное издание

**Костромской край и сопредельные территории в древности,
Средневековье и в Новое время**

К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова

Макет: К. А. Евдокимова

Подписано в печать: 18.11.2019 г.

Тираж: 300 экз.

Усл.-печ.л.: 19

Отпечатано: ООО "Стандарт принт"
г. Кострома, пр-т Текстильщиков, 51
+7 (4942) 39-00-71